

КОРОНА ИЗ ЗОЛОТЫХ КОСТЕЙ

ДЖЕННИФЕР
АРМЕНТРОУТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА №1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

18+

Кровь и пепел

Дженнифер Ли Арментроут
Корона из золотых костей

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 312.9
ББК 84(7Coe) 44

Арментроут Д.

Корона из золотых костей / Д. Арментроут — «Издательство АСТ», 2021 — (Кровь и пепел)

ISBN 978-5-17-146350-2

Она была жертвой, и она выжила... Поппи и не мечтала найти любовь, какую она обрела с принцем Кастилом. Она хочет наслаждаться счастьем, но сначала они должны освободить его брата и найти Йена. Это опасная миссия с далеко идущими последствиями, о которых они и помыслить не могут. Ибо Поппи — Избранная, Благословленная. Истинная правительница Атлантии. В ней течет кровь короля богов. Корона и королевство по праву принадлежат ей. Враг и воин... Поппи всегда хотела только одного: управлять собственной жизнью, а не жизнями других. Но теперь она должна выбирать: отринуть то, что принадлежит ей по праву рождения, или принять позолоченную корону и стать королевой Плоти и Огня. Однако темные истории и кровавые секреты обоих королевств наконец выходят на свет, а давно забытая сила восстает и становится реальной угрозой. Враги не остановятся ни перед чем, чтобы корона никогда не оказалась на голове Поппи. Возлюбленный и сердечная пара... Но величайшая угроза ждет далеко на западе, там, где королева Крови и Пепла строит планы, сотни лет ожидая возможности, чтобы их воплотить. Поппи и Кастил должны совершить невозможное — отправиться в Страну богов и разбудить самого короля. По мере того, как раскрываются шокирующие тайны, выходят на свет жестокие предательства и появляются враги, угрожающие уничтожить все, за что боролись Поппи и Кастил, им предстоит узнать, как далеко они могут зайти ради своего народа — и ради друг друга. И теперь она станет королевой...

УДК 821.111- 312.9
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-146350-2

© Арментроут Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Об авторе	7
Благодарности	8
Посвящение	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	81
Глава 12	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дженнифер Арментроут

Корона из золотых костей

Copyright © 2021 by Jennifer Armentrout

© Наталия Луц, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Cover Design © Hang Le

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

Об авторе

Дженнифер – автор бестселлеров по версии New York Times и International Bestselling – живет в Шепердстауне в Западной Виргинии. Все слухи о ней не соответствуют действительности. Когда она не занята работой, то читает, смотрит по-настоящему страшные фильмы о зомби, делает вид, что пишет, и проводит время с мужем, вместе с бывшим полицейским псом Дизелем, шаловливым щенком бордер-джека Аполло, шестью рассудительными альпаками, четырьмя пушистыми овцами и двумя козами.

Мечтать о карьере писателя она начала еще в школе на уроках алгебры, когда большую часть времени писала рассказы... что объясняет ее плохие оценки по математике. Дженнифер пишет мистику для подростков, научную фантастику, фэнтези и современные любовные романы. Ее книги издаются в Tor Teen, Entangled Teen и Brazen, Disney/Hyperion и Harlequin Teen. Passionflix приобрели права на ее роман «Искушение», съемки должны были начаться в конце 2018 года. Остросюжетный любовный роман для подростков «Не оглядывайся» в 2014 году попал в номинацию за лучшую книгу для молодежи по версии YALSA, а роман «Проблема с вечностью» в 2017 году стал победителем RITA Award.

Кроме того, она пишет современные и фантастические любовные романы для взрослых под псевдонимом Дж. Линн. Они издаются в Entangled Brazen и HarperCollins.

Благодарности

Спасибо Лиз Берри, Джиллиан Стейн и М. Дж. Роуз, которые влюбились в этих персонажей и мир так же сильно, как и я. Спасибо моему агенту Кевану Лайону, а также Челль Олсон, Ким Гидроз, команде Blue Vox Press, Джен Уотсон и моей помощнице Стефани Браун за усердную работу и поддержку. Огромное спасибо Ханг Ли за такие прекрасные обложки. Большое спасибо Джен Фишер, Малиссе Кой, Стейси Морган, Лесе, Дж. Р. Уорд, Лауре Кайя, Андреа Джоун.

Сара Маас, Бриджид Кеммерер, К. А. Таккер, Тиджейн, Вонетта Янг, Мона Авард и многие другие – вы помогли мне сохранять рассудок и смеяться над трудностями. Спасибо команде ARC за поддержку и честные отзывы. Большое спасибо JLanders – лучшей читательской группе, какая может быть у писателя, и Blood and Ash Spoiler Group за то, что с вами было потрясающе редактировать, и за то, что вы такие замечательные.

Ничего из этого не было бы возможно
без тебя, читатель. Спасибо тебе.

Посвящение

Посвящаю героям – медицинским работникам; тем, кто оказывает первую помощь; работникам жизненно важных отраслей и исследователям, которые неустанно трудились по всему миру, чтобы спасать людей и держать магазины открытыми, сильно рискуя собственными жизнями и жизнями близких. Спасибо вам.

Глава 1

– Опустите мечи! – приказала королева Элоана и преклонила колено.

Ее волосы блестели на солнце как оникс. Необузданные эмоции рвались из нее и разливались на полу Покоев Никтоса – горькие и горячие, с привкусом душевной боли и бессильного гнева. Они потянулись ко мне, иголками закололи кожу и задели... что-то первозданное внутри меня.

– И склонитесь перед... перед последним потомком самых древних, той, что хранит в себе кровь короля богов. Склонитесь перед вашей новой королевой.

«Кровь короля богов? Ваша новая королева?» Бессмыслица. И ее слова, и то, что она сняла корону.

Я едва дышала, и прерывистое дыхание ранило горло. Я взглянула на мужчину, стоящего рядом с королевой Атлантии. Светловолосую голову короля по-прежнему украшала корона, и кости на ней оставались выгоревшими до белизны. Ничего похожего на блестящую позолоченную корону, которую королева сложила к ногам статуи Никтоса. Я скользнула взглядом по искаленным трупам, лежащим на когда-то безупречно белом полу. Это я расправилась с ними, добавив их кровь к той, что стекала с неба, заполняя тонкие трещинки в мраморе. Я не обращала на это внимания, не видела никого, кроме *него*.

Он оставался стоять, преклонив колено и глядя на меня через скрещенные перед грудью мечи. Влажные волосы, иссиня-черные на атлантианском солнце, вились на лбу, по коже песочного цвета. Красные струйки текли по высоким, резко очерченным скулам, гордому изгибу челюсти и по губам, из-за которых когда-то разбилось мое сердце. Губам, которые, благодаря правде, собрали эти осколки вместе. Яркие золотистые глаза встретились с моими. Даже склонившийся передо мной и такой неподвижный, что, казалось, даже не дышит, он напоминал мне дикого и поразительно красивого пещерного кота, которого я однажды в детстве видела в клетке во дворце королевы Илеаны.

Он представлял передо мной во многих обликах. Незнакомцем в тускло освещенной комнате, который стал первым, кто меня поцеловал. Гвардейцем, который поклялся отдать за меня жизнь. Другом, который видел за вуалью Девы меня настоящую и вложил мне в руки меч, чтобы я могла защищаться, вместо того, чтобы усадить меня в золотую клетку. Легендой, окутанной тьмой и кошмарами. Тем, кто замыслил предать меня. Принцем королевства, считавшегося уничтоженным временем и войной. Тем, кто прошел через невообразимые ужасы и все же сумел собрать части себя прежнего. Братом, который пойдет на что угодно, совершит любое преступление, чтобы спасти свою семью. Свой народ. Человеком, который обнажил душу и раскрыл сердце передо мной – и только передо мной.

Моим первым.

Моим гвардейцем.

Моим другом.

Моим предателем.

Моим партнером.

Моим мужем.

Моей сердечной парой.

Моим всем.

Кастил Да'Нир, склонившись, смотрел на меня так, будто я единственный человек во всем королевстве. Мне больше не требовалось концентрироваться как раньше, чтобы знать, что он чувствует. Его чувства были полностью мне открыты. Его эмоции быстро сменялись, как в калейдоскопе, – холодные и терпкие, насыщенные и пряные, и сладкие, как ягоды в шоколаде.

ной глазури. Непреклонно жесткие и безжалостно нежные губы разомкнулись, приоткрывая кончики острых клыков.

– Моя королева, – выдохнул он, и два чувственных слова коснулись моей кожи. Мелодия его голоса умирала древнее существо внутри меня, которое хотело взять гнев и страх, исходящие от окружающих, повернуть и отправить назад, в самом деле дав повод для страха и увеличив число искалеченных трупов на полу. Уголок его губ изогнулся, и на правой щеке возникла глубокая ямочка.

При виде этой дурацкой – и обожаемой – ямочки меня охватило головокружительное облегчение, и мое тело содрогнулось. Я боялась, что он испугается, когда увидит, что я сделала. И не стала бы его в этом винить. То, что я совершила, ужаснуло бы кого угодно, только не Кастила. Жар, от которого его глаза приобрели цвет теплого меда, сказал мне: страх – последнее, что он сейчас испытывает. Это также немного тревожило. Но ведь он – Темный, пусть и не любит, когда его так называют.

Потрясение начало проходить, адреналин перестал бурлить. И когда все прошло, я поняла, как мне больно. Болели плечо и висок. Левая половина лица казалась опухшей, и это не имело отношения к старым шрамам. Тупая боль пульсировала в ногах и руках, тело ощущалось странно, а колени подгибались. Я покачнулась, обдуваемая теплым соленым ветром...

Кастил быстро поднялся. Мне не следовало удивляться, как стремительно он двигается, но я по-прежнему поражалась этому. В мгновение ока он вскочил, выпрямился и оказался рядом со мной. В этот момент произошло несколько событий.

Мужчины и женщины, которые стояли за родителями Кастила, одетые в такие же белые туники и свободные штаны, что и люди, лежащие на полу, тоже пришли в движение. Они вскинули мечи и переместились ближе к родителям Кастила, защищая их. Свет отразился от золотых обручей, украшающих их бицепсы. Некоторые потянулись к арбалетам, притороченным на спинах. Видимо, они были стражниками.

Вольвен, который показался мне самым большим из всех, каких я встречала, внезапно предупреждающе зарычал. Отец Киерана и Вонетты стоял справа от меня. Джаспер провел для нас с Кастилом брачный обряд в Пределе Спессы. Он присутствовал при том, как Никтос выразил свое одобрение, ненадолго превратив день в ночь. Но теперь этот вольвен с шерстью цвета стали скалил зубы, способные рвать плоть и ломать кости. Он предан Кастилу, и тем не менее интуиция подсказывала мне, что он предостерегает не только стражников.

Рычание также послышалось слева. В тени высокого кровавого дерева, за считанные секунды выросшего на том месте, куда попала моя кровь, крался, низко опустив голову, вольвен с палевым мехом. Его льдисто-голубые глаза радужно переливались. Киеран. Он злобно уставился на Кастила. Я не понимала, почему они так себя ведут по отношению к принцу, особенно Киеран. Он был связан с Кастилом с самого рождения и обязан повиноваться ему и защищать любой ценой. И его соединяли с Кастилом не только узы обязательств. Они братья, пусть не по крови, но по родству душ, и я знала, что они любят друг друга.

Но сейчас в том, как Киеран прижал уши, не читалось любви.

Меня охватило беспокойство, когда вольвен пригнулся и напряг мышцы на лапах, готовясь напасть... на Кастила.

У меня упало сердце. Неправильно. Тут все неправильно.

– Нет, – прохрипела я, едва узнавая собственный голос.

Киеран, похоже, не услышал меня или не придавал этому значения. Если бы он вел себя как обычно, я бы предположила, что он меня игнорирует, но сейчас все казалось иначе. И он был другим. Я никогда не видела, чтобы его глаза становились такими яркими, и с ними было что-то не так, потому что... теперь они не просто голубые. Зрачки светились серебристо-белым, и свечение просачивалось тонкими завитками в голубизну. Я резко повернула голову к Джасперу. Его глаза тоже изменились. Я уже видела этот странный свет. Так светилась моя кожа,

когда я исцеляла сломанные ноги Беккета – и такое же серебристое сияние исходило от меня несколько минут назад.

Кастила пронзил шок, пока он смотрел на вольвенов, а затем... я почувствовала исходящую от него волну облегчения.

– Вы знали.

Голос Кастила был полон благоговения, которого не чувствовал никто из людей за его спиной. С лица атлантианца с рыжевато-каштановыми волосами исчезла непринужденная усмешка. Эмиль смотрел на нас, вытаращив глаза и излучая сильный страх, как и Нейлл, который всегда казался абсолютно невозмутимым, даже в бою с превосходящим численностью противником.

Кастил медленно убрал мечи в ножны на боках и опустил руки.

– Вы все знали, что с ней что-то случилось. Вот почему...

Он осекся и крепко сжал челюсти.

Несколько стражников встали перед королем и королевой, скрыв их от нас...

Копна белого меха ринулась вперед. Делано поджал хвост и заскреб когтями по мрамору, а затем поднял голову и завыл. От этого жуткого, но одновременно прекрасного звука у меня волосы встали дыбом.

Вдалеке послышался слабый ответный лай, с каждой секундой становясь все громче. По земле прокатилась дрожь, от которой задрожала листва на высоких конусообразных деревьях, отделяющих храм от Бухты Сэйона. С ветвей взмыли птицы с желто-голубыми крыльями и разлетелись по небу.

– Проклятье. – Эмиль повернулся к ступеням храма и потянулся за мечами, висящими на боках. – Они сзывают весь проклятый город.

– Это все она, – сказал старый вольвен.

Глубокий шрам, проходящий через лоб Аластира, обозначился резче. Он стоял рядом со стражниками, окружившими родителей Кастила, и от него исходило мощное неверие.

– Это не она, – резко возразил Кастил.

– Но это так, – подтвердил король Валин, пристально глядя на меня. Его лицо – это лицо Кастила, каким оно однажды станет. – Они реагируют на нее. Вот почему вольвены, что были с нами на дороге, так внезапно обратились. Она позвала их.

– Я... я никого не звала, – сказала я Кастилу дрогнувшим голосом.

– Знаю. – Он поймал мой взгляд, и его тон смягчился.

– Но она звала, – настаивала его мать. – Может, ты этого не осознаешь, но ты призвала их.

Я перевела взгляд на нее, и у меня сжалось сердце. Она оказалась именно такой, какой я и представляла мать Кастила. Великолепной. Царственной. Могущественной. Она сохраняла спокойствие и сейчас, преклонив колени, и когда только увидела меня и настойчиво спросила сына: «Что ты наделал? Кого ты привез?» Я поморщилась, опасаясь, что эти слова еще долго будут звучать в моей голове.

Черты Кастила заострились, взгляд золотистых глаз окинул мое лицо.

– Если идиоты за моей спиной опустят мечи вместо того, чтобы поднимать их на мою жену, на нас не набросится все поселение вольвенов, – резко бросил он. – Они всего лишь реагируют на угрозу.

– Ты прав, – согласился его отец, мягко поднимая жену на ноги. Подол ее сиреневого платья перепачкался в крови. – Но подумай, почему связанный с тобой вольвен защищает кого-то другого, а не тебя.

– Сейчас это меня меньше всего волнует, – ответил Кастил.

Топот сотен, если не больше, лап, приближался. Он же не всерьез? Его должно это волновать, потому что вопрос очень хороший.

– А должно бы, – предупредила его мать, и ее уверенный голос чуть дрогнул. – Узы разорваны.

Узы? Я перевела взгляд на ступени храма, к которым медленно пятился Эмиль. Нейлл уже вытащил свои мечи. У меня дрожали руки.

– Она права, – вымолвил Аластир. Кожа вокруг его рта побелела еще сильнее. – Я... я это чувствую – Первозданный нотам. Ее знак. Боги богов! – Его голос дрожал. Он шагнул назад, чуть не наступив на корону. – Они все разорваны.

Я понятия не имела, что такое нотам, но под замешательством и нарастающей паникой различила что-то странное в словах Аластира. Если это так, то почему он не обернулся в вольвена? Не потому ли, что много лет назад он уже разорвал вольвенские узы с прежним королем Атлантии?

– Посмотри на их глаза, – тихо велела королева, указывая на то, что я уже заметила. – Знаю, ты не понимаешь. Есть вещи, которые тебе незачем было знать, Хоук.

Ее голос задрожал при упоминании его уменьшительного имени – имени, которое я когда-то считала всего лишь ложью.

– Но что тебе сейчас нужно знать, так это то, что они больше не служат первичным. Ты не в безопасности. Пожалуйста, – умоляла она. – Пожалуйста. Послушай меня, Хоук.

– Как? – прокричала я. – Как могли разорваться узы?

– Сейчас это не имеет значения. – Янтарные глаза Кастила почти светились. – У тебя кровь идет, – сказал он, словно самой важной проблемой было это.

Но нет, важнее стало не это.

– Как? – повторила я.

– Это из-за того, кто ты. – Элоана сжала ткань юбки. – В тебе течет кровь бога...

– Я смертная, – сказала я.

Она покачала головой, и из узла ее темных волос выбился густой локон.

– Да, ты смертная, но ты производишь от божества – от детей богов. Что для этого нужно – капля божественной крови. – Она с силой сглотнула. – Может, в тебе есть что-то еще, но то, что содержится в твоей крови, в тебе, оказалось сильнее клятв вольвенов.

Я вспомнила, что Киеран рассказывал в Новом Пристанище о вольвенах. Боги даровали некогда диким волкам кийу облик смертных, чтобы те служили проводниками и защитниками детей богов – божеств. Кое-что из того, чем еще поделился тогда Киеран, объясняло реакцию королевы.

Я перевела взгляд на корону, лежащую у ног Никтоса. Капля крови божества оказалась самым весомым доводом в притязаниях на престол Атлантии.

О боги, я сейчас упаду в обморок. Насколько это будет неловко?

Элоана смотрела на напряженную спину сына.

– Ты подойдешь к ней? Сейчас? Они увидят в тебе угрозу для нее. И разорвут тебя на куски.

Мое сердце остановилось. Судя по виду Кастила, именно это он и собирается сделать. Позади меня один из небольших вольвенов с лаем подался вперед, оскалив зубы.

Все мышцы в моем теле напряглись.

– Кастил...

– Все хорошо. – Кастил не сводил с меня глаз. – Никто не причинит вреда Поппи. Я этого не позволю. – Его грудь резко вздымалась, пока он тяжело дышал. – И ты это знаешь, да?

Я кивнула. Это единственное, что я понимала в тот момент. Мое дыхание было частым и поверхностным.

– Все в порядке. Они просто защищают тебя. – Кастил улыбнулся, но улыбка получилась напряженной и натянутой. Он повернулся туда, где слева от меня стоял Киеран. – Я не понимаю всего, что сейчас происходит, но ты – все вы – хотите защищать ее. И я тоже. Ты знаешь, что

я никогда не причиню ей вреда. Я скорее вырву собственное сердце. Она ранена. Мне нужно убедиться, что с ней все в порядке, и ничто меня не остановит.

Он не моргая смотрел Киерану в глаза, а топот лап вольвендов достиг ступеней храма.

– Даже ты. Любой из вас. Я уничтожу каждого, кто встанет между нею и мной.

Рычание Киерана стало громче, и на меня хлынули эмоции, которых я раньше никогда от него не ощущала. Похожие на гнев, но гораздо древнее. Такие же, как и гул моей крови. Что-то древнее. Первозданное.

Возможные события мгновенно пронеслись в моей голове, словно действительно происходили передо мной. Киеран нападет. Или же нападет Джаспер. Я видела, какие раны могут наносить вольвены, но с Кастилом не так легко справиться. Он сделает то, что пообещал. Прорвется через всех, кто стоит между ним и мной. Вольвены погибнут, а если он причинит вред Киерану или сделает что-то похуже, вольвенская кровь окажется не только у него на руках. Она до конца дней запятнает его душу.

Вольвены затопили ступени храма. Большие и маленькие, самых разных окрасов. И я с ужасом осознала. Кастил невероятно силен и немыслимо быстр. Он уложит многих. Но сам падет с ними.

Он погибнет.

Погибнет из-за меня, потому что я призвала вольвендов и не знаю, как это остановить. Мое сердце беспорядочно заколотилось. Вольвен возле ступенек наткнулся на Эмиля, который продолжал пятиться. Еще один добрался до Нейлла, который мягко заговорил с ним, пытаясь успокоить зверя. Остальные нацелились на стражников, окруживших короля с королевой, а несколько... О боги, несколько вольвендов подкрадывались сзади к Кастилу. Все скатилось в хаос, вольвены вышли из-под контроля...

Я резко втянула воздух, лихорадочно соображая и вырываясь из хватки боли и тревоги. Во мне произошло что-то такое, что заставило силу, исходящую от капли божественной крови, разорвать узы. Я стерла их прежние клятвы, и... и это означало, что теперь они повинуются мне.

– Стоять! – приказала я, когда Киеран щелкнул челюстями на Кастила, который в ответ оскалил зубы. – Киеран! Стой! Ты не причинишь вреда Кастилу! – Я повысила голос; в моей крови проявился приглушенный гул. – Всем стоять. Сейчас же! Никто из вас не нападет.

В головах вольвендов словно щелкнул переключатель. Только что они были готовы к нападению, и вот каждый упал на брюхо и опустил голову между передних лап. Я все еще чувствовала их ярость, древнюю силу, но она уже уменьшалась и спадала мерными волнами.

Эмиль опустил меч.

– Это... это было вовремя. Спасибо.

Я прерывисто выдохнула. По рукам до самых плеч пробежала дрожь. Я обвела взглядом храм – все вольвены лежали. Я поверить не могла, что это сработало. Все мое существо хотело восстать против того, чтобы и дальше подтверждать заявление королевы, но, боги, было столько всего, что я не могла отрицать. С пересохшим горлом я посмотрела на Кастила.

Он уставился на меня, округлив глаза. Я не могла дышать. Мое сердце так и не замедлилось настолько, чтобы я ощутила то, что он чувствует.

– Он не причинит мне вреда. Вы все это знаете, – произнесла я дрожащим голосом, глядя на Джаспера, а затем на Киерана. – Ты сам говорил мне, что он единственный в обоих королевствах, с кем я безопасна. Это не изменилось.

Дернув ушами, Киеран поднялся и попятился. Развернувшись, он ткнулся носом в мою руку.

– Спасибо, – прошептала я, на миг закрыв глаза.

– Просто чтобы ты знала, – пробормотал Кастил, опуская густые ресницы. – Что ты только что сделала? Сказала? Я чувствую сейчас много всего, что дико неуместно в данный момент.

Я издала слабый, дрожащий смешок.

– С тобой явно что-то не в порядке.

– Знаю. – Он изогнул губы так, что над левым уголком появилась ямочка. – Но ты любишь это во мне.

Люблю. Боги, правда люблю.

Джаспер встряхнулся и обратил большую голову к нам с Кастилом. Потом повернулся боком, издав грубое пыхтение. Другие вольвены зашевелились, вышли из-за кровавого дерева. Я наблюдала, как они прошли мимо меня, Кастила и остальных, наострив уши и виляя хвостами, присоединились к тем, которые спускались по ступеням, и покинули храм. Из вольвенов остались только Джаспер, его сын и Делано. Ощущение хаотичного напряжения спало.

На лоб Кастила упал локон темных волос.

– Ты опять светишься серебром. Когда приказала вольвенам стоять. Не сильно, не как прежде, но ты напоминала луч лунного света.

Правда? Я посмотрела на свои руки. Они выглядели как обычно.

– Я... я не знаю, что случилось, – прошептала я. У меня подкашивались ноги. – Не знаю, что происходит.

Я подняла взгляд на Кастила. Он сделал шаг вперед, потом еще. Никакого предостерегающего рычания. Ничего. У меня начало гореть горло. Я почувствовала, как слезы подступают к глазам. Мне нельзя плакать. И я не буду. Царит полная неразбериха, не хватает мне еще и зарыдать. Но я так устала. Мне было больно, и не только физически.

Как только я вступила в храм и посмотрела на чистые воды моря Сэйона, я почувствовала себя дома. И знала, что будет нелегко. Доказать, что наш союз настоящий, будет и близко не так трудно, как добиться одобрения родителей Кастила и всего королевства. И нам по-прежнему нужно найти его брата, принца Малика. И моего брата. Нам придется иметь дело с королевой и королем Вознесшихся. Будущее не сулило ничего легкого, но у меня была надежда.

Я чувствовала себя наивной дурой. Пожилой вольвен в Пределе Спессы, которого я исцелила после битвы, предупреждал меня насчет народа Атлантии. «Они тебя не выбирали». И я сомневалась, что когда-либо выберут.

Я сделала судорожный вдох и прошептала:

– Я ничего этого не хотела.

Губы Кастила напряженно сжались.

– Знаю.

Его голос был грубым, но прикосновения – мягкими, когда он поднес ладонь к моей щеке. Он прижался лбом к моему лбу, и по мне волной прокатилась знакомая дрожь от ощущения его кожи на моей. Он зарылся пальцами в мои спутанные волосы.

– Знаю, принцесса, – прошептал он, и я крепко зажмурилась, чтобы справиться со слезами. – Все хорошо. Все будет хорошо. Обещаю.

Я кивнула, хотя знала, что он не может это гарантировать. Больше не может. Я заставила себя сглотнуть подступивший к горлу клубок эмоций.

Кастил поцеловал мой окровавленный лоб и поднял голову.

– Эмиль? Можешь сходить к лошадям Делано и Киерана и принести их одежду, чтобы они могли обернуться и никого не оскорбить своим видом?

– С превеликой радостью, – отозвался атлантианец.

Я чуть не рассмеялась.

– Думаю, нагота будет наименее оскорбительной из всего, что сегодня произошло.

Кастил ничего не сказал и опять коснулся моей щеки, мягко наклонив мою голову набок. Его взгляд упал на камни, разбросанные у моих ног. На его скулах заходили желваки. Он поймал мой взгляд, и я увидела, что его зрачки расширились, оставив лишь тонкую полоску янтаря.

– Они кидали в тебя камни?

Я услышала тихий вздох – наверное, его матери, но не оглянулась. Не хотела видеть их лица. Не хотела знать, что они сейчас чувствуют.

– Они обвинили меня, что я действую в пользу Вознесшихся, и называли меня Пожирательницей душ. Я сказала, что не Пожирательница душ. Я пыталась с ними поговорить.

Слова хлынули из меня потоком. Я подняла руки, чтобы коснуться Кастила, но остановилась. Я не знала, что может причинить мое прикосновение. Проклятье, я не знала, что могу сделать, даже не прикасаясь к человеку.

– Я пыталась их успокоить, но они начали кидать камни. Я просила, чтобы они прекратили. Сказала: «Довольно» – и... и не знаю, что сделала... – Я попыталась взглянуть через плечо Кастила, но он, похоже, знал, чего я ищу, и помешал мне. – Я не собиралась их убивать.

– Ты защищалась. – Он поймал мой взгляд, и его зрачки сузились. – Ты сделала то, что следовало. Ты защищалась...

– Но я не прикасалась к ним, Кастил, – прошептала я. – Это было как во время битвы в Пределе Спессы. Помнишь, как нас окружили солдаты? Когда они ринулись на нас, я почувствовала что-то внутри. И почувствовала это же здесь. Будто что-то внутри меня знало, что делать. Я взяла их гнев и... сделала именно то, что делали Пожиратели душ. Я взяла их гнев и отправила обратно.

– Ты не Пожирательница душ, – сказала где-то рядом Элоана. – В момент, когда итер в твоей крови стал виден, нападавшие должны были понять, кто ты.

– Итер?

– Некоторые называют это магией, – пояснил Кастил и переместился, словно заслоняя меня от матери. – Ты это уже видела.

– Туман?

Он кивнул.

– Это сущность богов, она есть в их крови и дает им способность и силу создавать все, что они создали. Никто больше так это не называет с тех пор, как боги уснули, а божества вымерли. – Он попытался заглянуть мне в глаза. – Мне следовало знать. Боги, мне следовало это увидеть...

– Это ты сейчас так говоришь, – вмешалась его мать. – Но с чего бы тебе пришла в голову мысль, что такое возможно? Такого никто не ожидал.

– Кроме тебя, – ответил Кастил.

Он был прав. Она знала, без сомнений. Конечно, я светила, когда она пришла, но она знала наверняка.

– Я могу объяснить, – сказала она, но вернулся Эмиль, неся две седельные сумки.

Он обошел всех нас по широкой дуге, бросил их перед Джаспером и удалился.

– По-видимому, объяснить нужно многое, – холодно заметил Кастил. – Но это подождет. Его взгляд пробежал по моей левой щеке, и на его скулах опять заходили желваки.

– Нужно отвести тебя в безопасное место, где я... Где я могу о тебе позаботиться.

– Можешь отвести ее в свои прежние комнаты в моем доме, – объявил Джаспер, напугав меня.

Я даже не услышала, как он менял облик. Я стала оборачиваться в его сторону, но заметила голую кожу. Джаспер поднимал свою сумку.

– Сгодится. – Кастил взял у него пару штанов. – Спасибо.

– Ты будешь там в безопасности? – спросила я, и губы Кастила тронула ироничная усмешка.

– Он будет там в безопасности, – ответил Киеран.

Удивленная, я обернулась, услышав его голос. И не остановилась, увидев его смуглую обнаженную кожу. Однако он стоял так, будто не оказался голым перед всеми оставшимися. В

кои-то веки я легко проигнорировала его наготу. Я посмотрела ему в глаза. Он были обычными – яркими, пронзительно голубыми, без серебристо-белой ауры.

– Ты собирался напасть на Кастила.

Киеран кивнул, забирая у него штаны.

– И наверняка бы напал, – подтвердил Кастил.

Я повернулась к мужу.

– А ты угрожал его уничтожить.

На его левой щеке опять появилась ямочка.

– Да.

– Почему ты улыбаешься? Тут нет ничего смешного. – Я уставилась на него, и мои глаза обожгли дурацкие слезы. Мне было все равно, что мы на людях. – Такое никогда больше не повторится. Ты меня слышишь?

Я развернулась к Киерану, который выгнул бровь, натягивая штаны на стройные бедра.

– Вы оба слышите меня? Я этого не позволю. Я не...

– Ш-ш. – Легкое прикосновение Кастила к моей щеке заставило меня взглянуть на него. Он шагнул и оказался так близко, что при каждом вдохе его грудь касалась моей. – Поппи, такого больше не случится. – Он провел большим пальцем по моей щеке. – Верно?

– Верно. – Киеран прочистил горло. – Я не...

Он замолчал.

Но заговорил его отец.

– Пока принц не даст нам повода действовать иначе, мы будем защищать его так же отважно, как и тебя.

Мы. Вся раса вольвенов. Вот что имел в виду Аластир, когда сказал, что все узы разорваны. У меня возникло множество вопросов, но я уткнулась в грудь Кастила. Я больше не чувствовала обжигающей боли в голове. Все потеряло значение: я дышала, ощущая только аромат пряных специй и хвои. Кастил осторожно сомкнул руки на моей спине, и мне показалось... что он вздрогнул.

– Погодите, – сказал Киеран. – А где Беккет? Он был с тобой, когда ты ушла гулять.

Кастил слегка отодвинулся.

– И правда. Он предложил показать тебе храм. – Прищурившись, он посмотрел на меня. – Он привел тебя сюда.

По моей коже побежали мурашки. Беккет. На грудь словно опустили тяжелый камень, когда я подумала о юном вольвене, который большую часть путешествия гонялся за бабочками. Я все еще не могла поверить, что он привел меня в это место, зная, что меня ждет. Но я помнила горький вкус его страха в тот день в Пределе Спессы. Он боялся меня.

Или чего-то другого?

Его эмоции находились в крайнем беспорядке. Сначала он держался со мной как обычно, радовался и улыбался, а когда привел сюда, вдруг стал встревоженным.

– Он исчез перед тем, как появились другие, – сказала я Кастилу. – Я не знаю, куда он делся.

– Найди Беккета, – приказал он Делано, и тот, еще в облике вольвена, склонил голову. – Нейлл? Эмиль? Идите с ним. Убедитесь, чтобы Беккета привели ко мне живым.

Оба атлантианца кивнули и поклонились. Ничего в тоне Кастила не предполагало, что «привести живым» можно было считать добрым знаком.

– Он всего лишь ребенок. – Я проследила взглядом, как Делано побежал и скоро исчез вместе с Нейллом и Эмилем. – Он был напуган. И теперь, когда я об этом думаю...

– Поппи. – Кастил осторожно потрогал мою щеку и, наклонив голову, коснулся губами пореза. – Я хочу сделать два заявления. Если Беккет имеет к этому какое-то отношение, меня не волнует, кто он, и уж тем более не волнует, что он чувствует.

Он повысил голос, чтобы все оставшиеся в храме, включая его родителей, слышали:

– Любой, кто действует против моей жены, объявляет войну мне. Его судьба уже пред-
решена. И второе.

Он нагнулся ниже и коснулся моих губ в легчайшем поцелуе. Я едва ощутила касание, но у меня внутри все сжалось. Кастил поднял голову, и я увидела, что черты его лица застыли в настороженном ожидании хищника, нацелившегося на добычу. Я уже видела такое выражение в Новом Пристанище перед тем, как он вырвал сердце из груди Лэнделла.

Кастил повернул голову, глядя на единственного оставшегося вольвена, который стоял на двух ногах.

– Ты.

Глава 2

Аластир Дэвенуэлл был советником родителей Кастила. Когда король Малек вознес свою любовницу Избет, именно Аластир предупредил королеву Элоану, разорвав узы, связывавшие его с ныне изгнанным и, скорее всего, умершим королем. Только боги знают, сколько атлантийцев Аластир спас за те годы, что помогал им сбежать из Солиса, от Вознесшихся, которые использовали их кровь, чтобы создавать новых вампиров.

Кто знает, как бы все обернулось для моих родителей, если бы они нашли Аластира? Может, они бы не погибли, а жили счастливой и полной жизнью в Атлантии. И мой брат Йен тоже был бы здесь. А сейчас он в Карсодонии и, скорее всего, стал одним из них – Вознесшимся.

Я тяжело сглотнула, отбрасывая эти мысли прочь. Сейчас не время. Мне нравился Аластир. Он с самого начала был добр ко мне. Но, что важнее, я знала, что Кастил уважал и любил этого вольвена. Если Аластир приложил руку к тому, что произошло сегодня, это глубоко ранит Кастила.

Честно говоря, я надеялась, что ни Аластир, ни Беккет не имеют к этому никакого отношения, но давно перестала верить в совпадения. Я вспомнила ночь прибытия Вознесшихся в Предел Спессы. Я тогда узнала об Аластире нечто такое, что мне сильно не понравилось. Все это отошло в тень с появлением Вознесшихся и дальнейшими событиями, но сейчас снова выступило на первый план.

Кастил когда-то собирался жениться на Ши – дочери Аластира, но потом Вознесшиеся взяли Кастила в плен, и Ши предала его и его брата, чтобы спасти собственную жизнь. Все, в том числе Аластир, считали, что Ши погибла героически, но я знала страшную правду о ее смерти. Однако у советника была внучатая племянница, вольвенка, и Аластир и король Валин надеялись, что Кастил женится на ней, вернувшись в королевство. Аластир обмолвился об этом на званом ужине, утверждая, будто считал, что Кастил рассказал мне об этом. Я не была так уверена, что он сам в это верил, но это к делу не относилось.

Неужели мне одной все это показалось... странным? Дочь Аластира? А теперь его внучатая племянница? Я сомневалась, что в Атлантии не было других вольвенков, которые прекрасно бы подошли в жены Кастилу, особенно учитывая, что он не выражал заинтересованности в предлагаемом союзе.

Ничто из этого не указывало на вину Аластира, но выглядело подозрительно.

Вольвен устался на Кастила как громом пораженный.

– Не знаю, что, по твоему мнению, натворил Беккет и какое это имеет отношение ко мне, но мой племянник никогда бы не принял участие в чем-то подобном. Он всего лишь щенок. И я бы...

– Заткнись, – прорычал Кастил. Я выглянула из-за его плеча.

Вольвен побледнел.

– Кастил...

– Не заставляй меня повторять, – перебил он и повернулся к стражникам. – Схватить Аластира.

– Что? – взорвался Аластир.

Часть стражников повернулась к нему, тогда как остальные нервно переводили взгляды с Кастила на короля с королевой, которым поклялись в верности.

Король, прищурившись, посмотрел на сына.

– Насколько нам известно, Аластир не совершил никаких преступлений.

– Может и нет. Может, он абсолютно невиновен, как и его внучатый племянник. Но пока не буду в этом уверен, я хочу, чтобы его задержали, – заявил Кастил. – Схватите его, или это сделаю я.

Аластир шагнул вперед, приглушенно рыча. Его мышцы напряглись под кожей. Стражники нервно переминались с ноги на ногу.

– Погодите! – воскликнул Аластир. Его щеки покрылись пятнами от гнева. – У него нет никакой власти отдавать приказы страже короны.

Я думала, что стража короны – это аналог королевской гвардии, которая служила Вознесшимся. Та тоже подчинялась только приказам королевы Илеаны и короля Джалары, а также Вознесшимся, которые правили городами или селениями.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, хотя так не думаю, но произошли странные события, – сказал Кастил, и я наморщила лоб. – Моя мать сняла корону и велела всем склониться перед новой королевой – которая приходится мне женой. Следовательно, согласно атлантианской традиции, это делает меня королем, на чьей бы голове ни лежала корона.

У меня сжалось сердце. Король. Королева. Неужели это мы?

– Ты никогда не хотел престола и всех атрибутов короны, – бросил Аластир. – Ты десятилетиями пытался освободить брата, чтобы на трон взошел он, и тем не менее сейчас заявляешь о своих притязаниях? Значит, ты в самом деле отказался от попыток спасти брата?

Я резко втянула воздух – меня затопил гнев. Кому как не Аластиру знать, как много значит для Кастила найти и освободить Малика? Его слова глубоко ранили. Я почувствовала от Кастила то же, что и в тот раз, когда впервые увидела его, – мучительную боль, как от порезов осколками льда. Кастил всегда испытывал боль, и хотя она стихала с каждым прожитым днем, страдание из-за потери брата всегда было рядом. Лишь недавно он позволил себе чувствовать не только вину, стыд и боль.

Я даже не осознала, как двинулась вперед, пока не увидела, что вышла из тени кровавого дерева.

– Кастил не отказался от спасения Малика, – резко сказала я, а потом нащупала проклятый кинжал и швырнула его через храм. – Мы найдем его и освободим. Малик тут совершенно не при чем.

– О боги! – Элоана прижала ладонь ко рту, поворачиваясь к сыну.

Черты ее лица напряглись от боли, и от нее мощными волнами хлынула глубочайшая печаль. Я не могла этого видеть, но ее горе следовало за ней такой же неотступной тенью, как и за Кастилом. Оно билось о меня, царапало кожу, как холодное разбитое стекло.

– Хоук, что ты наделал?

Я закрыла связь с матерью Кастила прежде, чем ее страдание оглушит меня, и переключила внимание на Валина. Его окружала неровная пульсация горя, пронзенная волной острого, как перец, отчаянного гнева. Но он закрылся от меня с силой, которой я не могла не восхищаться и даже завидовать. Склонившись, он прошептал что-то на ухо жене. Закрыв глаза, она кивнула.

О боги, мне не следовало этого говорить.

– Простите. – Я крепко сцепила руки. – Я не...

– Тебе не за что извиняться, – сказал Кастил, оглядываясь и встречаясь со мной взглядом. От него исходило что-то теплое и сладкое, пересилившее ледяную боль.

– Это мне следует извиняться, – мрачно заявил Аластир, удивив меня. – Не нужно было впутывать во все это Малика. Ты права.

Кастил смерил его взглядом, и я поняла – он не знает, что делать с его извинением. И я не знала. Поэтому Кастил обратил внимание на родителей.

– Знаю, что вы, скорее всего, думаете. Аластир тоже так считает. Вы думаете, что мой брак с Пенеллаф – еще одна бесполезная попытка освободить Малика.

– А разве нет? – прошептала его мать. Ее глаза наполнились слезами. – Мы знаем, что ты захватил ее, чтобы использовать.

– Да, – подтвердил Кастил. – Но поженились мы не поэтому. Не поэтому мы вместе.

Когда-то мне было тяжело все это слышать. Правда о том, как мы с Кастилом оказались здесь, неприятна, но больше не заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Я опустила взгляд на кольцо на указательном пальце и на яркий золотой завиток, проходящий через левую ладонь. Уголки моих губ поднялись. Кастил пришел за мной, намереваясь меня использовать, но его планы изменились задолго до того, как кто-то из нас это осознал. Вопрос «как» больше не имел значения.

– Хотелось бы в это верить, – прошептала его мать.

Ее беспокойство казалось гнетущим, как колющее тяжелое одеяло. Может, она и хотела бы верить, но, совершенно очевидно, не верила.

– Это нам тоже нужно обсудить. – Валин откашлялся, и стало ясно, что он тоже сомневается в мотивах сына. – А на данный момент ты не король, а она не королева. Элоана погорячилась, когда сняла корону.

Он сжал плечи жены. То, как она поморщилась при словах мужа, задело меня до глубины души.

– Для этого должна состояться коронация, и пройти так, чтобы ничто не вызывало сомнений.

– Не вызывало сомнений в ее притязаниях? – рассмеялся Джаспер, сложив руки на груди. – Даже если бы она не была замужем за наследником, ее притязания неоспоримы. Вы это знаете. Мы все это знаем.

У меня в животе возникло то же ощущение, как когда я стояла на краю обрыва в горах Скотос. Я не хочу престола. И Кастил тоже.

– Даже если и так, – протянул Валин, прищулив глаза, – пока мы не выясним, кто замешан в этом деле и не обсудим все, Аластир будет содержаться в надежном месте.

Аластир повернулся к нему.

– Что...

– То, что ты должен принять с благодарностью. – Валин одним взглядом заставил вольвена замолчать, и стало ясно, у кого Кастил перенял свои способности. – Это для твоего блага и для блага всех. Будешь возражать – и, я уверен, Джаспер, Киеран или мой сын в мгновение ока вцепятся тебе в глотку. И я не могу пообещать, что стану останавливать любого из них.

Кастил опустил голову с ледяной, как первое дыхание зимы, улыбкой. Показались кончики его клыков.

– Это буду я.

Аластир переводил взгляд с Джаспера на принца. Он стоял, опустив руки, его грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Лыдисто-голубые глаза вперились в Кастила.

– Ты мне как сын. Ты был бы мне сыном, если бы судьба не распорядилась иначе.

Я знала, что он думает о дочери. Искренность его слов, свежая боль, глубоко врезавшаяся в душу и ощущавшаяся как ледяной дождь, только усилились, когда Кастил ничего не ответил. Меня поразило, как Аластиру удавалось скрывать от меня боль такой силы.

– Правда о том, что здесь происходит, выйдет наружу. Все узнают, что я не представляю угрозы.

Уставившись на Аластира, я почувствовала – волну... целеустремленности и стальной решимости, горячо пульсирующую в его венах. Это промелькнуло лишь на мгновение, но вспыхнувший во мне инстинкт прокричал предупреждение, которое я не вполне поняла. Я шагнула вперед.

– Кастил...

Но я оказалась недостаточно быстрой.

– Защитите короля с королевой! – скомандовал Аластир.

Несколько стражников окружили родителей Кастила. Один из них потянулся за спину. Валин резко развернулся.

– Нет!

Джаспер ринулся вперед, в прыжке меняя облик. Элоана издала хриплый крик.

– Нет!

Стрела ударила вольвена в плечо, остановив его в полете. Он упал и, прежде чем рухнуть на треснувший мрамор, обернулся в смертного. Я в ужасе отшатнулась, а Джаспер замер, и по его коже растеклась серая бледность. Неужели?..

Я похолодела, услышав пронзительный вой и рычание у подножия храма. Другие вольвены...

В воздухе просвистела стрела, ударив Киерана, который прыгнул ко мне. Я повернулась к вольвену, и крик застрял у меня в горле. Ему удалось приземлиться на ноги, его спина резко выпрямилась, а затем согнулась. Жилы на шее вздулись. Глаза с сияющими серебристо-голубыми радужками поймали мой взгляд. Он потянулся к стреле в плече – с тонкого древка сочилась сероватая жидкость.

– Беги, – прорычал он, скованно шагнув ко мне. – Беги.

Я бросилась к нему и схватила под руку – у него подогнулись ноги. Его кожа – боги! – его кожа была холодной как лед. Я попыталась удержать его, но он оказался для меня слишком тяжелым и упал навзничь. Кастил подскочил ко мне и обхватил рукой мою талию. Я в ужасе смотрела, как по смуглой коже Киерана расплзается серая бледность, и я... ничего не чувствовала. Ни от него, ни от Джаспера. Они не... этого не может быть.

– Киеран?..

Кастил заслонил меня собой и из него вырвался бешеный рев со вкусом обжигающе-ледяной ярости. Что-то ударило его и оторвало от меня. Его мать пронзительно закричала. Я резко повернула голову: королева Элоана двинула локтем стражнику в лицо. Треснула кость, и королева ринулась вперед, но другой стражник обхватил ее сзади.

– Прекратите! Прекратите немедленно! – крикнула она. – Я приказываю!

Ужас вцепился в меня когтями – я увидела торчащую из поясницы Кастила стрелу, с которой стекало странное серое вещество. Но он все еще стоял впереди меня с мечом в руке. Звуки, которые он издавал, сулили смерть. Он шагнул вперед...

От входа в храм прилетела еще одна стрела, попав в плечо Кастила. Валин вонзил меч в живот мужчины с луком в руках. Очередная стрела пронзила ногу Кастила и отшвырнула его назад. Я подхватила его за талию, когда он потерял равновесие, но, как и Киеран, он был слишком тяжелым. Кастил рухнул на пол, его меч звякнул о мрамор. Все его тело напряглось, он откинул назад голову, жилы на шее вспучились. Я упала рядом с ним, даже не почувствовав удара коленями. Из его ран текла серая жидкость, смешиваясь с кровью. Он оскалился, обнажив клыки. Вены под его кожей набухли и потемнели.

Нет! Нет! Нет!

Я не могла дышать, глядя в его дикие глаза с расширенными зрачками. «Этого не может быть». Эти слова крутились в моей голове, когда я склонилась, сжала его лицо дрожащими руками. Я заплакала, ощутив холодную кожу. Живое не может быть таким холодным. О боги, его кожа больше не ощущалась как плоть.

– Поппи, я... – выдохнул он, потянувшись ко мне.

Белки его глаз, а потом и радужку затянуло серой пленкой, и яркий янтарь помутнел.

Он застыл, уставившись в точку позади меня. Его грудь не двигалась.

– Кастил, – прошептала я, пробуя его трясти, но его кожа, все его тело... затвердело, как камень. Он замер: спина выгнута, одна нога подогнулась, рука тянется ко мне.

– Кастил.

Ответа не было.

Я раскрыла чутье, отчаянно ища хоть какие-то эмоции, хоть что-то. Ничего. Будто он погрузился в глубочайший сон или...

Нет. Нет. Нет. Он не мог уйти. Он не мог быть мертв.

Прошло всего несколько секунд с того момента, как Аластир отдал первый приказ, и до того, как Кастил оказался на полу передо мной без малейших признаков жизни.

Я быстро взглянула через плечо. Ни Джаспер, ни Киеран не шевелились, их кожа приобрела темно-серый цвет, оттенок железа.

Меня затопила паника, собираясь вокруг моего бешено колотящегося сердца. Я переместила руки на грудь Кастила, пытаюсь нащупать сердцебиение.

– Пожалуйста, пожалуйста, – шептала я. Слезы переполняли глаза. – Пожалуйста. Не поступай так со мной. Пожалуйста.

Ничего.

Я ничего не чувствовала ни от него, ни от Киерана, ни от Джаспера. В самом центре моего существа начал зарождаться гул. Я смотрела на Кастила – моего мужа. Мою сердечную пару. Мое все.

Я потеряла его.

Моя кожа завибрировала, а из самой глубины души поднялась темная и маслянистая ярость. В горле появился резкий металлический вкус, она огнем горела в моих венах. Вкус смерти. И не такой, как та, что произошла здесь, а окончательной.

Ярость разрасталась, пока я больше не смогла ее удерживать. Я даже не пыталась ее остановить. По моим щекам текли слезы и падали на железного цвета кожу Кастила. Гнев вырвался наружу, ударил в воздух и просочился в камень. Я почувствовала, как пол храма подо мной начал слегка дрожать. Кто-то кричал, но я не различала слов.

Склонившись над Кастилом, подобрала его упавший меч и коснулась губами его неподвижных, каменно-холодных губ. Древнее существо внутри меня запульсировало, как раньше. Я встала над мужем и повернулась. По полу храма пронесся резкий порыв ветра, загасив факелы. Листва на кровавом дереве затряслась, как сухие кости. Я крепче сжала короткий меч. Я не видела родителей Кастила. Не видела Аластира.

Передо мной стояли десятки человек в белом, с мечами и кинжалами. Знакомые металлические маски, какие носят Последователи, скрывали лица. Теперь их вид меня не пугал.

А только разжигал ярость.

Первозданная сила затопила все мои чувства. Заставила замолчать все эмоции, кроме одной: жажды мести. Ничего другого не осталось. Ни сочувствия. Ни жалости.

Я была собой.

И вместе с тем чем-то совершенно иным.

Небо над головой оставалось безоблачным, изумительного голубого цвета. Оно не разрилось кровавым дождем, но моя плоть заискрилась. На коже заплясали серебристо-белые огоньки. Они начали потрескивать, когда из меня вырвались растрепанные нити, опутали колонны, словно блестящая паутина, и поползли по полу, покрывая его сетью мерцающих прожилок. Моя ярость превратилась в осязаемое существо, живую силу, от которой нельзя бежать. Я шагнула вперед, и камень треснул под моим сапогом.

Отколовшиеся кусочки и пыль полетели вниз. Несколько нападающих в масках отступили. В статуях богов появились тонкие трещины. Разломы на полу разрастались.

Из рядов нападающих в масках вырвался один и бросился ко мне. Он занес меч, и на лезвии отразился солнечный свет. Я не шевелилась, ветер развеивал мои спутанные волосы. Нападавший закричал, обрушивая на меня рукоять меча...

Я схватила его за руку, заблокировала удар и вонзила клинок Кастила глубоко в его грудь. Его туника окрасилась кровью, он содрогнулся и завалился на бок. Меня атаковали еще чет-

веро. Я поднырнула под руку одного и перерезала горло другому. Брызнула кровь, а я крутанулась и, замахнувшись мечом, обрушила его на металлическую маску. Мою спину пронзила резкая, жалящая боль, когда я наступила на грудь мужчины и, оттолкнувшись, выдернула клинок из его черепа.

Меня схватила чья-то рука, и я, развернувшись, всадила меч глубоко в живот нападавшего. Резко дернула, вытаскивая клинок и вкладывая бушующее во мне неистовство в крик. Ярость пульсировала в воздухе вокруг меня. Статуя в дальней части храма раскололась надвое, и каменные обломки обрушились на пол.

Волна боли охватила мою ногу. Я повернулась, замахнувшись мечом по широкой дуге. Лезвие почти не встретило сопротивления. Кинжал сверкнул в моей руке, когда голова и маска покатались в противоположные стороны. Краем глаза я заметила, как один из Последователей схватил под руки застывшее тело Киерана. Подбросив кинжал, я перехватила его за рукоятку и, отведя назад руку, метнула. Клинок ударил под маску, и нападающий отшатнулся назад, хватаясь за горло.

Мое внимание привлекло какое-то движение. Нападавшие в масках наводнили храм. По краям моего поля зрения возникло серебристо-белое свечение, и я услышала голос – женский голос, – прошептавший в моей голове: «Так не должно было быть».

На миг я увидела ее. С волосами как лунный свет, она погружала руки глубоко в землю. Врожденное знание подсказало, что она находится там, где сейчас стоит храм, но в иные времена, когда мир был непознанным. Она запрокинула голову и закричала с той же страдальческой яростью, которая безжалостно пульсировала во мне. От того места, которого она касалась, разлился, пропитывая почву, серебристо-белый свет. Земля пошла трещинами, и из нее вокруг женщины показались тонкие белые пальцы – скорее даже кости. До меня долетели ее слова. «Я покончила с этим. Со всем этим».

Как и я.

Я содрогнулась. Образ женщины померк, и я отшвырнула меч. В пустоте, царящей в голове, я представила, как блестящие нити отходят от колонн. Так и получилось: они окутали дюжину нападавших тонкой паутиной. Я хотела, чтобы они чувствовали себя так же, как и я. Опушошенной. Надломленной. Потерянной.

Кости треснули. Руки и ноги оторвались. Спины сломались. Они попадали, как подрубленные деревья.

Остальные повернулись от меня и бросились бежать. Спасаться. Я им этого не позволю. Они заплатят. Ощутят вкус моего гнева и потонут в нем. Я развалю это сооружение, а потом разнесу все королевство, чтобы убедиться, что они почувствовали мой гнев. Они испытают то, что бурлит внутри меня, и что они сами вызвали.

Ярость вырвалась из меня в новом крике, и я шагнула вперед, вздымая руки. Нити поднялись с пола. В моем воображении они выросли и размножились, потянулись за пределы Покоев Никтоса к деревьям и городу внизу. Я начала снова поднимать руки...

И среди хаоса увидела его. Аластир стоял в передней части храма, за пределами досягаемости бурлящей ярости и энергии. Я не чувствовала от него страха. Только принятие. Он смотрел на меня так, словно этого и ждал.

Он встретился со мной взглядом.

– Я не представляю угрозы Атлантии, – сказал он. – Зато ты представляешь. Ты всегда была угрозой.

Мой затылок взорвался болью, такой внезапной и ошеломляющей, что ничего не могло остановить хлынувшую на меня тьму.

Я провалилась в никуда.

Глава 3

*Милый маленький цветочек,
Милый маковый цветочек,
Его сорвешь, он кровоточит,
И не милый больше...*

Я пришла в себя, хватая ртом воздух, пахнувший сырой землей и разложением. Жуткий стишок звучал в раскалывающейся от боли голове. Я открыла глаза, ахнула и задохнулась от крика.

На меня с пыльного и грязного черепа пялились пустые глазницы.

С бешено колотящимся о ребра сердцем я резко села и поползла назад. Я отодвинулась всего на фут, когда что-то натянулось и резко, до боли, дернуло меня за руки и ноги. Я стиснула зубы, подавляя стон. Кожа на запястьях и под коленями горела. С меня сняли свитер и оставили только тоненькую нижнюю рубашку. Но все беспокойство по поводу того, куда делись мой свитер и штаны, и о том, что облегающий лиф почти ничего не скрывает, улетучилось, как только я уставилась на свои руки.

Кости... Мои запястья охватывали отполированные кости кремового цвета. Кости и... выющиеся стебли. Врезаясь в кожу. Я осторожно приподняла ногу, учащенно дыша, и увидела то же самое под коленями. При внимательном рассмотрении я поняла, что это не стебли, а корни. Икры покрывала засохшая кровь. Я потянулась к кандалам...

Запястья пронзила жестокая боль, и я остановилась.

– Боги, – прошипела я сквозь зубы и осторожно откинулась назад на что-то твердое, влажное и холодное. Стена?

Хрипя, я проследила за переплетением костей и корней туда, где они соединялись со стеной. Я оглянулась и увидела рядом с собой... существо. У меня сбилось дыхание. С черепа свисали клочки тонких, свалывшихся светлых волос. От одежды остались лохмотья, потемневшие от грязи и времени. Непонятно, мужчина это был или женщина, но ясно, что находится здесь десятки, а то и сотни лет. Из груди трупа торчало копье с черным наконечником. Я похолодела, увидев такие же оковы из костей и корней на его запястьях и щиколотках. У меня перехватило дыхание, когда я подняла взгляд к тому, что находилось по другую сторону от трупа. Еще останки, связанные таким же образом. И еще, и еще – вдоль всей стены, десятки трупов.

О боги.

Я дико озиралась, вытаращив глаза. Факелы, укрепленные на темно-серых колоннах в середине помещения и дальше, отбрасывали оранжевый свет на...

Я увидела несколько приподнятых каменных плит – длинные прямоугольные сундуки, расставленные между двумя рядами колонн. Меня охватил ужас. О боги. Я поняла, что это. Саркофаги. Каждый саркофаг обмотан цепями из перевитых костей и корней.

Я в склепе.

И ясно, что не первая, кого сюда посадили.

Горло обхватила паника, и дышать холодным темным воздухом стало еще тяжелее. Пульс болезненно участился. Меня затошнило, желудок сжался. Я рассматривала тени за саркофагами и колоннами. Не помня, как сюда попала и как долго здесь нахожусь...

Кастил.

В моей голове возник образ – он тянется ко мне, а его кожа становится серой и затвердевает. Грудь сдавило, и сердце сжалось, как в тисках. Я зажмурилась от подступающих слез, но бесполезно. Я видела его – выгнутая спина, скрученное тело, потускневшие глаза. Он не

мог умереть. Ни он, ни Киеран или Джаспер. С ними все должно быть хорошо. Мне просто нужно выбраться отсюда и отыскать их.

Я начала вставать...

Путы врезались в кожу глубже. С пересохших губ сорвался хриплый крик, и я упала обратно к стене. Глубоко дыша, я подняла руку, чтобы лучше рассмотреть цепь. Отростки. В костях оказались заостренные отростки.

– Дерьмо, – прошептала я, поморщившись от звука собственного голоса.

Нужно успокоиться. Нельзя паниковать. Вольвены... они меня слышат? Разве Кастил и остальные не говорили этого? Они слышали или почувствовали, что я в беде, и отозвались. А сейчас я определенно в беде.

Но я слышала, как они выли от боли после того, как подстрелили Джаспера и Киерана. Ни один из них больше не поднялся в храм. Что, если их тоже?..

Я поднесла руки к лицу. Длина цепи позволяла сделать это без боли.

– Стоп, – сказала я себе.

Они не могли убить всех вольвенов.

Они.

А именно Аластир.

Во мне боролись гнев и неверие, и я сосредоточилась на том, чтобы дышать ровно. Я выберусь отсюда. Найду Кастила, Киерана и остальных. Все они должны быть в порядке.

А потом убью Аластира. Медленно и мучительно.

Запечатлев в сердце это обещание, заставила себя медленно выдохнуть и опустила руки. Мне уже приходилось бывать в цепях. В тот раз в Новом Пристанище не было так плохо, как сейчас, но я уже попадала в скверные ситуации прежде, с герцогом Тирманом и лордом Мэзином. Как в экипаже с лордом Чейни, которого обуюла жажда крови, а мне приходилось сохранять спокойствие. Нельзя скатываться в панику. Иначе утрачу над собой контроль.

Как потеряла контроль в Покоях Никтоса.

Нет. Я не потеряла контроль, когда убивала тех людей. Я все сознавала. Просто... не заботилась, чтобы сдерживаться, чтобы усмирить ту силу, которая ожила во мне. Я не чувствовала вины. И вряд ли буду раскаиваться потом.

Раны от клинков на ногах и спине заболели, когда я оглянулась туда, где моя цепь соединяется со стеной. Никакого кольца, к которому она бы крепилась. Она оказалась вплавлена в стену, была ее частью – выростала из нее.

Проклятье, что это за склеп?

Камень проломить не могу, но кость... кость и корни по сравнению с ним более хрупкие. Я осторожно покрутила кистью руки, чтобы натяжение не давило на кожу. Схватила другой рукой вторую цепь...

– Я бы этого не делал.

Я резко повернула голову на звук мужского голоса. Он исходил из тени за освещенными колоннами.

– Это не обычные кости, – продолжал голос. – Это кости древних.

Я скривила губы и выпустила цепь.

В тени рассмеялись, и я застыла. Этот смех... он казался немного знакомым. Как и голос.

– И поскольку это кости божеств, они обладают первозданной магией – итером, – добавил он. – Знаешь, что это означает, Пенеллаф? Эти кости невозможно сломать, их зарядили другие – те, в ком течет кровь богов.

Голос стал ближе, и я напряглась.

– Это довольно древняя технология, созданная самими богами и предназначенная, чтобы обездвиживать тех, кто стал слишком опасен, кто представляет серьезную угрозу. Говорят, сам Никтос наделил кости мертвых силой. Он совершил это, когда правил мертвыми в Стране

теней. Когда был Эшером, Благословленным, Вестником смерти и Хранителем душ. Первозданным богом простых людей и завершений.

Страна... теней? Правил мертвыми? Никтос был богом жизни, королем всех богов. Богом простых людей и завершений был Рейн. Я никогда не слышала о Стране теней, но, судя по названию, не захочу больше ничего знать об этом месте.

– Но я отклонился от темы, – сказал мой собеседник, и я увидела во мраке нечеткие очертания человека. Я прищурилась, сосредоточившись на нем, но... ничего не почувствовала. – Когда ты тянешь цепи, они только затягиваются туже. Если ты продолжишь так делать, они врежутся в твою плоть и кости. И в конце концов отсекут тебе руки и ноги. Если не веришь, присмотришься к узнику рядом с тобой.

Я не хотела смотреть и отводить глаза от фигуры в тени, но не смогла удержаться. Я перевела взгляд на тело, на пространство рядом с ним. На земле лежала кисть скелета.

О боги.

– К счастью для тебя, в тебе есть кровь богов, но ты не божество, как они. Ты довольно быстро истечешь кровью и умрешь. Другое дело – божества, вроде того, что находится рядом с тобой.

Я переключила внимание на говорившего. Его силуэт приблизился, зависнув на краю света.

– Он... он слабел и страдал от голода, пока его тело не начало само поглощать себя. На этот процесс, скорее всего, ушли столетия.

Столетия? Меня передернуло.

– Должно быть, ты спрашиваешь себя, что он такого натворил, чтобы навлечь столь ужасное наказание, – говорил он. – Что сделал он и остальные, что сидят вдоль стен и лежат в гробах?

Да, я думала об этом.

– Они стали слишком опасными. Слишком могущественными. Слишком... непредсказуемыми.

Он помолчал, и я тяжело сглотнула. Нетрудно предположить, что сидящие вдоль стен и передо мной трупы были божествами.

– Они представляли большую угрозу. Как и ты.

– Я не представляю угрозы, – огрызнулась я.

– Разве? Ты многих убила.

Я сжала кулаки.

– Они напали на меня без причины. Они ранили... – Мой голос дрогнул. – Они ранили вольвенков. Своего принца. Мою...

– Твою сердечную пару? – предположил он. – Союз не только сердец, но и душ. Очень редкий и гораздо сильнее любой кровной линии. Многие считают такое чудом. Скажи, ты сейчас тоже считаешь это чудом?

– Да, – прорычала я без колебаний.

Он рассмеялся, и опять этот смех затронул что-то в глубине моей памяти.

– Тогда ты будешь рада узнать, что все они в безопасности. Король с королевой, те два вольвена, даже принц.

Кажется, я перестала дышать.

– Если не веришь, проверь свой брачный отпечаток.

У меня екнуло сердце. Я об этом даже не подумала. Кастил говорил, что отпечаток пропадает со смертью одного из партнеров. Именно так некоторые узнали о смерти своих сердечных пар.

Мне не очень хотелось проверять, но я должна. Ощущая внутри пустоту, я перевела взгляд на левую руку. Она дрожала, когда я повернула ее. Золотой завиток, проходящий через ладонь, слабо мерцал.

Меня охватило такое сильное чувство, что пришлось зажать рот, чтобы сдержать крик, рвущийся из глубины моего существа. Отпечаток был на месте. Кастил жив. Я содрогнулась, слезы обожгли горло. Он жив.

– Мило, – прошептал он. – Так мило.

Меня охватила смутная тревога, сменившая облегчение.

– Но он бы сильно пострадал, если бы тебя не остановили, – сказал он. – Ты бы обрушила весь храм. Он бы упал вместе с ним. Может, ты бы даже его убила. Ты знаешь, что на такое способна? В тебе есть сила.

Сердце на миг замерло.

– Я бы не причинила ему вреда.

– Может, не намеренно. Но, судя по тому, что мне известно, ты, похоже, очень плохо себя контролировала. Откуда ты знаешь, что бы сделала?

Я начала отрицать, но потом в нерешительности откинула голову назад. Я... не знала, чем стала в храме, но я себя контролировала. Меня переполняла жажда мести, как и странную женщину, которую я увидела внутренним взором. Я была готова убить людей, которые бросились бежать от меня. Была готова разнести все королевство. Сделала бы я это? В Бухте Сэйона полно невинных людей. Конечно, я бы остановилась прежде, чем дело бы дошло до этого.

Я лгала себе.

Я считала, что Кастил смертельно ранен или убит. Я бы не остановилась. Не остановилась бы до тех пор, пока не насытилась мстостью. И понятия не имела, что мне для этого потребовалось бы.

Воздух, которым я дышала, стал кислым. Попыталась убрать подальше эти мысли, чтобы подумать над ними позже.

– Что вы с ним сделали? И с остальными?

– Я ничего не сделал.

– Вранье! – бросила я.

– Я не выпускал стрелы. Меня там даже не было, – ответил он. – А они применили токсин, извлеченный из теневика – цветка, который растет на самом востоке гор Никтоса. Он вызывает судороги и паралич, а затем кожа затвердевает. Довольно болезненно, пока жертва не погружается в глубокий сон. У принца уйдет больше времени, чтобы проснуться, судя по тому, что я слышал. Несколько дней. Возможно, он проснется завтра.

Несколько дней? Завтра?

– Как долго я была без сознания?

– Два дня. Может, три.

Боги богов.

Я даже думать не хотела, как сильно меня огрели по голове, если я так долго была в отключке. Но в вольвенов попало меньше стрел, чем в Кастила. Киеран сейчас наверняка проснулся. И Джаспер. И, может, остальные...

– Знаю, о чем ты думаешь, – оборвал мужчину мои размышления. – Что вольвены почуют твой зов. Что они придут к тебе. Нет, не придут. Кости заглушают первозданный нотам. А еще они нейтрализуют все способности, возвращая тебя к тому, чем ты являешься в своей сущности. Смертной.

Так вот почему я ничего не почувствовала от этого человека? Не очень приятная новость. Паника угрожала вцепиться в меня когтями, но теневая фигура двинулась и шагнула в свет факела.

Мое тело застыло при виде человека, одетого во все черное. Моя душа восстала против того, что я увидела. Бессмыслица. Это невозможно. Но я узнала темные пушистые волосы, тяжелую челюсть и тонкие губы. Теперь я знала, почему его смех показался мне знакомым.

Капитан королевской гвардии.

Капитан Янсен.

– Вы же мертвы, – выдохнула я, уставившись на него, пока он шел между колоннами.

Темная бровь взлетела вверх.

– С чего ты так решила, Пенеллаф?

– Вознесшиеся вскоре после нашего отъезда обнаружили, что Хоук не тот, за кого себя выдавал. – Именно так сказал мне лорд Чейни в том экипаже. – Они говорили, что Последователи проникли в высшие ряды королевской гвардии.

– Это так, но меня не поймали.

Янсен приподнял уголок губ, шагая вперед и проводя пальцами по гробу.

Я смотрела на него в замешательстве.

– Я... я не понимаю. Вы Последователь? Вы поддерживаете принца?..

– Я поддерживаю Атлантию. – Он стремительно пересек оставшееся расстояние за один удар сердца и опустился на колени, так что наши глаза оказались на одном уровне. – Я не Последователь.

– Правда? – Скорость, с которой он двигался, это выдавала. – Тогда кто же вы?

Улыбка на плотно сжатых губах стала шире. Его черты обострились, сузились, и он изменился. Его новое тело было тоньше и ниже ростом, потонув в одежде Янсена. Его кожа стала более смуглой и гладкой. Волосы потемнели до черноты и отросли, а глаза посветлели и стали голубыми.

Не прошло и нескольких секунд, как передо мной на коленях стоял Беккет.

Глава 4

– Боги богов, – прохрипела я, отодвигаясь подальше от этого... существа.

– Я тебя напугал? – спросил Янсен-Беккет голосом юного вольвена.

Его лицо было абсолютно таким же, как у внучатого племянника Аластира.

– Ты... ты перевертыш.

Он кивнул.

Я не могла оторвать от него взгляда. В голове не укладывалось, что передо мной Янсен, а не Беккет.

– Я... я не знала, что перевертыши могут сделать себя такими похожими на других людей.

– Большинство оставшихся линий перевертышей могут только превращаться в животных или... владеют другими способностями, – ответил он. – Я один из очень немногих, кто может долго удерживать другой облик. Хочешь знать как?

Я, правда, хотела, но ничего не сказала.

К счастью для меня, он пребывал в болтливом настроении.

– Все, что мне нужно, – что-то принадлежащее другому. Обычно достаточно пряди волос.

Превращаться в вольвена невероятно легко.

А вот для меня было непостижимо, как можно с легкостью превращаться в кого-то.

– А они... знают, что ты делаешь? Что принимаешь их облик?

По-прежнему с улыбкой на мальчишеском лице Янсен покачал головой.

– Обычно нет.

Я даже не пыталась понять, каково это – принимать чужой облик и как это можно делать без разрешения. Это казалось мне величайшим произволом, особенно если делать это, чтобы обмануть кого-то...

Я вдруг осознала что-то, и это понимание вызвало волну гнева.

– Так это был ты, – возмутилась я. – Не настоящий Беккет привел меня в храм, а ты.

– Я всегда знал, что под вуалью прячется умная девушка, – заметил он и опять изменился, приняв собственные черты. Меня это поразило ничуть не меньше, чем в первый раз.

Осознание, что меня заманил в ловушку не юный игривый вольвен, принесло облегчение.

– Как? Как получилось, что никто не понял? Как я?..

Я замолчала. Когда прочитала его эмоции в храме, они не ощущались как эмоции Беккета.

– Как получилось, что ни ты, ни наш принц ничего не поняли? Ни даже Киеран или Джаспер? Когда перевертыши принимают чужой облик, мы перенимаем чужие особенности настолько, что обнаружить правду невероятно трудно. Порой нам самим нелегко помнить, кто мы на самом деле.

На его лице мелькнула тревога и исчезла так быстро, что я даже не была уверена, видела ли ее.

– Разумеется, наш принц знал, что я перевертыш. Как знали и многие другие. Но, очевидно, никто не ожидал такой манипуляции. Никто даже не искал перевертыша.

– С Беккетом все хорошо?

Янсен отвел взгляд.

– Должно было. Ему дали сонное зелье. Таким был план. Усыпить его на время, чтобы я успел занять его место.

Мое сердце сжалось.

– Но что-то пошло не так?

– Да. – Янсен на миг закрыл глаза. – Я неверно рассчитал количество зелья, необходимое, чтобы юный вольвен спал. Он проснулся, когда я вошел в его комнату.

Он откинулся назад и провел рукой по лицу.

– То, что произошло потом, – несчастливое стечение обстоятельств.

У меня к горлу подступила желчь.

– Ты убил его?

– Мне пришлось это сделать.

Я уставилась на перевертыша. У меня перехватило дыхание.

– Он был всего лишь ребенком!

– Знаю. – Он опустил руку. – Никому из нас это не понравилось, но это нужно было сделать.

– Этого не нужно было делать. – Мои глаза наполнились слезами. – Он был ребенком, и он был невинен.

– Невинные все время умирают. Ты всю жизнь прожила в Солисе. Ты знаешь, что это правда.

– И это дает право считать, что причинять боль другим – нормально?

– Нет. Но цель оправдывает средства, – возразил Янсен. – Народ Атлантии это поймет. Для меня было непостижимо, как можно оправдать убийство ребенка.

– А почему тебя это вообще волнует? – спросил он. – Ты стояла и смотрела, как люди голодают, как их унижают и отдают на Ритуал. И ничего не делала.

– Я тогда не знала правды, – бросила я, смаргивая слезы.

– И это дает право считать, что это нормально?

– Нет. Не дает, – сказала я, и он слегка округлил глаза. – Но я не всегда стояла и ничего не делала. Я делала что могла.

– Этого было недостаточно.

– Я не сказала, что достаточно. – Я прерывисто вздохнула. – Зачем ты это делаешь?

– Моя обязанность – устранять любые угрозы Атлантии.

Я издала хриплый недоверчивый смешок.

– Ты меня знаешь. Знал много лет. Ты знаешь, что я не представляю угрозы. Я бы не стала ничего делать в храме, если бы мне не угрожали.

– Ты сейчас так говоришь. Однажды это изменится. Хотя удивительно, как тесен мир. Предполагалось, что моя роль заключалась в том, чтобы открыть Кастилу доступ к тебе. Я долгие годы прожил во лжи, чтобы он мог взять в плен Деву и использовать ее, чтобы освободить брата и вернуть некоторые из похищенных у нас земель. Я понятия не имел, кто ты и почему тебя сделали Девой.

– И его брак со мной показался тебе предательством? – предположила я.

– На самом деле нет, – ответил он, удивив меня. – Он все еще мог исполнить то, что от него ожидалось. Возможно, это оказалось бы даже легче, когда ты его жена, а не пленница.

– Тогда почему? Потому что я... потому что во мне есть капля крови бога?

– Капля? – рассмеялся Янсен. – Девочка, я знаю, что ты натворила в храме. Тебе нужно больше верить в себя.

Во мне вскипел гнев, и я приветствовала его, вцепившись в это чувство. Это была лучшая компания, чем горе.

– Я много лет не была просто девочкой, так что не называй меня так.

– Мои извинения. – Он склонил голову. – Готов биться об заклад, что в тебе гораздо больше, чем капля. Твоя кровная линия должна была оставаться очень чистой, раз ты проявляешь такие способности.

Он вдруг подался вперед и схватил меня за подбородок. Я попыталась вырваться, но он удержал меня. Его темные глаза осмотрели мое лицо, словно он что-то искал.

– Странно, что я никогда прежде этого не видел. А должен бы.

Я схватила его за предплечье. Кандалы на запястье предупреждающе сжались.

– Убери от меня руки.

– Или что, Дева? – Его улыбка стала чуть шире, а мой гнев разгорелся еще жарче. – Ты не можешь сделать со мной ничего, что не причинит вред тебе самой. Я только что назвал тебя умной. Не выставляй меня лжецом.

Мой бессильный гнев коренился в отчаянии оттого, что я не могу защитить себя.

– Отпусти меня!

Янсен убрал руку. Вдруг встал и посмотрел на кучу костей рядом со мной. Я тяжело дышала, а сердце бешено билось.

– Я знал, что задерживаться в Масадонии неразумно, – сказал он. – Поэтому я уехал вскоре после вас. Я встретился с Аластиром по пути в Предел Спессы. Вот тогда я и узнал, кто ты.

Я впились ногтями в ладони.

– Значит, Аластир знал, кто я?

– Когда он впервые увидел тебя – нет.

Он пнул что-то носком сапога, и предмет пролетел по пыльному полу. Это оказалась отсеченная кисть руки. Мне стало дурно.

– Я оставался в тени, пока не пришло время, и тогда принял облик Беккета.

– Ты стоял и смотрел, когда нас едва не одолело войско Вознесшихся. Люди умирали, а ты ничего не делал?

Мой голос сочился презрением.

Он бросил на меня взгляд.

– Я не трус.

– Ты сам это сказал, – одними губами улыбнулась я. – Не я.

Он долго не шевелился.

– Было нелегко прятаться и смотреть, как войско надвигается на Предел Спессы. Мне никогда в жизни не было так тяжело. Но, в отличие от тех фальшивых Хранительниц, я – Защитник Атлантии, истинный Хранитель царства. Я знал, что моя миссия гораздо важнее, чем возможное падение Предела Спессы и даже гибель нашего принца.

– Истинный Хранитель?

Я подумала о женщинах, которые принадлежат длинной традиции воинов – женщинах, которые с мечами наперевес спрыгнули с Вала, окружающего Предел Спессы, и сражались гораздо бесстрашнее, чем, как я видела, сражается капитан. Я хрипло рассмеялась.

– Ты бледная жалкая тень в сравнении с Хранительницами.

Моя щека взорвалась болью, и это стало единственным свидетельством того, что он пошевелился и бросился ко мне. Во рту появился металлический вкус.

– Я понимаю, что ты сбита с толку и подавлена, – сказал он с притворным сочувствием, поднимаясь и делая шаг назад. – Но если ты оскорбишь меня еще раз, я за себя не отвечаю.

Меня опалил обжигающий жар. Щека болела, но я повернула к нему голову и встретила взглядом.

– Ты умрешь, – пообещала я, улыбаясь, а его щеки побагровели от гнева. – Я убью тебя сама, и это будет смерть, заслуженная таким трусом, как ты.

Он ринулся ко мне. На этот раз вместе с острой болью пришла тьма, от которой я не смогла сбежать, как ни старалась.

* * *

Я стиснула зубы, когда давление пут на запястье усилилось, и слегка повернула голову, уставившись на копьё в груди скелета. На камень закапала свежая кровь, и я прекратила тянуть, тяжело дыша.

Я ждала, уже зная, что с каждым завоеванным дюймо́м пути чуть-чуть ослабляются. Получение этого знания оказалось мучительно медленным процессом.

Сосредоточившись на дыхании, я прислонилась виском к стене. Вся рука болела. Понятия не имела, сколько прошло времени с тех пор, как потеряла сознание. Должно быть, несколько часов. Может, больше, потому что голодные спазмы в животе сменились постоянной ноющей болью. И я замерзла – тело окоченело от холода.

Мой взгляд скользнул по каменным гробам. Почему им оказали честь, похоронив подобающим образом, тогда как остальных просто усадили вдоль стен? Это был лишь один из множества мучивших меня вопросов. Далеко не самый важный, но я предпочитала думать об этом, чем о том, почему до сих пор жива.

Янсен утверждал, что я представляю угрозу. И, может, пробудившееся во мне в храме и правда представляет. Возможно, я угроза. Но зачем оставлять меня в живых? Или именно это они и планировали? Посадить меня в склеп и оставить здесь, пока я не умру от голода и не превращусь в еще одну пыльную кучку костей у стены.

Горло тисками сдавила паника, затрудняя дыхание. Но я прогнала ее. Не могла позволить себе сдаться страху, который назойливой тенью маячил в глубине сознания. Я выберусь отсюда – либо сама, либо меня найдет Кастил.

Знаю, он будет меня искать. Скорее всего начнет, как только проснется. И он разрушит все королевство, если понадобится. Он меня найдет.

Я выберусь отсюда.

Но для начала мне требовалось оружие.

Приготовившись к боли, я медленно вытянула руку. Пальцы коснулись пыльного древка копья. Меня охватило возбуждение, хотя пути ту же сомкнулись на запястье, впиваясь в плоть. Вспыхнула боль...

Где-то в мраке склепа камень скользнул по камню, и я прекратила свои попытки. Игнорируя сильную боль, опустила руку на колени, где собралась свежая кровь, пропитав рубашку. Я уставилась в темноту, напрягая зрение и стараясь рассмотреть, кто пришел.

– Вижу, ты наконец проснулась.

Услышав голос Аластира, я сжала руки в кулаки.

Через мгновение он вышел на освещенное факелом место. Он выглядел так же, как и в храме, разве что теперь его черная туника с золотой нитью была без рукавов.

– Я уже приходил, но ты спала.

– Предатель, сукин сын! – сплюнула я.

Аластир остановился между двумя каменными гробницами.

– Вижу, ты злишься. Имеешь на это полное право. Янсен признался, что вышел из себя и ударил тебя. Я прошу за это прощения. Бить того, кто не может защититься, не входит в наши клятвы.

– Меня не волнует, что он меня ударил, – прошипела я, сердито уставившись на Аластира. – Меня волнует, что вы предали Кастила. Что вы приложили руку к смерти собственного внучатого племянника.

Он склонил набок голову, и пересекающий его лоб неровный шрам скрыла тень.

– Ты смотришь на это как на предательство. Я же вижу в этом необходимость обеспечить безопасность Атлантии.

В моей груди загорелась ярость.

– Как я сказала Янсену, я всего лишь защищалась. Защищала Кастила и Киерана, и Джаспера. Я бы...

– Ты бы никогда такого не сделала, если бы не считала, что такая реакция оправданна? – перебил он. – Тебя вынудили применить силу твоей крови против других?

Моя грудь тяжело поднялась и опустилась.

– Да.

– Давным-давно, когда боги, чьи имена давно позабыты, пробудились и стали сосуществовать со смертными, смертные подчинялись правилам. Боги действовали как их защитники, направляли их в трудные времена и даже даровали милости самым преданным.

– Меня не интересовал бы этот урок истории, даже если бы от него зависела моя жизнь, – вспыхнула я.

– Но, кроме того, они выступали перед смертными как судьи, присяжные и палачи, если деяния смертных признавались оскорбительными или недозволенными, – продолжал Аластир, словно я ничего не говорила. – Проблема состояла в том, что только боги определяли, что является, а что не является наказуемым. Множество смертных умерли от рук богов за ничтожные оскорбления. В конце концов против этих богов восстали их младшие братья. Но склонность действовать необдуманно, часто в порыве страсти или других непредсказуемых эмоций, или отвечать насилием – черта, которой подвержены даже боги, особенно старшие из них. Вот почему они уснули.

– Спасибо за сведения, – огрызнулась я. – Но вы все еще не объяснили, почему предали принца. И почему использовали для этого Беккета.

– Я поступил так, как было нужно, потому что жестокость богов часто переходит к их детям, – заявил он. – Мысли и поведение божеств были еще более непредсказуемы, чем у их предшественников. Некоторые считали, что виной тому влияние смертных, поскольку прежде боги сосуществовали со смертными, но не жили среди них. Они оставались в Илизиуме, тогда как их дети жили в царстве смертных.

Илизиум? Страна теней? Все это звучало как бред, а мое терпение уже подходило к концу. Я была близка к тому, чтобы, рискуя потерять руку, попытаться схватить копье и швырнуть в этого мерзавца.

– Не знаю, из-за влияния смертных или нет, но после того, как боги уснули, божества стали...

– Слишком могущественными и слишком опасными, – перебила я. – Знаю. Я это уже слышала.

– Но рассказал ли тебе Янсен, что они натворили, чтобы заслужить такую участь? Уверен, ты уже поняла, что все замурованные здесь были божествами. – Он поднял руку, показывая на саркофаги и трупы. – Рассказал ли он тебе, почему первичные атлантианцы восстали против них подобно тому, как их праотцы восстали против изначальных богов? Рассказал ли он, какими монстрами они стали?

– Он был слишком занят, пока бил меня, и не добрался до этого места, – презрительно ответила я. – Так что – нет.

– Кажется, я должен еще раз извиниться.

– Да пошел ты, – выдавила я.

Ненавижу его извинения. Похоже, его слова прозвучали искренне. И он произнес их с полной обоснованностью. Мне не нужно было применять свои способности, чтобы это понять.

Он поднял брови, и выражение его лица смягчилось.

– Божества выстроили Атлантию, но они же едва не разрушили ее своей алчностью и жадной жизни, своим неутолимým желанием большего. Они всегда хотели больше. Они не знали ограничений. Если они чего-то хотели, то брали это или создавали. Иногда во благо королевству. Большая часть внутренних помещений, которые ты видишь, существует благодаря им. Но чаще они действовали только в собственных интересах.

Это ужасно напоминало Вознесшихся. Они тоже правили, ставя на первое место свои желания.

Я посмотрела на Аластира.

– Итак, я угроза, с которой нужно разобраться, потому что я происхожу от божества, у которого то ли были, то ли нет проблемы с самообладанием? – С моих губ сорвался смешок. – Как будто у меня нет собственной воли и я всего лишь побочный продукт того, что содержится в моей крови?

– Пенеллаф, возможно, для тебя это прозвучит невероятно, но ты только что вступила в Отбор. Рано или поздно ты начнешь испытывать те же беспорядочные и жестокие импульсы, что и они. Ты сейчас опасна, но в конце концов станешь чем-то совершенно иным.

Передо мной вспыхнул образ женщины с волосами как лунный свет.

– Что еще хуже, в самой своей сути ты смертная и гораздо больше подвержена влиянию, чем атлантианцы или вольвены. И из-за смертности ты будешь еще сильнее подвержена импульсивным решениям.

Женщина исчезла из моего внутреннего взора, и я посмотрела на него.

– Вы ошибаетесь. Смертные гораздо осмотрительнее и более склонны оберегать жизнь.

Он выгнул бровь.

– Даже если и так, ты приходишь от тех, что рождены от плоти и огня самых могущественных богов. Твои способности поразительно напоминают способности тех, кто, если их разозлить, могли быстро стать разрушителями, испепеляющими все в своем гневе. Целые семьи были истреблены из-за того, что кто-то посмел оскорбить кого-то из божеств. Целые города разрушали до основания, если один человек совершал преступление против них. Но платили все – мужчины, женщины и дети.

Во мне возникло беспокойство.

– Потом они начали выступать друг против друга и уничтожать в борьбе за власть над Атлантией. В это время были истреблены целые кровные линии. Когда погибли потомки Сэйона, против божеств восстали серены. Они умерли не потому что впали в депрессию и не потому что их линия растворилась и они в конце концов исчезли. Их убило другое божество. Многие кровные линии погибли от руки этого божества – божества, которое многие считали не таким, как другие.

От гнева морщины вокруг его рта стали глубже.

– Даже я одно время так считал. Да и как я мог не верить, что он не такой? Он же как-никак происходил от короля богов. Он не мог быть таким, как другие.

– Малек? – предположила я.

Аластир кивнул.

– Но многие ошибались. Я ошибался. Он был худшим из них всех.

Я напряженно наблюдала, как он подходит и опускается на каменный пол передо мной. Он сел с тяжелым вздохом и, положив руку на колено, принялся изучать меня.

– Мало кто знал, на что был способен Малек. Какова была его божественная сила. Когда он пускал ее в ход, оставалось очень мало живых свидетелей. Но я знал, что он может сделать. Королева Элоана знала. Король Валин знал. – Его холодные голубые глаза встретились с моими. – Его способности сильно напоминали твои.

Я резко вдохнула.

– Нет.

– Он мог чувствовать эмоции, как эмпаты. Считается, что их линия, смешавшись с линией перевертышей, ответвилась от той же, из которой произошел Малек. Некоторые полагают, что именно поэтому боги благоволит эмпатам. Что у них было больше итера, чем у большинства других. – Малек мог исцелять раны прикосновением, но редко так делал, потому что происходил не только от бога жизни, но и от бога смерти. Никтоса. Король богов был и тем, и другим. И способности Малека имели темную сторону. Как и эмпаты, он мог брать эмоции и отправлять их обратно. Но он был способен на гораздо большее.

Не может быть.

– Он мог насылать на других свою волю, ломать и сокрушать тела, даже не прикасаясь. Он мог становиться смертью. – Аластир удерживал мой взгляд, а я покачала головой. – Ты мне нравишься. Знаю, ты, наверное, этому не веришь, и если так, я понимаю. Но мне жаль, потому что знаю – Кастил к тебе сильно привязан. Поначалу я не верил, но теперь знаю, что ваши отношения настоящие. Он будет страдать. Но это в твоей крови, Пенеллаф. Ты производишь от Никтоса. В тебе течет кровь короля Малека. – Он не сводил с меня глаз. – Я принадлежу к длинной череде людей, которые поклялись защищать Атлантию и ее тайны. Вот почему решил разорвать узы с Малеком. И вот почему не могу позволить тебе сделать то, что почти удалось ему.

Мне было нелегко в полной мере принять, что во мне течет божественная кровь. Очевидно, я не могла отрицать, что не просто наполовину атлантианка и наполовину смертная. Человек смешанного происхождения не может делать то, что сделала я. На такое неспособен даже первичный атлантианец. А потомок Никтоса? Потомок короля Малека?

Божества, которое создало самую первую Вознесшуюся? Его действия привели к гибели тысяч, если не больше.

И это в моей крови?

Я не могла поверить в то, что говорил Аластир. Это звучало так же невероятно, как и то, что, по утверждению герцогини Тирман, королева Солиса приходится мне бабушкой. Невозможно. Вознесшиеся не могут иметь детей.

– Как я могу происходить от Малека? – спросила я, хотя это даже звучало невероятно.

– У Малека было много любовниц, Пенеллаф. Некоторые были смертными. Другие – нет. И некоторые родили ему детей – отпрысков, разбросанных по всему королевству и поселившихся далеко на западе отсюда. Так что в этом нет ничего невозможного. Есть много других, подобных тебе, – тех, кто так и не достиг возраста Отбора. Ты его потомок.

– Другие, кто так и не достиг...

Я осеклась, и в моем уме начала формироваться новая ужасная мысль. Боги богов, так Аластир и Янсен – и кто знает, сколько других, – много столетий были в ответе за смерти... детей?

– Но это не просто кровная линия, Пенеллаф. Мы были предупреждены о тебе давным-давно. Пророчество было написано на костях твоей тезки до того, как боги уснули.

По моей коже побежали мурашки.

– «Когда прольется кровь последнего Избранного, великий заговорщик, рожденный из плоти и огня Первозданных, пробудится как Вестник и Носитель Смерти и Разрушения в землях, дарованных богами. Берегитесь, ибо конец придет с запада, дабы разрушить восток и опустошить все земли, что лежат меж ними».

Я воззрилась на Аластира в изумленном молчании.

– Ты – Избранная, рожденная от плоти и огня богов. И ты пришла с запада в земли, дарованные богами, – сказал он. – Ты – та, о ком предупреждала твоя тезка.

– Так вы... сделали все это из-за моей кровной линии и пророчества?

Я затряслась от хриплого смеха. Бабушкины сказки о пророчествах и о конце света были в каждом поколении. Всего лишь сказки.

– Пусть ты мне не веришь, но я знал – наверное, я всегда знал.

Он нахмурился и слегка прищурился.

– Я почувствовал это, когда впервые заглянул в твои глаза. Они были старыми. Первозданными. Я увидел смерть в твоих глазах еще много лет назад.

Мое сердце замерло, а потом заколотилось.

– Что?

– Мы встречались раньше. То ли ты была тогда слишком мала, чтобы запомнить, то ли события той ночи оказались слишком травмирующими, – произнес Аластир, и я вспыхнула,

а затем похолодела. – Я не понял сразу, что это ты, когда впервые увидел тебя в Новом Пристанище. Мне показалось, что я тебя уже где-то встречал, и это не давало мне покоя. Что-то в твоих глазах. Но я понял, кто ты, когда ты назвала имена своих родителей. Коралена и Леопольд. Кора и ее Лев.

Я подскочила – пол склепа уплывал подо мной. Я не могла говорить.

– Я солгал тебе, – мягко сказал он. – Когда говорил, что поспрашиваю, не знает ли кто о них и не пытался ли помочь им сбежать в Атлантию. Я не собирался никого расспрашивать. В этом не было необходимости, потому что этим человеком был я.

С бешено бьющимся сердцем я стряхнула с себя оцепенение.

– Вы были там той ночью? Той ночью, когда Жажущие напали на постоянный двор?

Он кивнул, и факелы позади него замигали.

Передо мной возникла картина: отец, чьи черты расплываются в моей памяти, выглядывает в окно постоянного двора, ища что-то или кого-то. Позже в ту ночь он сказал кому-то, кто остался в моих воспоминаниях тенью: «Это моя дочь».

Я не могла... дышать, глядя на Аластира. Его голос. Его смех. Они всегда казались знакомыми. Я думала, что они напоминают мне Виктера. Я ошибалась.

– Я пришел встретиться с ними, чтобы помочь безопасно уехать. – В его голосе нарастала усталость.

«Она не знает», – сказал отец той тени, которую я никогда не могла разглядеть. Образы быстро вспыхивали перед моими глазами – моментальные картинки, воспоминания. Я даже не была уверена, настоящие они или обрывки кошмаров. Мой отец... его улыбка была странной, когда он оглянулся через плечо. «Ясно», – ответил тот призрачный голос. Теперь я знала, кому голос принадлежал.

– Твоим родителям следовало подумать, прежде чем делиться этим с кем бы то ни было. – Аластир опять покачал головой, на этот раз печально. – И ты была права, предполагая, что они пытались сбежать из Солиса, убраться из этого королевства как можно дальше. Они бежали. Они знали правду. Но, понимаешь, Пенеллаф, твои родители всегда знали, кто такие Вознесшиеся.

Я дернулась назад, едва ощущая боль в ногах и запястьях.

– Нет.

– Да, – настаивал он.

Но это не имело ничего общего с правдой. Мои родители были хорошими людьми. Я это помнила. Хорошие люди не стали бы стоять и смотреть, если бы знали правду о Вознесшихся. Если бы понимали, что происходит с детьми, которых отдают во время Ритуала. Хорошие люди не стали бы молчать. Они не были соучастниками.

– Твоя мать стала любимицей самозваной королевы, но она не была леди-в-ожидании, которой предназначено вознестись. Она была прислужницей королевы.

Прислужницей? Что-то в этом слове показалось мне знакомым. В царящем в голове хаосе я увидела... женщин, которые всегда находились при королеве. Женщин в черном, которые никогда не разговаривали и бродили по залам дворца, словно тени. Они... они пугали меня, когда я была ребенком. Да. Теперь вспомнила. Как я могла их забыть?

– Прислужницы – ее личная охрана. – Аластир сдвинул брови, и шрам на его лбу стал глубже. – Кастил знает, что они были особой разновидностью кошмара.

Я подняла руку и замерла. Королева держала Кастила в плену пять десятилетий. Его пытали и использовали – как королева, так и другие. Кастила освободили еще до рождения моей матери, но его место занял его брат.

Но моя мама, моя нежная, мягкая и беззащитная мама не могла быть такой. Если бы она служила одной из телохранительниц королевы, кошмарной или нет, она была бы обучена сражаться. Она бы...

Она бы смогла защитить себя.

Я не понимала. Не знала, являлось ли правдой хоть что-то из этого. Но знала, что все же правда.

– Вы, – выдохнула я, и мое тело онемело, когда я уставилась на человека, которого считала другом. Которому доверяла. – Это были вы. Вы предали их, правда?

– Это не я убил твоего отца. Это не я предал твою мать. Но в конце концов это не имеет значения. Я бы все равно убил их. Я бы убил тебя.

Я хрипло рассмеялась. Во мне бурлили гнев и неверие.

– Если это не вы, то кто же? Жажущие?

– Той ночью там побывали Жажущие. Они оставили на тебе шрамы. Их привели прямо к дверям постоянного двора. – Он не моргнул. Ни разу. – Их привел туда он. Темный.

– Лжец! – крикнула я. – Кастил не имеет никакого отношения к тому, что случилось.

– Я и не сказал, что Кастил. Знаю, это был не он, хотя я не видел лица под капюшоном, когда Темный пришел к постоянному двору, – ответил Аластир. – Той ночью многое было поставлено на кон. Эта тьма находилась вне моего влияния. Я пришел, чтобы помочь твоим родителям. Именно это я тогда и сделал. Но когда они рассказали, на что ты способна, я понял – понял, от кого ты производишь. Поэтому, когда к тем дверям подошла тьма, я позволил ей войти.

Я не знала, верю ли ему и вообще имеет ли значение, умерли мои родители от его руки или нет. Он все равно сыграл роль в смерти моих отца и матери, бросив Йена, меня и остальных на погибель. Бросив меня на растерзание Жажущим. В ту боль. Той ночью. Которая преследовала меня всю жизнь.

Из него вырвался вздох.

– Я позволил тьме войти и ушел, полагая, что с самой грязной частью моих обязанностей покончено. Но ты выжила, и вот мы здесь.

– Да. – Слово прокатилось как рычание, что в любое другое время удивило бы меня. – Вот я здесь. И что теперь? Вы меня убьете? Или оставите здесь гнить?

– Если бы это было так просто. – Он оперся на руку. – И я никогда не оставил бы тебя здесь умирать медленной смертью. Это по-варварски.

Он вообще себя слышал?

– А держать меня в цепях из костей не варварство? Бросить мою семью и меня на погибель – не варварство?

– Это было необходимое зло, – заявил он. – Но мы не можем просто убить тебя. Может, и могли до того, как ты приехала, до того, как проявился первозданный нотам. Но не теперь. Вольвены видели тебя. Они тебя почувствовали.

Я резко перевела на него взгляд.

– А вы почему не обернулись, как остальные? Судя по тому, что говорили король с королевой, вольвены не могли контролировать свой облик. Им пришлось ответить на мой зов.

– Потому что я больше не могу обращаться в вольвена. Когда я нарушил клятву королю Малеку, я разорвал связь со своей вольвенской стороной. Поэтому я не могу чувствовать первозданный нотам.

Я была потрясена. Я этого не знала.

– А вы... вы все еще вольвен?

– У меня остались долголетие и сила вольвена, но я не могу обращаться в истинный облик. – Его глаза затуманились. – Иногда эта неспособность почувствовать, как я перевоплощаюсь, ощущается как потеря части тела. Но то, что я сделал, я сделал, в полной мере сознавая, какими будут последствия. Мало кто еще пошел бы на такое.

Боги, это должно быть невыносимо. Наверное... он чувствует себя так же, как я, когда меня заставляли носить вуаль. Отчасти меня впечатлила верность Аластира Атлантии и коро-

леве. И это много говорило о его характере, о том, что он за человек, что за вольвен, и на что готов пойти на службе королевству.

– Вы сделали это, но не убьете меня?

– Если бы мы тебя убили, ты стала бы мученицей. Поднялся бы мятеж, новая война, и у нас на западе разразилась бы битва. – Он говорит о Солисе, о Вознесшихся. – Я хочу этого избежать. Избежать новых проблем для нашего королевства. А вскоре ты больше не будешь нашей проблемой.

– Если вы не собираетесь меня убивать или оставлять здесь умирать, сложно представить, что вы планируете, – вымолвила я.

– Я отдам Вознесшимся то, что они так отчаянно хотели сберечь, – ответил он. – Я отдам им тебя.

Глава 5

Наверное, я не так расслышала. Он не мог планировать то, о чем только что заявил.

– Это самое мудрое решение, пока не стало слишком поздно, – сказал он. – Ты будешь за пределами их досягаемости, как и все, кого захватили Вознесшиеся.

– Это... даже не имеет смысла, – возразила я, когда поняла, что он говорит серьезно.

– Не имеет?

– Нет! – воскликнула я. – По нескольким причинам. Начнем с того, как вы собираетесь доставить меня к ним?

Аластир улыбнулся, и мое беспокойство усилилось.

– Пенеллаф, дорогая, ты больше не за Столпами Атлантии. Ты в Склепе Забытых, далеко в горах Скотос. Если кто-нибудь и узнает, что ты здесь, тебя все равно не найдут. Мы к тому времени уже уйдем.

Я похолодела, не веря услышанному.

– Как вы пробрались мимо Хранительниц?

– Те, кто не узнали о нашем присутствии, почувствовали поцелуй теневика.

– А те, кто узнали? – спросила я, догадываясь, что с ними случилось. – Вы убили Хранительниц?

– Мы сделали то, что нужно.

– Боги, – прошептала я, сдерживая бурлившие во мне гнев и панику. – Они защищали Атлантию. Они...

– Они не были истинными Хранительницами Атлантии, – оборвал он меня. – Иначе они бы убили тебя в тот момент, как ты появилась.

Я скривила губы, стараясь, чтобы мое дыхание оставалось ровным.

– Даже если вы отдадите меня им, как я перестану быть проблемой Атлантии, когда вы вернете меня тем, кто планирует использовать мою кровь для создания новых вампиров?

Он перенес свой вес с руки и выпрямился.

– А они это планируют?

– А что еще они могут планировать? – возмутилась я.

Вдруг я вспомнила слова герцогини Тирман в Пределе Спессы. Она утверждала, королева Илеана будет в восторге, когда узнает, что я вышла замуж за принца. Что я смогу сделать то, что так и не удалось ей – уничтожить королевство изнутри. Я выкинула эти слова из головы, пока они не стали подтверждением представлений Аластира обо мне, будто я представляю угрозу. Герцогиня Тирман перед смертью наговорила немало лжи, начиная с того, что королева Илеана – вампирша, неспособная иметь детей, – моя бабушка. Еще она утверждала, что Тони прошла Вознесение с помощью крови принца Малика. В это я тоже не могла поверить.

Мгновение Аластир молча смотрел на меня.

– Ну же, Пенеллаф. Ты правда думаешь, Вознесшиеся почти девятнадцать лет не догадывались, что в их руках находится потомок Никтоса? Или даже дольше?

Йен.

У меня перехватило дыхание. Он говорит о Йене.

– Мне сказали, что Йен стал Вознесшимся.

– Но наверняка это неизвестно.

– Но вы думаете, что королева Илеана и король Джалара знали, что мы потомки Никтоса?

Он ничего не ответил, и я подавила желание броситься на него.

– Это знание что-нибудь меняет?

– Они могли использовать тебя, чтобы делать новых вампиров, – согласился Аластир. – Или они знали, на что ты способна. Знали, что о тебе написано, и планировали использовать тебя против Атлантии.

У меня упало сердце. Идея отдать меня Вознесшимся представлялась мне ужасной. Но использовать меня против Атлантии, против Кастила?

– Тогда позвольте спросить снова: как я больше не буду проблемой Атлантии, если они?..

Я отшатнулась к стене, округлив глаза.

– Погодите. Вы сказали, что очень немногие знали, на что способен Малек, и что мой дар подобен его силе. Король и королева могли предположить, что в нас с Йеном течет кровь бога, но откуда они знали нашу родословную? – Я подалась вперед насколько смогла. – Вы работали на Вознесшихся?

Он сжал губы в тонкую линию.

– Некоторые Вознесшиеся уже жили, когда правил Малек.

– К тому времени как Джалара разбил атлантианцев при Помпее, Малек уже не сидел на троне, – сказала я. – Более того, ему удалось держать большую часть атлантианцев в неведении относительно его способностей и того, от кого он произошел. А какой-то Вознесшийся знал? Причем тот, которому удалось пережить войну? Потому что это наверняка не был Джалара или Илеана. Они прибыли с Водинских островов, где, готова поспорить, они и вознеслись.

Я скривила губы от отвращения.

– Вы утверждаете, что являетесь истинным Защитником Атлантии, но вы состоите в заговоре с ее врагами. Людьми, которые держали в плену обоих ваших принцев. Людьми...

– Это не имеет никакого отношения к моей дочери, – перебил Аластир, и я сжала губы. – Все, что я делал, я делал ради короны и королевства.

Короны? У меня в груди разливался ужасающий холод, пока я пыталась прийти в себя от новых и новых открытий. Я открыла рот и закрыла прежде, чем задать вопрос, ответ на который, я была уверена, не хочу знать.

– Что? – спросил Аластир. – Не стоит сейчас разыгрывать тихоню. Мы оба знаем, что ты не такая.

У меня напряглись плечи, когда я подняла на него взгляд.

– Знали ли родители Кастила, что вы собирались это сделать? – Они сражались в храме, но это могло быть лишь представлением. – Так они знали?

Аластир пристально смотрел на меня.

– Это имеет значение?

Имеет.

– Да.

– Они об этом не знают, – сказал он. – Может, они предполагали, что наше... братство опять восстало, но они не приложили к этому руку. Им не понравится, что я в этом замешан, но, полагаю, они согласятся с тем, что это было необходимо. – Он резко вдохнул и откинул голову назад. – А если не согласятся, то они тоже будут расценены как угроза.

Я округлила глаза.

– Вы... вы устраиваете переворот.

Он метнул на меня взгляд.

– Нет. Я спасаю Атлантию.

– Вы спасаете Атлантию, сотрудничая с Вознесшимися, подвергая народ королевства еще большей опасности, и вы свергнете короля с королевой или сделаете с ними что-то похуже, если они не согласятся с вашими действиями? Это переворот. И государственная измена.

– Только в том случае, если клянешься в верности тем, на ком лежит корона, – возразил он. – И я не думаю, что до этого дойдет. Элоана и Валин знают, что порой ради защиты Атлантии приходится совершать самые неблагоприятные поступки.

– И вы полагаете, что Кастил с ними согласится? – возмутилась я. – Что после того, как вы передадите меня Вознесшимся, он смирится и будет жить дальше? Что он женится на вашей внучатой племяннице после того, как ваша дочь...

Я осеклась прежде, чем сказал, что на самом деле совершила Ши. Сдержалась не ради него. Боги, нет. Во мне горело дикое желание увидеть его лицо после того, как он узнает, что сделала его дочь, но я остановилась из уважения к Кастилу – к тому, что ему пришлось сделать.

Аластир смотрел на меня, стиснув челюсти.

– Ты была бы хороша для Кастила, но ты никогда не стала бы моей дочерью.

– Проклятье, как откровенно, – отозвалась я, вжимая ногти в ладони. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы не закричать. – Кастил выбрал меня. Он не собирается идти на попятную и жениться на вашей внучатой племяннице или другой родственнице, которую вы ему предложите. Вы добьетесь лишь того, что он будет рисковать собственной жизнью и будущим Атлантии. Потому что он придет за мной.

Бледные глаза встретились с моими.

– Не думаю, что до этого дойдет.

– Вы тешите себя иллюзиями, если так считаете.

– Я не о том, что он откажется от тебя. Я просто не думаю, что у него будет возможность попытаться тебя спасти.

Я оцепенела.

– Если вы ему навредили...

– Ты ничего не сделаешь, Пенеллаф. Ты не в том положении, чтобы что-то суметь, – указал он, и я подавила крик ярости и разочарования. – Но я не собираюсь вредить принцу. И молю богов, чтобы до этого не дошло.

– Тогда что?.. – Вдруг до меня дошло. – Вы думаете, что Вознесшиеся убьют меня?

Аластир промолчал.

– Вы ошибаетесь. – Я откинула голову назад, к стене. – Я нужна Вознесшимся. Им нужна атлантианская кровь.

– Скажи, Пенеллаф, что ты сделаешь, когда попадешь к ним в руки? В тот момент, когда тебя освободят от оков? Ты бросишься на них, не так ли? Убьешь столько, сколько сможешь, чтобы освободиться и вернуться к принцу.

Он был прав.

Я убью всех и каждого, кто встанет между мной и Кастилом, потому что мы заслужили быть вместе. Мы заслужили будущее, возможность узнавать секреты друг друга. Любить друг друга. Мы заслужили просто... жить. Я пойду на все ради этого.

Аластир продолжал наблюдать за мной.

– И как ты думаешь, что Вознесшиеся ценят превыше власти? Выживание. У них не будет таких костей, чтобы сдерживать тебя. И если они решат, что не могут тебя контролировать, сочтут тебя большой угрозой, они покончат с тобой. Но прежде чем это случится, могу представить, что ты забереешь с собой немало Вознесшихся.

Мне стало нехорошо. Я заставила руки расслабиться.

– Хотите разом убить двух зайцев?

Он кивнул.

– Даже если вам это удастся, ваш план все равно провалится. Думаете, Кастил не узнает, что вы и другой так называемый Защитник отдали меня им? Что вольверы не узнают?

– Риск мятежа есть, – признал он. – Но небольшой. Мы постараемся их убедить, что ты сбежала из плена и попала в руки Вознесшихся. Они никогда не узнают, что это мы отдали тебя им. Они обратят свой гнев на Вознесшихся, как и должно быть. Все Вознесшиеся будут убиты, и все, кто их поддерживает, падут вместе с ними. Атлантия вернет то, что нам принадлежит. Мы снова станем великим королевством.

Что-то в том, как он говорил, подсказывало, что, будь у меня возможность воспользоваться своим даром, я бы почувствовала от него гордость и высокомерие. А еще у меня сложилось впечатление, что я ощутила бы в нем жажду большего. Я ни секунды не верила, что его единственный мотив – спасение Атлантии. Учитывая, что его план подвергает королевство еще большему риску. И, вероятно, послужит его собственной выгоде, если он выживет.

– У меня есть вопрос, – произнесла я, а мой пустой желудок заворчал. Аластир выгнул бровь. – Что будет с вами, если королем станет Малик или Кастил? Вы останетесь советником?

– Советником будет тот, кого выберет король или королева. Обычно советником становится связанный узами вольвен или доверенное лицо.

– Другими словами, это будете не вы?

Аластир промолчал, и я поняла, что наступила на большую мозоль.

– То есть ваше влияние на корону – и на Атлантию – сильно уменьшится или будет потеряно?

Он все так же молчал.

И поскольку за вольвенов говорит Джаспер, то что останется Аластиру? И какой власти он хочет?

– К чему ты клонишь, Пенеллаф?

– Я росла среди правителей и других Вознесшихся и в юном возрасте узнала, что дружба и знакомство, все вечеринки и званые ужины и все приглашения на них; каждый брак, устроенный королем и королевой, – все это делается из особых соображений. Каждый выбор и решение принимаются ради укрепления власти и влияния или их достижения. Я не думаю, что так поступают только Вознесшиеся. Я видела то же самое и среди богатых смертных. Я видела это в королевской гвардии. Сомневаюсь, что вольвены или атлантианцы слеплены из иного теста.

– Некоторые – нет, – заверил Аластир.

– Вы видите во мне угрозу из-за моей крови и из-за того, на что я способна. Но вы даже не дали мне шанса доказать, что я не просто результат того, что творили мои предки. Вы можете судить меня по тому, что я сделала, защищая себя и тех, кого люблю, но я не жалею о своих действиях. Может, вы неспособны чувствовать первозданный нота, но если планировали для Кастила брак с вашей внучатой племянницей, чтобы объединить вольвенов и атлантианцев, то не понимаю, почему бы вам не поддержать наш союз. Дать нам возможность усилить корону и Атлантию. Но это не все, чего вы хотите, ведь так?

Он продолжал пристально смотреть на меня. Его ноздри раздувались.

– Отец Кастила хочет возмездия, как и вы. Верно? За то, что они сделали с вашей дочерью. Но Кастил не хочет войны. Вы это знаете. Он пытается спасти жизни, даже возвращая земли. Как он сделал с Пределом Спессы.

Именно это планировал Кастил. Мы будем торговаться за земли и освобождение принца Малика. Я найду своего брата и разберусь с тем, во что он превратился или не превратился. Король Джалара и королева Илеана не останутся на троне, даже если согласятся на все условия Кастила. Их оставлять нельзя. Он убьет их за то, что они делали с его братом и с ним самим. Как ни странно, эта идея больше не вызывала во мне противоречивых чувств. Мне по-прежнему было трудно соединить королеву, которая заботилась обо мне после смерти моих родителей, с той, которая мучила Кастила и бесчисленное множество других. Но я повидала довольно, чтобы знать: ее отношение ко мне не загладит ужасы, которым она подвергала других.

Но если Аластир добьется своего, этот план никогда не воплотится в жизнь.

– То, что он сделал с Пределом Спессы, впечатляет, но этого недостаточно, – заявил Аластир ровным тоном. – Даже если мы сможем вернуть другие земли, этого будет недостаточно. Король Валин и я хотим видеть, как Солис заплатит не только за наши личные утраты, но и за то, что Вознесшиеся сделали со многими нашими сородичами.

– Это понятно.

Тяжело было сознавать, кем, возможно, стал Йен. Но постигла ли такая же участь и Тони – мою подругу, которая была так добра, полна жизни и любви? Если ее обратили в Вознесшуюся, как утверждала герцогиня Тирман, мне будет трудно отказаться от желания предать Солис огню.

– Итак, вы не поддерживаете план Кастила. Вы хотите крови, но, что важнее, вы хотите влияния, чтобы добиться желаемого. И вы видите, как власть ускользает между ваших пальцев, хотя я еще не заявила притязаний на корону.

– Не имеет значения, хочешь ты корону или нет. Пока ты жива, она твоя. Твоя по праву рождения, и вольвены позаботятся, чтобы она стала твоей.

Аластир говорил о своем народе так, словно он сам больше не вольвен. Возможно, он и не чувствовал себя одним из них. Я не знала, и меня это не волновало.

– Твоя и Кастила, – добавил он. – И не имеет значения, что ты так же ненавидишь эту ответственность, как и принц.

– Кастил не ненавидит ее. Я уверена, что он за свою жизнь сделал для народа Атлантии больше, чем вы с тех пор, как нарушили клятву Малеку, – рассерженно бросила я в ответ. – Он просто...

– Отказывается верить, что его брат безвозвратно потерян, и, следовательно, отказывается принять трон – что было бы в интересах Атлантии. – На его лице дрогнула мышца. – Так что об интересах королевства должен позаботиться я.

– Вы? – рассмеялась я. – Вы действуете только в собственных интересах. Ваши мотивы далеки от альтруизма. Вы ничем не отличаетесь от любого другого, кто жаждет власти и мести. И знаете что?

– Что? – рявкнул он. Его внешнее спокойствие дало трещину.

– Ваш план провалится.

– Ты так думаешь?

Я кивнула.

– И вы погибнете. Если не от моей руки, так от руки Кастила. Он убьет вас. И он не станет вырывать у вас сердце из груди. Это было бы слишком быстро и безболезненно. Он заставит вас помучиться.

– Я готов принять последствия своих поступков. – Он вскинул подбородок. – Если мне суждена смерть, то так тому и быть. Главное, что Атлантия будет в безопасности.

Его слова обеспокоили бы меня, если бы я не заметила, как он сжал губы и как сглотнул. И тогда я улыбнулась, как улыбалась, глядя на герцога Тирмана.

Аластир вдруг поднялся.

– Мой план может провалиться. Это возможно. Я был бы глупцом, если бы не учел этого. И я учел. – Он уставился на меня. – Но если он провалится, ты не будешь свободна, Пенеллаф. Я предпочту войну среди своего народа, чем увидеть на твоей голове корону и позволить обрушиться на Атлантию.

* * *

То ли мужчина, то ли женщина в бронзовой маске Последователя принес мне еду. Поднос был поставлен в пределах моей досягаемости, и человек быстро удалился, не произнеся ни слова. Мне оставалось лишь гадать, не сыграли ли роль в том нападении на Ритуал Аластир или эти Защитники. Кастил не отдавал приказа именем Темного, но атака была хорошо спланирована и организована. Кто-то устроил пожар, чтобы отвлечь как можно больше королевских гвардейцев – об этом вполне мог позаботиться Янсен.

Я стиснула челюсти, глядя на кусок сыра и ломоть хлеба, завернутые в ткань, и стакан воды. Когда Кастил узнает, что его предал не только Аластир, но и Янсен, его гнев будет беспощадным.

А его боль?

Она будет такой же жестокой.

А что чувствовала я, когда думала о причастности Аластира к гибели моих родителей? Ярость жгла мне кожу. Он находился там. Пришел помочь моей семье и вместо этого предал нас. Он сказал, что мои родители знали правду о Вознесшихся. Очевидно, когда эта правда им открылась, они и решили сбежать. Вовсе не значит, что они знали долгие годы и ничего не делали.

А моя мама? Прислужница? Если это правда, почему она не дала отпор той ночью?

Или я не помнила, что она сражалась?

Я столько не могла вспомнить о той ночи, и не могла определить, что произошло на самом деле, а что лишь снилось мне в кошмарах. Вряд ли я что-то забыла. Может, блокировала память, потому что боялась этого? Что еще я забыла?

В любом случае понятия не имела, были ли прислужницы королевы ее телохранительницами или нет. И не верила, что той ночью присутствовала еще тьма, кроме Аластира. Извращенное представление о чести и справедливости мешало ему признаться в том, что он сделал. Он привел к нам Жажущих и потом бросил на постоялом дворе умирать. И все потому, что во мне течет кровь богов.

Все потому, что я потомок короля Малека.

В глубине души все еще не могла поверить в это – какая-то часть меня была не в силах понять, что во мне, кроме дара, которым мне не разрешали пользоваться, и того, что я родилась в покрове, делало меня настолько особенной, чтобы провозгласить Избранной. Благословленной. Девой. И я вспомнила, как в детстве по вечерам пряталась за тронм королевы Илеаны вместо того, чтобы идти в свою комнату, потому что боялась темноты. А еще проводила дни с братом, притворяясь, что родители пошли гулять в сад, а не покинули нас навсегда.

Но я больше не та маленькая девочка. Не юная Дева. Кровь объясняет дар, с которым я родилась, и почему стала Девой; объясняет, почему мои способности возрастают и почему кожа светится. Она также объясняет недоверие и страдание, которые исходили от королевы Элоаны. Она знала, от кого я происхожу, и, видимо, ей было неприятно, что ее сын женился на потомке человека, который постоянно изменял ей и при этом едва не уничтожил их королевство.

Как могла она приветствовать меня, зная правду?

Может ли Кастил воспринимать меня в той же роли?

Сердце болезненно сжалось. Выпадет ли мне еще возможность увидеть Кастила? Я смотрела на еду. Секунды превращались в минуты, а я старалась не думать, что замыслил Аластир. Нельзя было слишком долго застревать на этом – проигрывать в уме худшее развитие событий. Иначе паника, с которой я боролась, возьмет надо мной верх.

Я не позволю плану Аластира осуществиться. Нет. Мне нужно либо сбежать, либо дать отпор в ту секунду, когда я смогу. Это значило, что мне понадобятся силы. Я должна поесть.

Я осторожно протянула руку, отломала кусочек сыра и с опаской попробовала. Он был почти безвкусным. Потом пришла очередь хлеба, который оказался черствым, но я быстро все съела и запила водой, стараясь не думать о скрипевшем на зубах песке и о том, что вода, скорее всего, грязная.

Закончив есть, я переключила внимание на копье. Я не смогу его спрятать, даже если получится выдернуть из груди этого бедняги. Но если отломлю наконечник, у меня появится шанс. Я сделала вдох, который показался... странно тяжелым, слегка подвинула руку к копью и вдруг замерла. Не из-за пут. Они не натянулись.

Я сглотнула, и сердце на миг остановилось. Странная... сладость окутала горло, и... губы зашипало. Прижала к губам пальцы и не почувствовала прикосновения. Попыталась сглотнуть еще раз, но это ощущалось странно – будто мышцы в моем горле стали действовать замедленно.

Еда. И песчинки в воде.

О боги.

Этот сладкий вкус. Сонное зелье, которое изготавливают целители в Масадонии, оставляло сахарно-сладкое послевкусие. Именно поэтому я от него отказывалась, несмотря на бессонницу. Оно было очень сильным и погружало в бессознательное состояние на долгие часы, оставляя полностью беспомощной.

Меня опоили.

Вот как Аластир собирался меня перевозить. Вот как он хотел доставить меня Вознесшимся. Когда я буду без сознания, он сможет без опаски снять путы. И когда опять очнусь...

То окажусь в руках Вознесшихся.

И план Аластира скорее всего осуществится, потому что никогда не позволю Вознесшимся использовать меня для своих целей.

Во мне вспыхнул гнев на них и на себя, быстро уступивший место панике. Я прислонилась к стене, едва чувствуя боль от сжавшихся пут. Я отчаянно потянулась к копыю. Если достану наконечник, не буду безоружной, даже в этих проклятых цепях из костей и корней. Попыталась схватить его, но рука не поднималась. Я больше ее не чувствовала. Ноги тоже отяжелели и онемели.

– Нет, нет, – прошептала я, борясь с коварным теплом, просачивающимся в мышцы и кожу.

Бесполезно.

Оцепенение охватило все тело, веки опустились. Я проваливалась в никуда без боли. Уснула, зная, что проснусь в кошмаре.

Глава 6

Когда открыла глаза, потолок склепа был усеян мерцающими огоньками. Я разомкнула губы, втягивая глубокими глотками... свежий, чистый воздух. Надо мной находился не потолок с огоньками. Это звезды. Я больше не была в склепе, а под открытым небом.

– Проклятье, – выругался мужчина справа от меня. – Она проснулась.

Мое тело немедленно отреагировало. Я попыталась встать...

Меня чем-то придавило, а следом прокатилась волна жгучих уколов. Я стиснула челюсти, чтобы сдержать крик боли, и оторвала голову от гладкой твердой поверхности. От груди до колен меня покрывали кости кремового цвета, переплетенные с толстыми темными корнями.

– Все хорошо. Ей не вырваться.

Я перевела взгляд. Слева от меня стоял капитал Янсен, его лицо скрывала серебряная маска вольвена. Он слегка наклонился ко мне. За его спиной я увидела остатки разрушенной каменной стены, облитые лунным светом, а за ней тьму.

– Где я? – прохрипела я.

Он склонил голову набок. Его глаза казались черными провалами в узких прорезях маски.

– Ты в развалинах города Айрелона. А это, – он широко раскинул руки, – то, что осталось от некогда великого замка Бауэр.

Айрелон? Что-то смутно знакомое. У меня ушла пара секунд, чтобы в голове прояснилось и вспомнились старые карты с выцветшими чернилами, составленные еще до войны Двух Королей. Айрелон... Да, я помню это название. Портовый город к северо-востоку от нынешней Карсодонии. Город, который пал во время войны еще до Помпея. Боги богов, это значит...

Я в Пустошах.

Сердце заколотилось в груди. Как долго я спала? Часы или дни? Я не знала, где в горах Скотос находится Склеп Забытых. Насколько мне было известно, склепы могут располагаться у подножия гор, откуда на север до границы Пустошей полдня пути верхом.

Ощущая жажду, я приподняла голову, чтобы оглядеться. Посередине того, что могло быть когда-то Большим залом замка, и по краям разрушенного здания стояли десятки так называемых Защитников – все прятались под блестящими бронзовыми масками. Зрелище словно из самых мрачных кошмаров. Аластир тоже среди них?

В темноте за руинами загорелся единственный факел.

– Они пришли, – провозгласил мужчина в маске. – Вознесшиеся.

У меня перехватило дыхание, когда загорелись еще несколько факелов, отбросив оранжевый отсвет на груды камней и землю, которая за прошедшие сотни лет так и не приютила новую жизнь. Тени обрели форму, и я услышала стук копыт и грохот колес по утрамбованной земле.

– Верить или нет... – Янсен подошел ближе и наклонился надо мной, опершись руками о камень. – Никому бы не пожелал твоей судьбы.

Я метнула на него взгляд. Внутри меня закипал гнев.

– Я бы больше волновалась о твоей судьбе, а не о моей.

Мгновение Янсен смотрел на меня, затем полез в карман штанов.

– Знаешь, – он поднял руку с тряпичным свертком, – когда ты была Девой, то по крайней мере знала, когда следует держать рот на замке.

– Я...

Он сунул комоч ткани мне в рот и завязал концы на затылке, оборвав мои угрозы. От привкуса ткани и чувства беспомощности во мне поднялась тошнота.

Янсен выгнул бровь, а затем оттолкнулся от каменной плиты и опустил руку на рукоять короткого меча. Его плечи напряглись, и я пожалела, что не вижу выражения его лица. Он отвернулся от меня, и остальные обнажили мечи.

– Будьте начеку, – приказал он. – Но не нападайте.

Скрип колес прекратился, и люди в масках скрылись из поля моего зрения. Не позволяя себе задуматься о будущем дальше ближайшей секунды, я наблюдала, как факелы двинулись вперед, а затем их воткнули в землю вокруг развалин замка Бауэр. Мое сердце заколотилось. Не верилось в происходящее. Я повернула голову, надеясь сбросить путы, но безуспешно.

Меня охватила паника. Темная тень приблизилась к остаткам ступеней и медленно вошла по ним. Фигура в черно-красном плаще остановилась среди полуразрушенных стен. Я прекратила двигаться, но сердце продолжало бешено биться.

Этого не могло быть.

Бледные руки взяли за край капюшона и опустили его, открыв лицо женщины, которой я не узнала. Ее светлые волосы были зачесаны назад, а лицо состояло из одних холодных углов. Она двинулась вперед, ее каблуки зацокали по камню. Она не бросила на остальных ни единого взгляда и, казалось, ничуть не боялась их присутствия и обнаженных мечей. Целиком сосредоточилась на мне, а я гадала, как обе стороны могут находиться рядом? Неужели желание мнимых Защитников избавиться от меня, а Вознесшихся вернуть так велико? И неужели Вознесшиеся заберут меня и не попытаются схватить стоящих вокруг атлантианцев, полных крови, которую они так отчаянно жаждут?

Боги, в глубине души я надеялась, что это ловушка. Что Вознесшиеся набросятся на них. Это было бы вполне ожидаемо.

Я заставила себя никак не реагировать, когда Вознесшаяся прошла мимо моих ног и, скривившись, окинула взглядом цепи из костей и корней.

– Что это? – холодно осведомилась она.

– Это чтобы... она оставалась спокойной, – ответил Янсен откуда-то сзади. – Вам придется их снять. Кляп? Ну, она довольно груба. Советую не вынимать его как можно дольше.

«Сволочь», – молча негодовала я, глядя, как Вознесшаяся подходит ближе.

– Сейчас она выглядит вполне спокойной, – заметила Вознесшаяся.

Глазами, в которых плескалась ночь, она уставилась на меня, на мои шрамы и издала прерывистый вздох.

– Это она, – сообщила она кому-то оставшемуся в темноте и протянула ко мне руку. Холодные пальцы коснулись моего лба, и я поморщилась. Кроваво-красные губы сложились в улыбку. – Теперь все будет хорошо, Дева. Мы заберем тебя домой. Туда, где ты и должна находиться. Королева будет очень...

Вдруг Вознесшаяся дернулась, и на мое лицо и шею брызнуло что-то влажное и теплое. Она одновременно со мной опустила взгляд – в ее груди торчал толстый болт.

Она оскалила зубы, обнажив острые клыки, и испустила пронзительный рык.

– Что?..

Другой болт разорвал ее голову, раздробив кость и мягкие ткани. Зрелище оказалось для меня таким неожиданным, что я поначалу даже не услышала крики. Я могла только пялиться на то место, где она стояла, где находилась только что ее голова. Вдруг в поле моего зрения оказалось что-то большое и белое, повалив человека в маске.

Делано.

Волна облегчения поднялась во мне так резко, что я закричала, но кляп заглушил звук. Они здесь. Они нашли меня. Я откинула голову назад, стараясь заглянуть как можно дальше. Сюда бежал еще один вольвен, большой и темный. Он бросился через разрушенный замок, и его мощные мускулы напряглись, когда он перемахнул через остатки стены. Вольвен исчез в темноте, но тут же раздался пронзительный визг. Он схватил Вознесшегося.

– Поппи.

Я резко повернула голову направо и вздрогнула при виде Киерана. Он выглядел совершенно иначе, чем когда я видела его в прошлый раз: его кожа на фоне черной одежды выделялась теплым коричневым оттенком. Я потянулась к нему, но только зашипела от боли.

Выругавшись, он вытащил кляп из моего рта и окинул меня взглядом.

– Ты сильно ранена?

– Я не ранена. – Я заставила себя оставаться неподвижной и не обращать внимания на ватное ощущение, оставленное во рту кляпом. – Это путы. Они...

– Кости божества. – Скривившись от отвращения, он потянулся к цепи под моим горлом. – Я знаю, что это такое.

– Осторожно, – предупредила я. – На них отростки.

– Я буду в порядке. Просто... не шевелись, – велел он.

Мышцы на его руке напряглись – он потянул за мои кандалы.

Во мне теснились тысячи вопросов, но я выпалила самый главный.

– Кастил?..

– Сейчас он потрошит какого-то идиота в маске Последователя, – ответил Киеран, хватаясь за мои путы обеими руками.

Хотя его слова прозвучали абсурдно, я повернула голову, пытаясь найти Кастила...

– Поппи, не двигайся.

– Стараюсь.

– Старайся лучше, – рявкнул Киеран и прищурился, глядя на поврежденную кожу моих запястий. – Как долго ты была в этих штуках?

– Не знаю. Не очень долго.

Взгляд Киерана сказал мне, что он распознал мою ложь.

– А с вами все хорошо? С твоим отцом?

Киеран кивнул. В нескольких футах позади него появился широкоплечий мужчина со светлыми волосами, связанными в узел на затылке. Он повернулся и всадил меч в грудь Последователя, сорвав с него маску.

Я была потрясена – отец Кастила. Он здесь. К горлу подступили слезы – может, из-за голода или эха паники от того, что я чуть снова не оказалась в лапах Вознесшихся. А может, из-за того, что наговорил Аластир. Я уставилась на короля Валина. Он здесь, он сражается за меня.

– Думаю, мой отец сейчас срывает злость на Вознесшихся вместе с Нейллом и Эмилем, – сказал Киеран.

– Похоже, отец Кастила делает то же самое, – выдохнула я, сдерживая бурлящие во мне эмоции.

Поверить не могла, что Валин здесь. Для него было невероятно опасно находиться так далеко от Атлантии. Если кто-нибудь из Вознесшихся узнает его в этой черной одежде, все они на него набросятся. Он должен был понимать все риски, но тем не менее находился здесь, помогал Кастилу. Помогал мне.

Киеран фыркнул.

– Ты понятия не имеешь.

У меня оставалась куча вопросов, но требовалось убедиться, что Киеран знает, с чем они имеют дело.

– Это не только Аластир. Не знаю, здесь ли он, но тут капитан Янсен. Он в серебряной маске Последователя.

Киеран стиснул зубы, разрывая пополам цепь. Она упала по бокам от меня.

– Еще кого-нибудь узнала?

– Нет. – Сердце бухнуло. – Но Беккет... в храме был не он. Он... – Мой голос надломился. – Это был не он.

Киеран схватил второй ряд цепей.

– Поппи...

– Беккет мертв, – сказала я. Киеран бросил на меня взгляд и замер. – Они убили его. Не думаю, что так планировалось, но так вышло. Он мертв.

Киеран выругался и опять взялся за цепь.

– Янсен принял облик Беккета. Из Предела Спессы с нами выехал он, а не Беккет. Янсен во всем признался, а Аластир сказал, что собирается отдать меня Вознесшимся.

– Оно и видно, – сухо ответил Киеран, разрывая очередную цепь. – Проклятый идиот.

Я рассмеялась, и мой смех прозвучал хрипло и неуместно среди криков боли и яростного рычания. Так неуместно, но то, что я опять могла смеяться, было странно прекрасно. Смех замер, и я уставилась на брови Киерана. Мой голос перешел в шепот.

– Аластир сказал, что я происхожу от Никтоса. Что я родственница короля Малека, и в ту ночь, когда погибли мои родители, Аластир был там. Это было...

Мое внимание привлекло движение за плечами Киерана. К нам бросился человек в маске...

Не успела я крикнуть предупреждение Киерану, как тот очутился рядом – высокий и темный, как ночь, окутавшая развалины. Иссиня-черные волосы развевались на ветру. Я полностью сосредоточилась на Кастиле, когда его побагровевший меч вонзился в живот Защитника и воткнулся в стену за спиной человека в маске. Кастил развернулся, поймав за руку еще одного, и с угрожающим рычанием подтянул к себе. Оскалив зубы, он вцепился в горло противника, разорвал кожу и всадил руку ему в грудь. Подняв голову, он выплюнул кровь в лицо Защитнику.

Швырнув тело на землю, Кастил с перепачканным кровью ртом взглянул на нового нападавшего.

– Что?

Человек в маске развернулся и бросился бежать.

Кастил оказался быстрее, он догнал его в мгновение ока, воткнул кулак в спину и резко выдернул что-то белое, покрытое кровью и плотью. Позвоночник. Боги милостивые, это был человеческий позвоночник.

Киеран поймал мой взгляд.

– Он немного рассержен.

– Немного? – прошептала я.

– Ладно, он сильно рассержен, – поправил Киеран и взялся за цепь, опутавшую меня под грудью. – Он обезумел, разыскивая тебя. Никогда не видел его таким. – Его руки слегка задрожали. – Никогда, Поппи.

– Я...

Я осеклась, когда Кастил развернулся. Наши взгляды встретились, и предстань передо мной сам Никтос, я бы не отвела глаз от Кастила. В его обострившихся чертах выражалось столько ярости. В глазах осталась лишь тонкая полоска янтаря, но я увидела в них также и облегчение и что-то настолько мощное, что мне не требовался дар, чтобы это почувствовать.

Он бросился к нам, и ветер взметнул полы его плаща. Из тьмы выскочил гвардеец в черной форме гвардии Вала, пришедший с Вознесшимися. Кастил ринулся на него, схватил за горло и вонзил меч ему в грудь.

– Я его люблю, – прошептала я.

Киеран остановился.

– Ты только сейчас это поняла?

– Нет.

Я проследила за тем, как Кастил достал из ножен на боку кинжал и швырнул в темноту. Раздался пронзительный крик, сказавший, что он попал в цель. Мое тело гудело от желания прикоснуться к нему, ощутить его плоть, чтобы стереть воспоминания, какой была его кожа, когда я прикасалась к нему в прошлый раз. Я прерывисто выдохнула.

– Как вы меня нашли?

– Кастил знал, что должны быть замешаны и другие стражи короны, – объяснил Киеран. – Он ясно дал понять, что если не выяснит, кто именно, то начнет убивать их.

У меня внутри все сжалось. Я метнула взгляд на Киерана. Спрашивать было не нужно.

– Он применил принуждение. Выпытывал у четырех стражей, но только один что-то знал. Он сказал, где тебя держат и что замыслили. Мы добрались до склепа спустя несколько часов после того, как тебя увезли, но ушли не с пустыми руками.

Я так надеялась, чтобы спрашивать, но все же спросила.

– Аластир?

Киеран свирепо ухмыльнулся.

– Да.

Хвала богам. Я на миг закрыла глаза. Неприятно было думать, что чувствует Кастил после такого предательства, но по крайней мере здесь Аластира не оказалось.

– Поппи? – Руки Киерана легли на последнюю цепь. – Полагаю, что даже если я попрошу тебя пересидеть бой, ты меня не слушаешь?

Я выпрямилась, ожидая боли. Ничего, кроме прежних ран.

– Я долго была у них?

Ноздри Киерана раздулись.

– Шесть дней и восемь часов.

Шесть дней.

Моя грудь резко поднялась.

– Они держали меня прикованной цепями к стене склепа, где было полно останков божеств. Опоили и собирались отдать Вознесшимся. Я не собираюсь просто сидеть.

– Ну конечно, нет, – вздохнул он.

Последняя цепь сломалась, и Киеран убрал ее. В тот же момент по моему затылку и спине пробежала волна покалывания, разветвляясь по всем нервам. В середине груди потеплело, и только теперь я поняла, что чувствовала холод не только из-за промозглой влажности склепа, а еще и из-за силы костей. Теперь кровь хлынула в онемевшие части тела. Но ведь это не кровь? Это... итер. Покалывание не было болезненным, скорее напоминало волну освобождения.

В середине груди поднялся гул, вибрирующий звук сорвался с губ. Чутье раскрылось и вырвалось, соединившись со всеми вокруг меня. Я ощутила горький, пропитанный потом страх и горячую, едкую ненависть. Я не пыталась удержать чутье, а положила на первозданное знание, пробудившееся в Покоях Никтоса. Я поднялась. Кастил сразил Вознесшегося, пока его отец сражался рядом. Я стояла, чувствуя прилив сил только потому, что могу стоять после того, как меня так долго держали в цепях.

Киеран подобрал упавший меч и, нахмурившись, рассмотрел клинок.

– Вот. – Он подал мне оружие.

Я встряхнула головой и сделала шаг. Ноги, так долго не принимавшие мой вес, слегка дрожали. Я оставила чутье широко раскрытым, гул в груди нарастал, итер в крови усиливался. Эти люди хотели причинить мне боль. И им это удалось. Они хотели причинить боль Кастилу, Киерану и всем остальным. Они убили Беккета. Никто из них не заслуживает жить.

Края моего зрения заволочло белым, и я представила, как из меня выскальзывают тонкие серебристо-белые нити, протягиваются по полу и связываются с этими людьми. Мой гнев влился в бушующие эмоции, наводнившие мое чутье. Я сделала глубокий вдох, забирая чужие эмоции, позволяя чужой ненависти, страху и извращенному чувству справедливости просо-

читься в мою кожу и стать частью меня. Эти эмоции вплелись в мои мысленные нити. Я приняла их все, ощутив внутри себя ядовитую бурю. У них не будет времени пожалеть, что они приняли в этом участие. Я уничтожу их. Я сотру их с...

В этот момент вспомнила слова Аластира. «Ты сейчас опасна, но в конце концов станешь чем-то совершенно иным».

Во мне вспыхнуло беспокойство, рассеявшее серебристые нити в моем сознании. Эти люди заслужили то, что я с ними сделаю. Неважно, что сказал Аластир. Если я их убью, то не потому, что не способна себя контролировать. И не потому, что непредсказуема и проявляю неконтролируемую жестокость, как это делали божества. Я только хочу, чтобы они ощутили вкус своих эмоций и чтобы эта гадость была последним, что они почувствуют. Я хочу этого больше, чем...

Хочу этого слишком сильно, хотя вообще не должна хотеть.

Я никогда не получала удовольствия от убийства, даже Жажущих. Убийство – суровая необходимость, которую нельзя желать и которой нельзя наслаждаться.

Сбитая с толку, втянула сухой воздух и сделала то, что должна, когда находилась в толпе или рядом с кем-то, кто проецировал эмоции вокруг себя. Я закрыла чутье и прогнала серебристые нити света. Гул в груди стих, но разум не успокоился. Я остановила себя. Вот все, что мне было знать, чтобы доказать – Аластир неправ. Я не жестокое существо, неспособное себя контролировать.

Подошел Киеран и наклонился так, чтобы видеть меня и все, что происходит вокруг нас. Он расстегнул свой плащ.

– Ты в порядке?

– Я не монстр, – прошептала я.

Он замер.

– Что?

Тяжело сглотнув, я покачала головой.

– Н-ничего. Я... – Я наблюдала, как король Валин обрушивает на землю еще одного человека в маске. Он и его сын сражались с одинаковой изящной и безжалостной силой. – Я в порядке.

Киеран накинул мягкую ткань на мои плечи, и я вздрогнула.

– Ты уверена?

– Да.

Я перевела взгляд на него. Он застегнул пуговицу у меня под горлом. Только тогда вспомнила, что на мне только окровавленная нижняя рубашка. Он стянул половинки плаща.

– Спасибо. Я... Я пересажу бой.

– Хочу поблагодарить богов, – пробормотал Киеран. – Но теперь ты в самом деле меня беспокоишь.

– Со мной все хорошо.

Я проследила взглядом за Кастилом. Он развернулся, выбив меч из руки Защитника. Клинок зазвенел на каменном полу, а Кастил занес меч, готовясь нанести смертельный удар. От маски на лице мужчины отразился лунный свет – от серебряной маски.

Янсен.

– Кастил, стой! – закричала я.

Он замер, тяжело дыша, и направил меч на Янсена. Тому, что он остановился без колебаний и вопросов, я решила удивляться позже. Я шагнула вперед.

– Я ему кое-что пообещала.

– Я думал, ты пересидишь бой, – напомнил Киеран, двинувшись вместе со мной.

– Да, – подтвердила я. – Но он – особый случай.

Кастил напрягся при моих словах и бросился вперед так стремительно, что я опасалась – он нанесет смертельный удар. Но нет. Он схватил серебряную маску и сорвал ее.

– Сукин сын. – Он бросил маску на пол.

Взгляд Янсена метался между Кастилом и его отцом.

– Она будет...

– Заткни свою вонючую глотку, – прорычал Кастил, шагнув в сторону.

Я пошла вперед, ступая босыми ногами по холодному камню. Киеран следовал за мной. Когда проходила мимо Кастила, он вложил в мою ладонь рукоять меча и коснулся окровавленными губами моей щеки.

– Поппи, – произнес он, и звук его голоса пробил небольшую дыру в стене, которую я возвела вокруг дара.

Все, что он чувствовал, достигло меня. Горячая, едкая ярость, освежающее древесное облегчение и тепло, которое он чувствовал ко мне. А также то, что испытал до этого, – горечь страха и паники.

Передернувшись, я уставилась на Янсена.

– Со мной все хорошо.

Кастил сжал мне руку, передавая меч.

– Тут нет ничего хорошего.

Он прав.

В самом деле ничего хорошего.

Но я знала, как можно хоть немного это исправить, правильно это или нет.

Я освободила руку, которую он держал, и спросила Янсена:

– Что я тебе пообещала?

Королевский гвардеец потянулся за упавшим мечом, но я была быстрее. Сделала выпад, и Янсен со стоном отшатнулся назад, падая на колени. Подняв голову, он обеими руками стиснул клинок, словно в самом деле надеялся остановить то, что произойдет.

– Я сказала, что сама убью тебя. – Я улыбнулась и медленно вдавила клинок в его грудь, ощущая, как ломаются кости под давлением меча, как он проходит сквозь мягкие ткани. В уголках его рта запузырилась кровь. – Я выполняю свои обещания.

– Я тоже, – прохрипел он, и жизнь погасла в его глазах, меч выскользнул из рук. Острые края клинка оставили порезы на ладонях и пальцах.

«Я тоже?»

Вдруг что-то дернуло меня назад с такой силой, что в груди взорвалась жестокая боль. Я выронила меч. Движение было таким внезапным, таким сильным, что мгновение я ничего не чувствовала, словно отделилась от тела. Время для меня остановилось, но люди по-прежнему двигались, и я увидела, как Джаспер кидается на спину Защитнику в маске, сжимая зубы на его горле. У того что-то выпало из рук. Лук... арбалет.

Я медленно опустила взгляд. Красное. Так много красного повсюду. Из моей груди торчал болт.

Глава 7

Я ошеломленно подняла голову и встретила взглядом с Кастилом. Янтарь в его глазах был едва виден, а на лице появился ужас, какого прежде никогда не видела. Его потрясение прорвалось сквозь мои защитные стены, переполнив мое чутье.

Я открыла рот и ощутила в горле противный металлический вкус. С каждым вдохом, который пыталась сделать, изо рта пузырилась вязкая жидкость, выступая на губах.

– Кастил?..

Мое тело затопила всепоглощающая боль. Мучение накатывало волнами – одной за другой, перехватывая мое дыхание. Я никогда не испытывала ничего подобного. Даже той ночью на постоялом дворе. Все органы чувств отказали, дар закрылся. Я не чувствовала ничего кроме яростного жжения в груди, в легких, в каждом нерве.

О боги, боль несла с собой бритвенно-острый ужас. Осознание, что я не могу сбежать. Я ощущала внутри скользкий, влажный холод. Сделала вдох, потянувшись к болту. Или попытаться потянуться. Я давилась воздухом, который пыталась вдохнуть, а тот, что проходил через горло, потрескивал и пузырился в груди. Пальцы скользнули по гладкой поверхности болта из кровокамня, а ноги... исчезли. Или так казалось. Колени подогнулись.

Меня подхватили руки, остановив падение, и на мгновение аромат насыщенных специй и хвои заглушил резкий металлический запах крови, толчками вытекающей из раны. Я подняла голову.

– Я с тобой. Все хорошо. Я с тобой.

Я увидела широко раскрытые янтарные глаза с расширенными зрачками – дикие глаза. Его взгляд стал диким, когда он быстро взглянул на мою грудь. Он опять сосредоточился на моем лице и сказал:

– С тобой все будет хорошо.

Я не чувствовала себя хорошо. О боги, не чувствовала вообще ничего хорошего.

В воздухе пронеслось движение, и рядом с нами появился Киеран. Его обычно смуглая кожа была бледной. Он положил руку у основания болта, пытаясь остановить кровь.

Прикосновение было мучительным. Я дернулась, пытаясь увернуться.

– Это... больно.

– Знаю. Прости. Знаю, что больно. – Кастил глянул на Киерана. – Можешь посмотреть, насколько глубоко зашло?

– Я не вижу выступов на болте, – сказал он, глядя поверх моего плеча.

Я содрогнулась. Мне доводилось стрелять стрелами, похожими на эти болты. Они зазубренные, чтобы наносить больше вреда.

– Кровь, Кас, – добавил Киеран. – Ее слишком много.

– Знаю, – вымолвил Кастил.

Его слова потонули в треске, ворчании и влажных чавкающих звуках, которые раздались где-то позади нас.

Киеран схватил меня за левое плечо, и мое тело содрогнулось от боли. Я закричала. Или это был лишь вздох. Что-то влажное и теплое пузырилось на губах, и это было плохим знаком. Я переводила взгляд широко раскрытых глаз с Кастила на Киерана. Знала, что это плохо. Я это чувствовала. Чувствовала болт, не могла сделать глубокого вдоха и... не ощущала кончиков пальцев.

– Прости. Я стараюсь держать твоё тело неподвижным, чтобы не затронуть болт. Прости. Прости, Поппи, – снова и снова повторял Киеран.

Он продолжал это твердить, и я хотела его успокоить, потому что он говорил задыхаясь, слишком взволнованно. Он никогда не был таким взволнованным. Он говорил так, словно уже знал, что мое тело пыталось мне сказать.

Кастил начал двигаться, и я попыталась свернуться клубочком, уклониться от боли, пошевелить ногами. Но... Пульс участился, я лихорадочно закатила глаза и запаниковала.

– Я... не чувствую... ног.

– Я это исправлю. Обещаю. Я все это исправлю, – клялся Кастил.

Я уставилась поверх его плеча в ночное небо – яркие, как бриллианты, звезды исчезали одна за другой.

Кастил опустил на колени и медленно уложил меня, повернув так, чтобы его грудь удерживала мой правый бок.

– Насколько все плохо?

Позади Кастила появился его отец и уставился вниз широко раскрытыми глазами. Черты его лица застыли.

– Мы не можем его вытащить, – сказал Кастил.

– Не можем, – согласился Киеран.

Его голос прозвучал невнятно и напряженно. Теперь облака, заслонившие звезды, стали непроницаемо-черными. Рука Киерана скользнула на мою грудь, но он быстро убрал ее. Было не так больно.

– Кас...

– Он не задел сердце, – перебил Кастил. – Она бы не... – Его голос надломился, и я поморщилась, заставляя себя сосредоточиться на нем. Его кожа утратила цвет. – Он не задел ее сердце.

– Кас...

Он покачал головой, трогая мою щеку, вытирая мой рот.

– Я могу дать ей кровь...

– Кас, – повторил Киеран, а король Валин положил руку на плечо сына.

– С тобой все будет хорошо, – сказал Кастил. – Я заберу боль. Обещаю.

Его рука на моем подбородке дрожала, а он... редко дрожал, но сейчас тряслось все его тело.

– Обещаю, Поппи.

Я хотела прикоснуться к нему, но мои руки стали тяжелыми и бесполезными. А вдохи, которые заставляла себя делать, – влажными и слабыми.

– Мне... мне не так уж... больно.

– Это хорошо. – Он улыбнулся – или попытался это сделать. – Не разговаривай. Ладно? Я дам тебе крови...

– Сын, – начал его отец. – Нельзя. И даже если бы было можно...

Кастил оскалил клыки, стряхивая руку отца.

– Убирайся от нас подальше.

– Мне жаль, – прошептал король Валин. Рядом возник Джаспер, рыча и лязгая зубами. Отец Кастила был вынужден отступить. Темное небо пересекли молнии. – Я не хотел этого для тебя, для вас обоих. Мне жаль...

– Кас, – прохрипел Киеран, на этот раз умоляюще.

Кастил укусил свое запястье, разрывая кожу. Выступила ярко-алая кровь, и, глядя на прорезавшие небо серебристо-белые молнии, я вдруг поняла, что больше не чувствую боли. Мое тело онемело и...

– Холодно. Мне... опять холодно.

– Знаю. – Губы и подбородок Кастила запачкала свежая кровь. Он поднес запястье к моему рту и поместил мою голову в изгибе своего локтя. – Пей, принцесса. Пей ради меня.

Его кровь коснулась моих губ, теплая и насыщенная. Потекла по моему горлу, но я не чувствовала ее вкуса, не могла ее проглотить. Внутри все онемело. Паника нарастала.

– Кас...

– Что? – прогремел он.

– Выслушай меня. Пожалуйста, Кас. Послушай меня. Он не задел ее сердце. – Киеран подался вперед, хватая Кастила сзади за шею. – Посмотри на кровь. Попало в артерию и по крайней мере в легкое. Ты знаешь, что...

Над руинами взорвалась мощная вспышка молнии, мгновенно ослепив меня, а за ней последовал громкий раскат грома. Камень треснул. Кто-то закричал. Каменный пол содрогался при каждом ударе молнии.

– Нет. Нет. Нет. Открой глаза, – умолял Кастил. Они закрыты? – Ну же. Не делай этого. Не поступай так со мной. Пожалуйста. Открой глаза. Пожалуйста, Поппи. Пей.

Он нагнулся надо мной, прижимая запястье к моему рту.

– Пожалуйста, Поппи, пей.

Черты Кастила опять сложились вместе, но были словно окутаны туманом, словно размазались. Я быстро заморгала, стараясь прояснить зрение.

– Ну вот и ты, – сказал он. Его грудь часто поднималась и опадала. – Останься со мной. Хорошо? Не закрывай глаза. Останься со мной.

Я хотела. Боги, хотела этого больше всего на свете, но я устала. Хотелось спать. Я прошептала это. По крайней мере подумала, что прошептала. Точно не знала, но это не было важно. Я сосредоточилась на его лице, на пряди темных волос, на выразительных бровях. Не могла отвести взгляд от бахромы густых ресниц и высоких угловатых скул. Я изучала каждый дюйм его изумительного лица, от крутого изгиба челюсти до полных, прекрасно очерченных губ, запечатлевая их в памяти. Потому что знала... Знала, что когда мои глаза опять закроются, они больше не откроются. Хотела запомнить его лицо, когда мир превратится во тьму. Хотела помнить, каково это – быть в его руках, слышать его голос и чувствовать его губы на своих. Хотела запомнить, как он улыбается, когда я ему угрожаю, и как загораются и теплеют его глаза, когда бросаю ему вызов. Хотела запомнить гордость, которую чувствовала от него, когда словом или клинком заставляла врагов умолкнуть. Хотела запомнить, с каким благоговением он прикасается к моим шрамам – словно он не достоин их, не достоин меня.

В небе вспыхнула очередная молния, ударив в землю и наэлектризовав воздух. Вверх полетели обломки камня. Отец Кастила закричал, и отовсюду раздался вой. Но я сосредоточилась на Кастиле. Его глаза блестели, а ресницы были мокрыми.

Он плакал.

Кастил плакал.

Слезы бежали по его щекам, образуя блестящие дорожки в засохшей крови. Они катились и катились... и я знала... знала, что умираю. Кастил тоже знал. Должен был знать. Я так много хотела сказать, так много сделать вместе с ним и так много изменить. Будущее его брата. Будущее Йена. Будущее народов Атлантии и Солиса. Наше будущее. Я хоть раз благодарила его за то, что он заглянул под вуаль? За то, что никогда не заставлял меня стоять и бездействовать? Говорила ли я ему, как сильно он изменил мою жизнь, как много это значило для меня, хотя думала, что ненавижу его, даже когда хотела ненавидеть его? Кажется, говорила, но, наверное, недостаточно. И было кое-что еще. Я хотела еще один поцелуй. Одну улыбку. Хотела опять увидеть его дурацкие ямочки и поцеловать их. Хотела доказать ему, что он достоин меня, достоин любви и жизни, и не важно, что произошло с ним в прошлом и что он совершил. Но, о боги, у меня не осталось времени.

Я пробилась сквозь панику и ощущение, будто угасаю, тону, ощущение нереальности происходящего. Мои губы зашевелились. Я шевелила ими, но не издавала ни звука.

Кастил... сломался.

Он запрокинул назад голову и заревел. Он ревел, и этот звук отдавался эхом вокруг нас, прокатывался через меня. Камень подо мной треснул и разверзся. Оттуда вырвались толстые, крепкие корни пепельного цвета. Киеран упал, а они поползли по моим ногам и поднялись над Кастилом. Дерево росло. Оно росло быстро. Небо разорвали молнии, одна за другой, превратив ночь в день, а толстый, блестящий ствол возносился все выше, от него отделялись сотни ветвей. На каждой ветке пробились крохотные золотые почки. Они распустились, раскрывшись в кроваво-красные листья.

Кастил резко опустил голову. Его взгляд был диким и потерянным, как в то утро, когда он проснулся от кошмара. Он схватил корень, упавший на мой живот, мгновение смотрел на него, затем сломал и отбросил прочь.

– Я не могу тебя отпустить. Я не отпущу. Не сейчас. Никогда. – Он дотронулся до моей щеки, но я этого почти не почувствовала. – Киеран, мне нужно, чтобы ты выдернул болт. Я... Я не могу... – Его голос дрожал. – Ты нужен мне. Я не могу это сделать.

– Ты собираешься... – Киеран перекатился вперед. – Проклятье. Да. Ладно. – Он про-
рвался через корни. – Давай это сделаем.

Сделаем... что?

Киеран схватил болт.

– Боги богов, простите нас, – вымолвил он. – Ты должен действовать быстро. У тебя будут секунды, если повезет, и затем...

– Затем я разберусь с тем, что будет дальше, – резко заявил Кастил.

– Нет, – возразил Киеран. – С тем, что будет дальше, разберемся мы. Вместе.

– Кастил, стой! – закричал его отец. – Прости, но этого нельзя делать.

Я услышала панику. В его голосе было столько паники, что она наполнила воздух.

– Ты знаешь, что произойдет. Я этого не позволю. Можешь ненавидеть меня всю остав-
шуюся жизнь, но не позволю. Стражи, схватите его!

– Пусть они уберутся от меня, – рявкнул Кастил. – Пусть они все уберутся от нас или, клянусь богами, вырву сердца у них из груди. И мне плевать, если также и сердце того, кто дал мне жизнь. Ты меня не остановишь.

– Оглянись вокруг! – прокричал его отец. – Боги сейчас говорят с нами. Ты не можешь это сделать...

– Боги меня не остановят, – закричал Кастил.

Земля затряслась от раскатистого грохота, который был мощнее остальных. Между раскатами грома слышались вой и лай. И... крики. Пронзительный визг боли и гортанное, вибрирующее рычание. В моем поле зрения появился Джаспер. Он присел у моих ног между Киераном и Кастилом. Я мельком увидела белый мех. Звуки, которые издавали вольвены, – заунывный скорбный вой, – сопровождали каждый слабый короткий вдох, который мне удавалось сделать.

– К нам никто не подойдет. – Киеран подвинулся ближе. – Если кто-то осмелится, не продержится долго.

– Хорошо, – сказал Кастил. – Я не собираюсь... – На меня опустился покров тьмы, словно бы я начала падать. Кастил исчез и появился снова. – ...может, она будет другой... Пообещай, что будешь ее охранять.

– Я буду охранять вас обоих, – ответил Киеран.

Потом я услышала голос Кастила.

– Посмотри на меня, – приказал он, поворачивая мою голову к себе. Мои веки были слишком тяжелыми, чтобы сделать это. – Держи глаза открытыми и смотри на меня.

Мои глаза открылись, повинаясь его воле, и я... не могла больше отвести взгляд от него.

– Смотри на меня, Поппи, и слушай.

Его голос был мягким и глубоким, и распространялся повсюду – вокруг и внутри меня. Я могла только подчиняться.

– Я люблю тебя, Пенеллаф. Тебя. Твое неистовое сердце, твой ум и силу. Люблю твою бесконечную доброту. Люблю то, что ты приняла меня. Поняла. Люблю тебя и буду любить до последнего дыхания и после, в Долине.

Кастил опустил голову, прижавшись губами к моим губам. Что-то мокрое скользнуло по моей щеке.

– Но я не собираюсь так скоро отправляться в Долину. И я не потеряю тебя. Никогда. Я люблю тебя, принцесса, и даже если ты возненавидишь меня за то, что собираюсь сделать, проведу остаток наших жизней, заглаживая свою вину.

Он резко выпрямился и тяжело выдохнул.

– Давай!

Киеран выдернул болт, и это... раскололо холодное оцепенение, обволакивавшее мое тело. Мое тело дернулось и продолжало дергаться и извиваться. Что-то сдавило мой череп, мою грудь, распространяясь по телу...

Кастил был быстрее молнии. Он откинул мою голову назад и погрузил зубы мне в горло. Меня охватило смятение. Разве мало я уже потеряла крови? Мысли путались, и до меня медленно доходило, что собирается сделать Кастил. Он...

О боги, он собирается меня вознести.

Ужас вцепился в меня когтями. Я не хотела умирать, но не хотела и превращаться в нечто нечеловеческое. Холодное, безжалостное и бездушное. Ведь у Вознесшихся нет души? Вот почему я ничего от них не чувствую. У них нет души, чтобы подпитывать эмоции. Они неспособны даже на самые простые чувства. Я не...

Обжигающая красная боль разметала мои мысли и потрясла едва бьющееся сердце. Жжение от укуса не прошло, когда Кастил сомкнул губы на ранке. Не сменилось томительным, чувственным ощущением, когда он втянул мою кровь. Не было того восхитительного, обольстительного жара. Только огонь на коже и внутри меня, сжигающий каждую клеточку. Это было хуже, чем в тот раз в экипаже с лордом Чейни, но сейчас я не могла сопротивляться. Ничего не помогало. Не могла увернуться от боли. Она была слишком сильной, и крик, который не удавалось выдохнуть, отскочил от моего черепа и взорвался в небе, в серебряных молниях, которые перечеркивали тучи и били в руины замка и вокруг него. Казалось, весь мир содрогнулся, и алые листья посыпались с дерева, падая на плечи Кастила, укрывая спину Киерана и оседая на серебристом мехе Джаспера.

Мое сердце... Оно остановилось – я это почувствовала. О боги. Я чувствовала, как оно пропустило один удар, второй, а затем словно бы попыталось биться дальше, завестись снова. Но у него не получилось. Во мне все сжалось. Легкие. Мышцы. Все органы. Мои глаза были широко раскрыты, взгляд остановился, а тело силилось сделать вдох, освободиться, а затем... смерть ворвалась так сладко, проглотив меня целиком. Я утонула в ее насыщенных темных специях.

Глава 8

Не было ни света, ни цвета, и какое-то время я парила там, ни к чему не привязанная, холодная и пустая. Я не мыслила. Не чувствовала. Существовала в небытии...

Пока не увидела точку серебристого света – казалось, в целом мире от меня. Свет пульсировал и с каждым ударом расширялся. По краям выползли клочковатые щупальца и потянулись через пустоту. Я медленно поплыла к нему.

Внезапно возник звук. Голос столь глубокий и мощный, что нашел меня в небытии и вцепился так, что я больше не скользила к серебристому свету. Голос держал меня в плену.

– Пей. Продолжай пить, – приказал он. – Вот так. Глотай. Пей, принцесса, пей ради меня...

Слова повторялись снова и снова, казалось, целую вечность. Наконец они стихли, и я опять осталась одна в тишине. На этот раз серебристого света не было. Не было ничего, кроме тепла и пустой темноты со сладким, приятным ароматом... сирени.

Я оставалась там, пока меня не окружили проблески неярких красок. Красные. Серебристые. Золотые. Они кружились в вихре, и я скользила сквозь них, падала через ночи, через годы, пока не стала маленькой и беззащитной. Я стояла перед отцом.

Я видела его отчетливо. Медно-рыжие волосы в свете лампы. Квадратная челюсть, покрытая многодневной щетиной. Прямой нос. Глаза цвета хвои.

– Милый маленький цветочек. Милый маковый цветочек. – Папа наклонился и поцеловал меня в макушку. – Я люблю тебя больше, чем все звезды на небе.

– Я люблю тебя больше, чем всех рыб в море.

– Девочка моя. – Руки отца задрожали на моих щеках. – Кора?

Мама вышла вперед. Она казалась бледной.

– Тебе следовало знать, что она найдет сюда дорогу. – Она оглянулась через плечо. – Ты ему доверишь?

– Да, – ответил он, а мама взяла меня за руку. – Он уведет нас в безопасное место...

На постоялом дворе, словно гром, заревел ветер, прилетевший из какого-то нездешнего места. Послышались голоса – не папы и мамы, а сверху, из-за цветного вихря, с другого конца небытия.

– Кто остался? – спросил мужской голос, тот самый, что нашел меня, когда я плыла к серебристому свету, но сейчас он был хриплым, слабым и уставшим.

– Только мы, – ответил другой глубокий голос. Этот был напряженным. – Не стоит волноваться насчет стражей. Думаю, Джаспер решил, что будет лучше, если их... просто больше не будет.

– А мой отец?

– Он пока что не проблема. – Голос помолчал. – В Бухту мы вернуться не можем, но есть... – Он на миг умолк. – Нам придется об этом позаботиться на случай, если она... Как ты думаешь, можешь двигаться?

Ответа долго не было.

– Я... не знаю.

Я опять упала, снова скользнула назад через годы.

– Оставайся с мамой, малыша. – Папа коснулся моих щек, отвлекая меня от голосов. – Оставайся с ней и найти брата. Я скоро за вами вернусь.

Папа встал и повернулся к двери, к человеку, который стоял там, глядя в узкую щель между панелями. Его волосы напомнили мне пляжи у моря Страуд.

– Ты его видишь?

Мужчина у двери кивнул.

– Он знает, что ты здесь.

– Он знает, что она здесь.

– Как бы то ни было, он ведет их сюда. Если они сюда придут...

– Этого нельзя допустить, – сказал папа, кладя руку на рукоять меча. – Она им не достанется. Мы этого не допустим.

– Нет, – негромко согласился мужчина, оглядываясь на меня странными голубыми глазами. – Я не допущу.

– Идем, Поппи. – Мама потянула меня за руку...

Голос выдернул меня за пределы цветного водоворота и небытия.

– С этого момента я не знаю, что будет дальше.

Голос звучал ближе, но был еще более усталым, чем в прошлый раз. Казалось, каждое слово дается говорящему с трудом и он быстро теряет силы.

– Она дышит. Ее сердце бьется. Она жива.

– Это все, что имеет значение, – ответил другой голос, который стал менее напряженным. – Тебе нужно поесть.

– Я в порядке...

– Чушь. Ты едва можешь взобраться на лошадь и держаться в седле. Ты потерял слишком много крови, – возразил другой. – Она рано или поздно проснется, и ты знаешь, что будет. Ты не сможешь о ней позаботиться. Предпочтешь, чтобы Нейлл или Эмиль услужили тебе или же пусть они услужат?..

– Нейлл, – рявкнул он. – Проклятье, позовите Нейлла.

Раздался грубый смешок, и я опять провалилась куда-то, только чуть позже услышав:

– Отдохни. Я присмотрю за вами обоими.

** * **

Я опять отключилась, но на этот раз иначе. Я уснула. Уснула глубоким сном, до меня долетали обрывки слов. Но теперь я осознала... что у меня есть тело. Что-то теплое и влажное коснулось моего лба, щеки. Мягкое. Тряпка. Ею провели по моим губам и под ними, по моей шее и между грудями. Тряпка исчезла, и послышался звук – плеск воды.

Затем тряпка вернулась, скользнула по моим голым рукам и между пальцев. Прикосновение было приятным. Оно убаюкало меня, я опять погрузилась в глубокий сон.

Я снова была ребенком и цеплялась за окровавленные руки мамы.

Они пришли, как и предупреждал тот человек. Крики. Вокруг столько криков, и визг тех существ снаружи – они скреблись и царапали когтями окно, пытаясь попасть внутрь.

– Отпусти, малыша. Поппи, тебе нужно спрятаться...

Мама застыла, а потом вырвала свою руку из моей.

Мама потянулась к кожаным сапогам, которые я любила надевать и шаркать в них, притворяясь, что я взрослая и большая. Она что-то вытащила из сапога – что-то черное как ночь, тонкое и острое. Она двигалась быстро – никогда не видела, чтобы она двигалась так быстро. Мама стремительно развернулась и встала, держа в руке черный шип.

– Как ты можешь так поступать? – потребовала мама, а я подвинулась к краю посудного шкафа.

А потом я опять очутилась в цветном водовороте, в небытии, но была не одна.

Со мной была женщина с длинными волосами, развевающимися вокруг нее, такими бледными, что они напоминали сплетенный лунный свет. Ее черты были знакомыми. Я уже видела ее мысленно тогда, в храме. Но теперь мне показалось, что она немного похожа на меня. Веснушки на носу и на щеках. Глаза цвета покрытой росой травы, но за зрачками сиял свет. Серебристо-белое свечение, которое просачивалось наружу, разбивая яркую зелень.

Ее губы шевелились – она говорила. Она опустила ресницы, и из уголка глаза упала кроваво-красная слезинка. От ее слов меня окатило ледяной волной. Но потом она исчезла, и я тоже.

* * *

Первое, что я почувствовала, – это покалывание, которое началось в ступнях, потом поднялось к икрам и распространилось по всему телу. За ним последовал жар. Меня охватила лихорадка, обжигая и без того пересохшее горло. Пить. Так сильно хотелось пить. Я попыталась открыть рот, но губы словно склеились.

Я поджала пальцы ног, и сначала ощущения мне не понравились. Потом пришло осознание, что я укрыта одеялом, а подо мной матрас. Моя кожа казалась слишком чувствительной, а ткань слишком колючей.

Меня мучила жажда.

Я сжала пальцы на голом животе. Кожа казалась сморщенной. Я сосредоточилась, желая разомкнуть губы. Если я открою рот, то смогу попросить... воды. Нет. Я хочу не воды. Я хочу чего-то другого.

Я хочу пить. Я хочу... есть. Меня мучил голод. Я заставила себя раскрыть губы и неглубоко вдохнула ртом. Запахи. Свежая хвоя. Что-то дикое. Кожу начало покалывать, она напряглась, став еще более чувствительной. Уши вибрировали от звуков. Шелест ветра. Ленивый шум вентилятора. Звуки были приятными, но я чувствовала себя опустошенной.

Я была так голодна.

Так голодна, что все тело ныло. Болело во рту, а внутри, казалось, все пересохло, скукожилось и стало хрупким. Мышцы свело судорогой, когда я попробовала открыть глаза. Веки были словно зашиты, но я хотела есть, а для этого мне требовалось открыть глаза. Казалось, прошла целая жизнь, прежде чем мне удалось разлепить ресницы.

Все выглядело как в тумане – расплывчатые скопления теней и пятна света. Я несколько раз моргнула, почти боясь, что мои глаза больше не откроются, но они открылись. Зрение прояснилось. Приглушенный свет газовой лампы омывал серые стены и старое потрепанное кресло...

В кресле кто-то сидел.

Мужчина в расслабленной позе, с бежево-коричневой кожей и короткими темными волосами. Он протер глаза, и в моей груди возникло странное ощущение. Я попыталась его уловить, но оно ускользало. Я была слишком голодна, чтобы на чем-то сосредоточиться. Мне нужно...

Мужчина вздохнул, и мои мышцы напряглись. Мои ноги согнулись в коленях, а ноющая боль в животе и в груди все нарастала. Голод охватил меня, горло сдавило, а сердце начало тяжело колотиться о ребра. Я не осознала, что двигаюсь или сажусь, пока волосы не упали мне на плечи, отчего кожу зашипало. Мужчина опустил руку.

Его черты исказило потрясение, которое обрушилось на мою горячую кожу как ледяной дождь. Я поджала ноги и напряглась.

Он подался вперед и вцепился в подлокотники так, что вздулись жилы, и его вены...

– Я по-прежнему чую твой нота́м.

Его слова не имели значения. Мою грудь пронзил голод. Я опустила подбородок и оскалила зубы. Я сосредоточилась на его горле, где, клянусь, видела, как бьется пульс.

– Дерьмо, – прошептал он, вставая.

Я вскочила с постели и бросилась на него. Он отшатнулся назад и схватил меня за руки. Коленом он ударился о кресло и, потеряв равновесие, свалился в него. Я упала вместе с ним и, взбираясь в кресло, потянулась вперед.

– Боги! Ты быстрая. И по-настоящему сильная, – проворчал он, стараясь меня отодвинуть дрожащими руками.

Я подняла голову, и пряди медно-рыжих волос упали мне на лицо.

Он ахнул и вытаращил голубые глаза.

– Ни хрена себе!

Я бросилась на него. Кресло затрещало под нашим общим весом. Один подлокотник отломился, а я потянулась к его горлу, широко раскрыв рот. Мой желудок болезненно сжимался...

Меня обхватила за талию чья-то рука, а другая обвила грудь и притянула мою спину. От контакта с теплой кожей пробежал статический разряд, удивив меня. Это ощущение... аромат специй и хвои. Из моего горла вырвался скорбный вой, и я потянулась вперед, пытаюсь схватить мужчину. Он соскочил с кресла. Его черная туника была измятой и перепачканной... в чем-то. В крови? В моей крови. Я уставилась на него, почуяв, что он не смертный. Он что-то другое. Что-то, принадлежащее мне.

– Ты его не хочешь, – раздался голос над моим ухом. – Он невкусный. Ты хочешь меня.

– В любой другой ситуации я бы обиделся, – сказал мужчина с льдисто-голубыми глазами.

Голод хлестал мои внутренности. Отчаяние вспучивалось волдырями на коже. Я хотела есть, и это было больно. Болело все: кожа, кости, мышцы, волосы. У меня вырвался низкий, гудящий звук, превратившийся в грубые, гортанные слова.

– Больно.

– Знаю. Ты голодная. Но нельзя есть Киерана. Меня бы это огорчило.

Меня не волновало, если это его огорчит. Я откинула голову назад, врезавшись в его челюсть. Он закричал, но не выпустил меня, а сжал еще крепче.

– Осторожно, – произнес тот, кого называли Киераном. – Она стала сильнее.

– Я ее держу, – вымолвил он, крепко прижимая меня к груди. – Наверное, тебе стоит отойти от нее подальше.

Другой не двинулся с места, а тот, который держал меня, убрал одну руку и поднял запястье над моим плечом. Воздух наполнился ароматом. Мое сердце забилося быстрее, а я замерла, глубоко дыша. Запах был превосходным – насыщенным и утонченным. Грызущая боль усилилась.

– Ее глаза, – сказал другой, а тот, кто меня держал, опустил руку – опустил запястье. Кровоточащее запястье. – Они не черные. Они по-прежнему зеленые.

Мужчина рядом со мной замер.

– Что?

Забыв о том, кто стоял передо мной, я схватила руку, сомкнула рот на двух свежих ранках и сделала глубокий глоток. Мужчина дернулся и ахнул.

– Боги.

Вкус его крови поразил все мои чувства – терпкий и сладкий. Кровь потекла в мое горло, теплая и густая. Она ударила в пустоту в моей груди, моем желудке, облегчив боль. Я застонала, содрогаясь, когда судороги начали отпускать мои мышцы. Красные тени в мозгу стали рассеиваться, и сквозь голод пробились обрывки мыслей. Кусочки...

Рука обхватила мою челюсть и оторвала мой рот от запястья.

– Нет! – запаниковала я.

Мучительный голод вернулся. Мне нужно... больше.

– Посмотри на меня.

Я вырывалась, пыталась освободиться, но он был таким сильным.

Мужчина повернул мою голову.

– Прекрати.

Его дыхание танцевало на моих губах, и что-то в его словах прозвучало иначе, мягче и глубже. Голос отозвался во мне эхом.

– Прекрати вырываться и открой глаза, Пенеллаф.

Его голос пронзил голод, как и прежде, когда я плыла в темноте. Мое дыхание замедлилось, а тело подчинилось приказу. Янтарные глаза, яркие, с искрящимися в них золотыми крапинками, уставились на меня. Я не могла отвести взгляд и пошевелиться, хотя меня затопила острая мучительная волна.

– Поппи, – прошептал он, и его странные глаза заблестели от влаги. – Ты не вознеслась.

Я знала, что в его словах должен быть смысл. Какая-то далекая часть меня знала то, что я должна была понять. Но я не могла думать ни о чем, кроме голода, не могла сосредоточиться ни на чем другом.

– Я не понимаю, – сказал другой мужчина. – Даже при том, что в ней течет кровь богов, она все равно смертная.

Тот, который держит меня, убрал руку с моего подбородка и коснулся моих губ. Меня охватило сильное желание цапнуть его за палец, но я не могла с ним бороться – он держал крепко. Он осторожно оттянул мою верхнюю губу.

– У нее нет клыков, – сказал он, быстро переводя взгляд к моим глазам.

Я чувствовала... как его терпкое смятение уступило место землистому, древесному облегчению.

– Я знаю, что это. Это жажда крови. Она испытывает жажду крови, но она не вознеслась. Вот почему ты по-прежнему чуешь первозданный нота.

Он убрал палец и вздрогнул.

– Кормись, – прошептал он, отпуская меня.

Оковы, которых я не видела и не чувствовала, исчезли. Я могла двигаться. Он опять поднял запястье, и я припала к нему. Мой рот снова прильнул к ранке. Кровь текла не так свободно, как раньше, но я все равно пила, втягивая ее в себя.

– Осторожно, – предупредил другой... вольвен. – Ты отдал слишком много крови, а получил совсем недостаточно.

– Я в порядке. Тебе лучше уйти.

– Еще чего, – прорычал вольвен. – Она может тебе навредить.

Тот, который кормил меня, издал грубый смешок.

– Разве тебе сейчас не следует больше беспокоиться о ее благополучии?

– Я беспокоюсь о вас обоих.

Мужчина вздохнул.

– Это может... вызвать напряжение.

Последовало молчание.

– Уже вызвало.

Что-то в том, что сказал вольвен, и в резкости, с какой говорил кормивший меня, должно было меня встревожить. И в самом деле чуть-чуть встревожило – не знаю почему. Но я опять потерялась в том, кто держал меня, в его вкусе и в его эссенции. Я почти не заметила, как он сдвинулся с места, сел и, усадив меня к себе на колени, прижал к груди, при этом не убирая руки от моего рта. Его кровь – все, что имело значение. Это было пробуждение. Дар заискрился в моих венах, заполнил пустоту и добрался до мрака в моей голове. Толстая пленка черноты треснула, и кусочки меня начали вставать на место.

Его пальцы потеряли мою щеку, поймали прядь волос и перекинули мне через плечо. Я напряглась, но он не отнимал руку, и я расслабилась. Он опять прикоснулся ко мне, успокаивающе поглаживая мои волосы. Мне это понравилось. Прикосновения... нечто особенное. Когда-то мне их запрещали, но он... с самого начала нарушил это правило.

– Поппи, – прошептал он.

Поппи. Это я.

– Мне жаль, – произнес он надтреснутым голосом. – Жаль, что ты проснулась в таком состоянии, а меня рядом не было. Кажется, я... должно быть, отрубился. Мне так жаль. Я знаю, что такое жажда крови. Можно потерять в ней себя. Но ты снова найдешь себя. Я в этом ни секунды не сомневаюсь. Ты такая сильная.

Его пальцы продолжали гладить меня по голове, и я немного ослабила хватку на его руке. Вкус его крови – это что-то, с каждым глотком пустота во мне уменьшалась, а тени в голове растрескивались сильнее.

– Боги, надеюсь, ты понимаешь, насколько ты сильная. Не перестаю тобой восхищаться. Я восхищаюсь тобой, начиная с той ночи в «Красной жемчужине».

Мое дыхание выравнивалось. Бешено колотящееся сердце и пульс начали замедляться, а перед глазами возникли цвета – голубое безоблачное небо и теплый солнечный свет. Черная вода, мерцающая как обсидиан, и теплый песок под босыми ногами. Ладони соединились, и он прошептал: «Совсем пустяковое». Это его образы, его мысли. Он продолжал негромко говорить:

– Ты смелая, такая смелая. Я понял это в «Красной жемчужине». Будучи Девой, с таким воспитанием, какое тебе дали, ты все равно хотела пожить в свое удовольствие, и это сказало мне, что ты смелая. А та ночь, когда ты пришла на Вал в той... проклятой ночной рубашке? – Он усмехнулся. – Ты не пряталась. Ни тогда, ни когда выходила облегчить участь проклятых Жаждущими. Ты сама выбирала, как поступать, дольше, чем сознавала, Поппи, дольше, чем отдавала себе отчет. Ты всегда так поступала, когда это было важнее всего, и знала о последствиях. Потому что ты смелая. Ты никогда не была Девой. Не была по-настоящему беспомощной. Ты была умной, сильной и смелой.

Он тяжело вздохнул.

– Не думаю, что я говорил тебе это. У меня еще не было такой возможности. Помнишь, как ты попросила поцеловать тебя под ивой? В глубине души я знал, что дам тебе все, что ты попросишь. И по-прежнему дам. Все, что ты хочешь, – взволнованно пообещал он, запустив пальцы в мои волосы. – У тебя это будет. Что угодно. Всё. У тебя будет все. Я об этом позабочусь.

Во мне загудело тепло, сглаживая покалывание на коже. Я проглотила его насыщенную кровь и наконец сделала первый настоящий вдох. Теперь воздух не обжигал и не вызывал ощущение пустоты. Дыхание сделало нечто совершенно иное. Кровь...

Его кровь...

Она была как жидкий огонь, пробуждающий все желания, одному из которых я безрассудно уступила. Я наклонилась вперед, прижавшись грудями к его голой груди. От соприкосновения я ощутила голод совершенно иного рода, но такой же сильный. Я поерзала на его коленях. Мы оба застонали. Инстинкт взял верх, мое тело знало, чего я хочу, – что мне нужно. Продолжая пить, я покачнулась на его бедрах, и глубоко в низу живота возникло мощное ощущение.

Его кровь... боги. Кожу начало покалывать иначе, она стала чувствительной. Мои соски заныли – они терлись о редкие волоски на его груди. Я захныкала, прижимаясь к твердости, которая чувствовалась через его тонкие штаны. Я хотела... нет, я нуждалась в нем.

– Все, что ты хочешь. – Его слова прозвучали как клятва. – Я дам тебе все.

Его. Я хочу его.

Не убирая его запястье ото рта, я уперлась ладонью ему в грудь и сильно толкнула. Он упал на спину, а я пристроила бедра и начала тереться о него. С поразительной силой он приподнялся вместе со мной, чтобы одной рукой стянуть штаны. От ощущения его горячей твердости под собой я застонала.

– Проклятье, – выдохнул он, и его большое тело затряслось.

Он опять пошевелился, поднял меня одним текучим движением и направил мои бедра, опуская меня на себя и проникая глубоко в меня. Его запястье заглушило мой удивленный вскрик, а его бедра приподнялись. Поджав пальцы ног, я опустилась, подстраиваясь под его ритм, и обвилась вокруг его руки, с жадностью глотая.

– Она берет слишком много, – сказал другой. Его голос прозвучал ближе. – Ты должен ее остановить.

Даже одурманенным вождением разумом, в то время как напряжение во мне нарастало, я понимала, что тот, кто двигается подо мной и во мне, не остановит меня. Он позволит мне взять все. Позволит осушить себя полностью. Он сделает это, потому что...

– Ради всего святого, – прорычал вольвен.

Через мгновение я почувствовала его руку на своей талии, а его пальцы вжались под моим подбородком. Он оттянул назад мою голову, но я не стала с ним бороться, потому что кровь этого мужчины была для меня всем.

Тот, что лежал подо мной, сел, обвивая мои бедра под рукой второго. По мне промчался вихрь покаяния. Он потянулся поверх руки вольвена и, схватив в кулак мои волосы, прижался лбом к моему лбу. Его великолепное тело двигалось подо мной в яростном ритме. Я вся напряглась, а затем по моим венам прошла молния. Мои мышцы судорожно сжались. Мой вскрик смешался с его грубым возгласом. Его бедра неистово закачались, и он последовал за мной в исступленное, бездумное блаженство, сокрушившее мое тело. Напряжение медленно покидало меня, мышцы превращались в жидкость. Не знаю, сколько прошло времени, но наконец ладонь под моим подбородком исчезла, освободив меня. Я упала щекой на теплое плечо и сидела, закрыв глаза и часто дыша. Он крепко прижимал меня к груди, все еще вцепившись другой рукой в мои волосы на затылке. Он кивнул, и вольвен ушел. Об этом свидетельствовал щелчок двери, но я осталась сидеть, удовлетворенная и расслабленная. Жар, бурлящий в моей крови, остыл. Его кровь...

Кровь Хоука.

Кровь Кастила.

Пустота в моей голове мгновенно раскололась. Меня затопили мысли и воспоминания. Они добрались до каждой моей клеточки, неся осознание. Сначала меня охватил шок – неверие и боль от того, что сделал Аластир в Покоях Никтоса и что случилось потом.

Я ему доверяла.

Я... хотела, чтобы люди в храме приняли меня, а они называли меня Пожирательницей душ. Они называли меня шлюхой. Они... называли меня Девой, а я не была ничем из этого. Гнев вытеснил ужас. Ярость охватила меня до кончиков ногтей. Злость загудела в самой моей сердцевине, столкнувшись с нарастающим во мне бешенством. Они заплатят за то, что сделали со мной. Каждый из них узнает, кто я. Меня больше никогда вот так не ударят. Им не удастся...

Но разве им уже не удалось?

Я чувствовала болт, пронзивший мою плоть, разорвавший жизненно важные органы. Я попробовала смерть на вкус. Ощутила ее – вдох, который не могла сделать; сердце, которое больше не билось; слова, которые не могла произнести. Я умирала, но там была и другая боль, яростная боль, которая прорвалась в меня.

«Пей. Продолжай пить. Вот так. Глотай. Пей, Поппи, пей ради меня...»

Вкус цитруса и снега по-прежнему держался в моем горле, на моих губах. Все еще согревал и заполнял грызущую, болезненную пустоту внутри меня. Я содрогнулась, и рука на моем затылке замерла. О боги, им удалось. Он... вознес меня.

О чем он думал? «Я не потеряю тебя. Никогда. Я люблю тебя, принцесса». Он не думал. Он просто... чувствовал.

Вдруг словно отперли сундук и сняли крышку. В меня хлынули эмоции – накопившиеся за почти девятнадцать лет, выходящие за пределы того, что произошло в храме, – воспоминания и убеждения, опыт и чувства. Пришли и кошмары с их гнетущим отчаянием и безнадеежностью. Но с ними и мечты, полные чудес и возможностей. Мечты, переполненные желанием и любовью.

Я выпрямилась так резко, что потеряла равновесие. На мою талию упала рука, не давая мне упасть. Сквозь спутанные волосы я увидела его, в самом деле увидела.

Взлохмаченные темные волосы, упавшие на лоб. Напряжение в уголках рта и тени под глазами, но сами глаза загорелись, как топазы, встретив мой взгляд. Ни один из нас не шевелился и не говорил, мы только смотрели друг на друга. Я понятия не имела, о чем он думает, и с трудом понимала собственные мысли. Так много всего произошло, я столько всего не знала. А именно – как здесь оказалась после того, как вознеслась. После того, как он сделал невозможное, чтобы спасти меня. Я вспомнила панику в голосе его отца, когда он умолял не делать этого, не повторять историю. Но он рискнул – боги, он рискнул всем. И я жива благодаря ему. Я здесь благодаря ему. Но ничего из этого не имело смысла.

Вознесшиеся после обращения неконтролируемы и опасны для смертных, не говоря уже о первичных атлантианцах. У них уходят годы, чтобы научиться контролировать жажду, но, что еще невероятнее, я по-прежнему чувствовала эти пьянящие, будоражащие и пугающие эмоции. Я чувствовала любовь, а Вознесшиеся вряд ли способны на такое чудо. Я не понимала. Может, это сон? Возможно, я умерла и попала в Долину, где меня ждет вечный рай. Если так и было, то не уверена, хочу ли это знать.

Я подняла дрожащую руку и прижала пальцы к теплой коже его щеки.

– Кастил.

Глава 9

Кастил вздрогнул и прошептал:

– Поппи.

– Это все реальное? – спросила я.

В его глазах заплескались золотые крапинки.

– Нет ничего более реального, чем то, что происходит сейчас.

Не знаю, кто двинулся первым. Я. Он. Мы оба одновременно? Неважно. Наши губы встретились, и в этом столкновении не было ничего нежного. Он схватил, сжав в кулаке мои волосы. Я вцепилась в него, впившись ногтями в его плечи. Это был разрушающий поцелуй, требовательный и необузданный. Мы предъявляли права друг на друга. Наши губы соединились. Руки неистово сплелись. Поцелуй и то, как мы держали друг друга, превратились в нечто совершенно иное. Его руки скользнули к моим бедрам, и он притянул меня к себе, где я опять почувствовала его твердость.

– Ты нужна мне, – простонал он в мои губы. – Ты нужна мне, Поппи.

– Я твоя, – повторила я слова, которые однажды говорила ему. Теперь они казались нерушимой клятвой. – Навсегда.

– Навсегда, – повторил он.

Подняв меня со своих колен, он встал, развернулся и уложил на довольно узкую, как оказалось, кровать. Я заметила темные стены и солнечный свет, просачивающийся в щели на двери, но видела только его.

Кастила.

Моего мужа.

Мою сердечную пару.

Моего спасителя.

Боги, он... он спас меня, считая, что совершает запретное действие Вознесения. Принял этот риск, понимая, что я стану вампиром. Его отец не смог его остановить. И боги тоже. Никто, потому что он меня не отпустил бы. Он не хотел меня потерять.

Потому что любит.

Он взобрался на меня. Взгляд его был диким и собственническим. Все мышцы в моем теле напряглись. Он провел рукой вверх по моему бедру, и я подогнула ногу. Огрубевшая кожа его ладони создавала восхитительное трение. Я не могла оторваться от его ярких горящих глаз. Я была полностью заморожена ими. Он обхватил меня за талию и перевернул на живот. Я удивилась и начала подниматься, но жар его тела, прижавшегося к моей спине, придавил меня к шершавому одеялу. Кастил осыпал поцелуями мою спину, бедра, а потом и зад, отчего по мне пробежала дрожь.

– Если ты когда-нибудь попросишь поцеловать тебя в зад, – произнес он, – помни, я это уже сделал.

С моих губ сорвался удивленный гортанный смешок.

– Вряд ли я это забуду.

– Хорошо.

Он поднял меня на колени и своим бедром раздвинул мои ноги. Я вцепилась в колючую ткань, и по мне прокатилась дрожь предвкушения.

– Я долго не продержусь, – предупредил он. – И ты тоже.

Я не могла думать, не могла дышать, когда он одной рукой обвивал мою талию, а другую положил мне на бок. Он не шевелился. Мой пульс участился.

– Кас...

Его имя оборвалось коротким вскриком, когда он вошел в меня.

Он притянул меня к себе, погружаясь снова и снова в яростном ритме. Прижал мою спину к своей груди, а его бедра терлись о мой зад. Он обхватил мое горло у основания и прижался губами к влажному виску.

– Я люблю тебя.

Я взорвалась, раскололась на тысячи крохотных осколков. Освобождение сокрушило меня с такой силой, что из его груди вырвался рык. Он обхватил меня крепче. Еще один более глубокий толчок, и он завершил, выкрикивая мое имя. Тяжело дыша, мокрый от пота, он уложил меня на кровать и лег сам. Одежда царапала кожу, но я была довольна, расслаблена и наслаждалась моментом. Не знаю, как долго мы лежали так: я на животе, а Кастил наполовину на мне, но ощущение его веса захватило меня, как и бешеный стук сердца, прижатого к моей спине.

Позже я опять очутилась в его объятиях, прильнув к нему. Мы сидели в изголовье узкой кровати. Я не помнила, как мы оказались в таком положении, но он обнимал меня, поглаживая дрожащей рукой мою голову и волосы. Мы долго сидели так – наверное, минули часы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кастил. Его голос дрогнул. – Что-нибудь болит?

Я слегка покачала головой.

– Нет.

Чувствовалась ноющая боль в некоторых местах, но это ничего не значило.

– Я... Я не понимаю. Я умираю.

Подняв голову, посмотрела на свою грудь, убирая в сторону спутанные пряди волос. Между грудями я увидела блестящий розовый шрам в виде неровного круга. Здесь меня пронзил болт.

– И ты... ты забирал мою кровь, пока мое сердце не остановилось, а потом дал свою.

– Да.

Он приложил пальцы к ране, и по мне пробежала знакомая волна.

– Я не мог тебя отпустить. И не отпустил бы.

Я попыталась поймать его взгляд, но он, нахмурившись, смотрел на рану.

– Но я не испытываю жажды крови. То есть, испытывала. Я была так голодна. Никогда раньше не чувствовала такого голода.

Я тяжело слотнула, желая забыть, каково это. Желая забыть, что Кастил испытывал такое снова и снова на протяжении десятилетий. Как ему удалось найти себя? Я восхищалась им, и любила его.

«Я люблю тебя». Эти слова снова и снова крутились в моей голове – слова, вытатуированные на моей коже и вырезанные в моих костях. То, что я к нему чувствую, гораздо мощнее слов, но слова важны. Кому как не мне знать силу слов, возможности говорить честно, открыто и без колебаний. Кому как не мне знать, как важно не молчать теперь, после того, как я лежала среди тех развалин, кровь вытекала из моего тела, и я думала, что у меня не будет шанса сказать ему эти слова.

Я поймала его взгляд.

– Я люблю тебя.

Рука Кастила задержалась на моей спине.

– Что? – прошептал он.

Его глаза слегка расширились. Я видела его удивление и чувствовала это как порыв холодного ветра на коже. Почему у него такой изумленный вид? Он ведь должен знать.

Но Кастил не умел читать эмоции, в отличие от меня. Я говорила ему, какие чувства он во мне вызывает, и показала их, когда держала кинжал у горла в битве у Предела Спессы – готовая покончить с собой, если это спасет его. Но этих слов я никогда ему не говорила.

И мне нужно было их сказать. Отчаянно нужно.

Я прижала руку к его щеке и сделала неглубокий вдох.

– Кастил, я люблю тебя, – произнесла я. Его грудь замерла, а затем резко поднялась. – Я люблю...

Кастил поцеловал меня. Его губы двигались по моим так нежно, так ласково. Поцелуй был сладким и медленным, словно наши губы соединились впервые, словно он изучал очертания и ощущения моего рта. Он вздрогнул, и мне на глаза навернулись слезы.

Чуть отодвинувшись, он прижался лбом к моему лбу.

– Я не... – Он прочистил горло, пока я проводила пальцами по его челюсти. – То есть я... думал, что любишь. Я верил в это – или, может, мне нужно было верить. Но я на самом деле не знал.

Его голос дрожал. Он вытер сбежавшую у меня слезинку. Через мгновение его грудь поднялась в резком вдохе. Все маски Кастила треснули и спали, как и тогда в руинах, когда он запрокинул голову и закричал.

– Я знал, что ты ко мне равнодушна. Но любовь? Я не знал, можешь ли ты после... всего. Я бы не стал тебя винить, если бы ты не смогла чувствовать этого ко мне. Не после того...

– То, что сделано в прошлом, не имеет значения. Я понимаю, почему ты все это делал. Я это преодолела. – Мои пальцы погрузились в его мягкие волосы на затылке. – Я люблю тебя. Я... – Я сглотнула. – Ради тебя я пойду на все, Кас. Как и ты ради меня. На всё...

Он опять завладел моим ртом, и на этот раз... о боги, поцелуй стал глубже. Я растворилась в нем. Его язык поглаживал мои губы, раздвигая их. По моему телу пробежал трепет, и мы слились в поцелуе, пока оба не начали задыхаться.

– Кас, – повторил он. – Ты понятия не имеешь, как долго я ждал, чтобы ты меня так назвала.

– Почему? – Я даже не осознала, что произнесла его уменьшительное имя.

– Не знаю. Так меня называют только те, кому я больше всех доверяю. – Он негромко рассмеялся, а потом отодвинулся и осторожно обхватил ладонями мое лицо. – Ты ведь знаешь, правда? – Он заглянул мне в глаза. – Что ты значишь для меня? Что я чувствую к тебе?

– Да.

Он вытер большим пальцем слезинку с моей щеки.

– Я никогда не предполагал, что могу чувствовать такое. Что могу чувствовать это к кому-то. Но я... люблю тебя.

Я задрожала. В моей груди теснились любовь, надежда, предвкушение и сотни необузданных эмоций, и это было так странно после всего, что произошло. И тем не менее это казалось такими правильным.

– Кажется, я сейчас расплачусь.

Он наклонил голову и стер поцелуем еще одну слезинку. Мне удалось удержать себя в руках, а он поцеловал мой висок, лоб, переносицу. С закрытыми глазами он покрыл крошечными поцелуями золотой брачный отпечаток на моей руке. Несколько мгновений я молча наблюдала за ним, потерявшись в его ласках.

Он коснулся кольца на моем указательном пальце.

– Я... не хотел, чтобы твое первое впечатление от Атлантии, твоего дома, было ужасным. Хотел, чтобы ты увидела красоту нашего дома, нашего народа. Я знал, что легко не будет. – Он с усилием сглотнул. – Аластор был прав, когда сказал, что некоторые из наших людей суеверны и с опаской относятся к приезжим. Но я надеялся, что ты получишь теплый прием. И еще – что почувствуешь себя в безопасности. Мне ненавистно, как все вышло, и жаль. Мне так жаль.

– Это не твоя вина. Ты сделал все, чтобы обеспечить мою безопасность.

– Разве? – возразил он. – Я знал, что существует возможность неприятия. Знал, что найдутся люди, жаждущие возмездия. Я переоценил их желание жить. Не следовало отпускать тебя гулять. Я должен был быть там. Я не смог тебя защитить...

– Прекрати.

Подавшись вперед, я коснулась его щеки.

– Это не твоя вина, – повторила я. – Пожалуйста, не думай так. Я...

Я резко вдохнула. Делиться чувствами мне никогда не было легко, даже после того, как я сказала те невероятно мощные слова. Да и как иначе, если меня учили никогда этого не делать? Но мне требовалось продолжать. Я должна была, потому что чувствовала кислый вкус вины.

– Мне невыносимо, когда ты считаешь, что виноват. Не хочу, чтобы это тебя снедало. Ты меня не подвел. Не знаю, где бы я была сейчас, если бы не ты. Сомневаюсь, была бы я жива.

Он ничего не сказал, только закрыл глаза и повернул голову так, что его щека прижалась к моей ладони.

Я провела большим пальцем по его нижней губе.

– Но знаю, что я бы... меня было бы меньше. Я бы не чувствовала себя такой – цельной. И это благодаря тебе. – Я глубоко вдохнула. – Когда впервые увидела Столпы и стояла в Покоях, я чувствовала себя дома. Было ощущение, что все правильно, – как то, что я чувствую к тебе. Быть здесь кажется правильным. Может, это как-то связано с моим происхождением. Я... не знаю, что Атлантия значит для меня сейчас и чем станет, но это неважно.

Я поняла в этот момент, насколько это утверждение верно, и благодаря этому внезапному осознанию с меня спал тяжелый груз. Принятие меня атлантианцами и родителями Кастила, конечно, имело значение, но наши отношения были гораздо важнее. Вот о чем я думала, когда закрывала глаза ночью и открывала утром.

– Ты – фундамент, который помогает мне стоять. Ты мои стены и моя крыша. Мое убежище. Ты мой дом.

Его ресницы взметнулись вверх. Янтарь яростно бурлил в глазах.

– А ты – мой, Поппи.

– Тогда, пожалуйста, не вини себя. Пожалуйста. Иначе я... не знаю, что сделаю, но уверена, тебе это не понравится.

– Пырнешь кинжалом?

Я уставилась на него.

– Потому что это мне, наверное, понравится.

Я вздохнула.

– Кас.

На его губах появилась легкая улыбка.

– Я постараюсь не винить себя. Хорошо? Эта вина не из тех, что быстро проходят, но я постараюсь. Ради тебя.

– Ради нас, – поправила я.

– Ради нас.

Я медленно выдохнула и кивнула, хотя мне хотелось, чтобы его вина прошла немедленно.

– Я знала, что снова увижу тебя, хотя меня держали в плену. – Я провела рукой по его шелковистой коже. – Знала, что либо освобожусь сама, либо ты меня найдешь. И ты нашел.

– Как я мог не найти? Всегда найду. Несмотря ни на что.

Мое сердце сжалось. Я обхватила его щеку.

– А когда меня ударил болт, и я лежала там? Думала, что больше никогда не почувствую твои объятия. Никогда не почувствую твой поцелуй и не увижу эти дурацкие ямочки на щеках.

Он усмехнулся.

– Ты любишь мои ямочки.

Я коснулась одной большим пальцем.

– Да. – Наклонив голову, я прижала губы к тому месту, где только что был мой палец. – Когда проснулась, чувствовала себя... голодной. Никогда раньше не испытывала ничего подобного. Такое желание. Это было ужасно, и я... – Я на мгновение закрыла глаза. – Ты знаешь,

каково это. Тебя раз за разом доводили до этого состояния, когда ты был в плену у Вознесшихся. Не знаю, как ты с этим справлялся.

Я поймала его взгляд.

– Ты говорил, что я сильная, но ты... самый сильный из всех, кого я знаю.

– Не могу думать, что тебе пришлось узнать, каково это. Знал, что так будет, особенно если ты вознесешься. Мне следовало...

– Ты был здесь. Ты бы не позволил мне кормиться дальше.

Он продолжал смотреть на меня.

– Я отдал бы тебе свою кровь до последней капли, если бы это понадобилось.

У меня перехватило дыхание.

– Так нельзя. Тебе не стоило позволять мне пить так долго. Тебе самому нужна была кровь, разве нет?

Я вспомнила разговор.

– Ты... кормился от Нейлла.

– Да, и я в порядке. Моя кровь быстро восстанавливается.

Я не знала, верю ли ему. Он глубоко вздохнул, взял мою руку и запечатлел поцелуй в центре ладони.

– Ты еще голодна?

– Нет. Сейчас этого не чувствую. Я чувствую только тебя.

– Мою кровь...

– Нет. Не это.

Я чувствовала в себе его кровь, темную и насыщенную, но она остывала. Она больше не вела меня... нас обоих в пучину безрассудства.

О боги.

Я вдруг вспомнила, что здесь был Киеран. Он был в комнате, когда мы... когда Кастил и я соединились в первый раз. Он остановил меня, чтобы я не взяла слишком много крови. Растерявшись, оглянулась через плечо, почти ожидая, что вольвен стоит там.

– Киеран ушел, – сказал Кастил, поворачивая мое лицо обратно к себе. – Он оставался, потому что беспокоился.

– Я... знаю.

Я вспомнила: «Я беспокоюсь о вас обоих». Ожидала, что меня затопит стыд, и в самом деле смутилась, но не могла ничего поделать с тем, чему Киеран стал свидетелем.

– Я... пыталась съесть Киерана.

– Он не будет на тебя в обиде.

– Я была голой, когда пыталась съесть Киерана.

– Наверное, именно поэтому он не будет на тебя в обиде.

– Это не смешно. – Я возмущенно уставилась на него.

– Разве?

Он приподнял уголок губ, и на щеке появилась ямочка.

Эта дурацкая ямочка.

– Не понимаю, как перешла от желания съесть Киерана, к желанию съесть тебя, а теперь вот к этому? Я хочу сказать, что чувствую эмоции. Чувствую себя нормально. Ведь недавно обращенные вампиры не должны так чувствовать, правда? Или это потому что я кормилась от тебя?

У меня тяжело забилося сердце.

– Моя кожа кажется тебе холодной? У меня появились клыки?

Я смутно вспомнила, как кто-то из них сказал, что клыков у меня нет, но я все равно потянулась ко рту проверить.

Кастил схватил мою руку и убрал от лица.

– Поппи, у тебя нет клыков. И твои глаза... Они по-прежнему цвета атлантианской весны. Новообращенные вампиры не могут насытиться, как бы много они ни кормились. Я знаю. Видел их в первые часы и дни после обращения.

Мне было противно, что он все это испытал.

– Если бы ты была вампиром, ты бы сейчас тянулась к моему горлу. Я бы не чувствовал тебя мягкой и теплой в своих объятиях и вокруг моего члена.

Я залилась горячей краской.

– Ты не вознеслась.

– Но это не...

Перевела взгляд с кровати на дверь. Солнечный свет. Вознесшиеся могут без повреждений переносить непрямой солнечный свет. Но что насчет прямого?

Это другое дело.

Прежде, чем поняла, что делаю, я спрыгнула с колен Кастила. Наверное, застигла его врасплох, потому что хотя он и потянулся за мной, я ускользнула от его рук. А может, я просто двигалась слишком быстро. Не знаю.

– Поппи! – закричал Кастил, когда я ринулась к двери. – Не смей...

Я схватила ручку и рывком распахнула дверь. В комнату ворвался холодный воздух, а я вышла на небольшое крыльцо. Солнечные лучи заливали холодным светом потрескавшийся каменный пол. Я вытянула руку. В ушах загревели проклятия Кастила. Свет упал на мои пальцы, а затем на ладонь.

Кастил обхватил меня за талию и притянул к груди.

– Проклятье, Поппи!

Я уставилась на свою руку, на кожу, подождала, не произойдет ли что-нибудь страшное.

– Ничего не случилось.

– Хвала богам, – прорычал он, сжимая меня крепче. – Со мной мог случиться сердечный приступ.

Я сдвинула брови.

– У атлантианцев бывают сердечные приступы?

– Нет.

– Тогда ты в порядке, – ответила я и прикусила губу, почувствовав влагу между бедер.

Он прижался лбом к моей голове.

– Это под вопросом. У меня чуть сердце из груди не вырвалось.

Послышался грубый пыхтящий звук, и я перевела взгляд на тесный ряд полумертвых деревьев. Звук напоминал смех. На миг я отвлеклась и, прищурившись, присмотрелась к голым, как руки скелета, ветвям, которые низко склонились, подметая землю. Среди деревьев сидел снежно-белый вольвен.

Делано.

Он наострил уши и склонил голову набок.

Примерно в тот же момент до меня дошло, что на мне нет ни клочка одежды.

– О боги. – Румянец затопил мое тело. – Я же голая.

– Очень, – пробормотал Кастил, поворачиваясь так, чтобы заслонить меня. Взявшись за дверную ручку, он сказал Делано: – Прошу прощения.

Вольвен издал отрывистый смешок, а Кастил закрыл дверь и немедленно развернул меня к себе лицом.

– Не могу поверить, что ты это сделала.

– А я не могу поверить, что еще один случайный вольвен увидел меня голой, – буркнула я, а Кастил уставился на меня так, словно я неправильно расставляю приоритеты. Может, так оно и было. Я сменила тему. – Но ты же сказал, что я не вознеслась...

– Это не значит, будто я знаю, что произошло. Понятия не имел, что будет, если ты выйдешь на солнце.

Он схватил меня за плечи, и мое рассеянное чутье соединилось с его эмоциями. Я ощутила тяжелое беспокойство и одновременно свежесть облегчения. А под ними – пряный, дымный вкус, пронизанный сладостью.

– Могло ничего не случиться. А могло быть и так, что твоя кожа начала бы разлагаться, и я снова потерял бы тебя. – Его грудь резко поднялась, а золотые крапинки в глазах ярко загорелись. – Ведь я терял тебя, Поппи. Чувствовал, как твое сердце остановилось. Отпечаток на моей ладони начал исчезать. Терял тебя, а ты для меня – всё.

Я вздрогнула.

– Прости.

– Не извиняйся. Ни в чем, что произошло, нет твоей вины, Поппи. Просто... не могу пережить это снова.

– Не хочу, чтобы ты это переживал. – Я шагнула к нему ближе, и он обвил меня руками. – И я не собираюсь заставлять тебя чувствовать это снова.

– Знаю. – Он поцеловал меня в висок. – Давай просто посидим. Хорошо?

Он подвел меня к кровати.

Я села, а он подобрал свои штаны. Я прикусила губу, глядя, как он их надевает, оставив незастегнутыми. Он повернулся. Штаны сидели неприлично низко. В комнате было еще одно кресло – деревянное, и на нем лежала кучка одежды.

– Джаспер нашел одежду и сапоги, которые, как он решил, тебе подойдут. Здесь нижняя рубашка, пара штанов и свитер. Не знаю, где он все это раздобыл, и не уверен, что хочу знать.

Он принес мне нижнюю рубашку и темно-коричневый свитер.

– Но они чистые.

– Где мы? – спросила я. Кастил жестом показал мне поднять руки, и я подчинилась. – Мы были... в Айрелоне, верно? Ведь туда меня отвезли?

В приглушенном свете я увидела, как на его скулах заходили желваки. Он надел мне через голову нижнюю рубашку. Ткань была мягкой и пахла свежим воздухом.

– Мы больше не в Айрелоне и не в Пустошах. Мы в предгорьях Скотос. Это старая охотничья хижина, в которой мы иногда останавливаемся по пути через Скотос. На самом деле мы недалеко от Предела Спессы, но мы не хотели...

Кастил не договорил. Я поднялась на колени и поправила рубашку. Я поняла, о чем он подумал. Они не хотели везти меня в Предел Спессы на случай, если я вознеслась и стала неуправляемой.

По-прежнему ошеломленная тем, что жива и не превратилась в вампира, я ничего не ответила, а Кастил натянул мне через голову толстый свитер. Он оказался немного колючим, но теплым. Я подняла воротник и понюхала. Свитер пах древесным дымом, и я почему-то подумала, что еще он пахнет... сиренью.

Я вспомнила.

Подняла голову. Кастил наблюдал за мной, вскинув бровь. Он наконец застегнул штаны. Я опустила свитер.

– Когда ты впервые давал мне кровь в Новом Пристанище, мне показалось... что я вижу твои воспоминания. Или чувствую твои эмоции. Тогда пахло сиренью, и я ощутила этот аромат сейчас. – Я подумала о цветах, что росли в пещере в Пределе Спессы. – И ты думал о нашей свадьбе, когда я... пила твою кровь в этот раз?

– Да.

– Но как я могла видеть твои воспоминания? Прежде и теперь? Это не то же самое, что читать эмоции.

– Такое бывает, когда кормятся два атлантианца. – Он опустил голову и коснулся губами моего лба. – Каждый из них может улавливать воспоминания. Думаю, как раз это и произошло.

Я подумала о том первом разе в Новом Пристанище. Он остановил меня, как только я добралась до его воспоминаний.

На этот раз он меня не остановил.

– А мои мысли ты мог читать? – спросила я.

– Я никогда не кормился от тебя настолько долго, – ответил он, и я ощутила странный трепет предвкушения. – Но сейчас хотел бы узнать, о чем думала ты.

– Я думала... – Я сделала глубокий вдох. Боги, я думала обо всем. Мои мысли перескакивали с одного события, с одного разговора на другой. – Знаешь, что я сделала в Покоях? После... как на тебя напали?

Он сел рядом.

– Я слышал.

Я опустила руки на колени. Руки выглядели нормальными.

– Тогда, в Покоях Никтоса, когда в тебя попала стрела и твое тело стало серым и холодным, я решила, что ты мертв. Не думала, что когда-нибудь снова буду в порядке. Я забыла про отпечаток, – призналась я, переворачивая руку. Вот он – мягко поблескивающий золотой завиток. – Я... не знаю. Я потерялась.

– Ты защищалась, – поправил он. – Вот что ты сделала.

Я кивнула, по-прежнему глядя на отпечаток, а мои мысли перенеслись из храма в склеп, к Аластиру, который с уверенностью говорил, что я стану такой же неуправляемо жестокой, как и древние.

Глава 10

– Знаю, что много всего случилось. – Кастил ласково взял прядь моих волос и убрал за ухо. – И знаю, что сейчас все так запутано, но не могла бы ты рассказать, что произошло? Кое-что я знаю. Мне удалось вытянуть немного информации из Аластира и других, но не с помощью сыворотки правды, и я не могу силой заставить их рассказать все. Мне пришлось формулировать конкретные вопросы, и меня больше всего интересовало, как тебя найти и кто еще в этом замешан. Так что хочу услышать твой рассказ. Думаю, это единственный способ попробовать разобраться в том, что произошло. Будем двигаться по одному шагу.

Я оторвала взгляд от своих рук и посмотрела на него.

– Я могу рассказать.

Он с улыбкой коснулся моей щеки.

– Ты не против, если я позову Киерана? Ему тоже нужно это услышать.

Я кивнула.

Кастил поцеловал меня там, где только что касался пальцами, и направился к двери, а я опустила взгляд на свои руки. Через несколько секунд в комнату вошел Киеран. Я взглянула на него и нерешительно потянулась чутьем, а он уставился на меня и подошел к кровати. Не знаю, что ожидала от него почуять, но ощутила только тяжесть озабоченности и свежесть весеннего воздуха – облегчение.

Киеран опустил передо мной на колени, а Кастил сел рядом на кровати.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Киеран.

– Хорошо и немного неловко, – призналась я. – У меня куча вопросов.

Уголки губ вольвена приподнялись.

– Я потрясен, – пробормотал он. В его светлых глазах блеснуло веселье.

– Прости, что я пыталась тебя съесть. – У меня вспыхнули щеки.

Киеран улыбнулся.

– Все хорошо.

– Я же говорил, что он не будет на тебя в обиде, – заметил Кастил.

– Это был не первый раз, когда меня пытался слопать голодный атлантианец, – сказал Киеран, и я вскинула брови. У меня появилось еще больше вопросов, но на меня нахлынули воспоминания.

Проснувшись, я была захвачена жадой и даже не осознала, что больше не выпачкана в крови. А ведь должна была. Из раны вытекло так много крови.

– Это ты вытер кровь?

– Я решил, что вы не должны лежать в крови. – Он пожал плечами, словно это было пустяком. – Я не хотел, чтобы вы это увидели, когда проснетесь.

Я смотрела на Киерана, и меня душили эмоции. Я не раздумывая бросилась вперед. Не знаю, почуял ли он, что хочу сделать, или просто боялся, что я опять попытаюсь разорвать ему горло, но он подхватил меня, не упав, хотя немного покачнувшись. Без малейшего колебания обнял меня и держал так же крепко, как и я его. Я почувствовала на поясице ладонь Кастила, под руками Киерана, и мы все трое некоторое время так и сидели.

– Спасибо, – прошептала я.

– Не стоит меня благодарить. – Он провел рукой по моему затылку и отклонился назад, чтобы заглянуть мне в глаза. – Это было наименьшее, что я мог сделать.

– Но это еще не все, – сказал Кастил, хлопнув по плечу вольвена. – Ты проследил за тем, чтобы мы безопасно добрались сюда, и продолжал присматривать. Ты сделал все, что было нам нужно, и даже больше. Я перед тобой в долгу.

Киеран убрал руку с моего затылка и сжал предплечье Кастила. Его бледные глаза встретились с янтарными глазами моего мужа.

– Я сделал все что мог, – повторил он.

При виде их вместе я опять ощутила подкативший ком эмоций. Вспомнила, как в Покоях Никтосу узнала, что узы разорваны. В груди заныло. Я выбралась из объятий Киерана и перевела взгляд с одного на другого.

– Узы в самом деле разорваны? – спросила я. – Между вами?

Кастил смотрел на Киерана.

– Да.

В груди заныло сильнее.

– И что это означает? На самом деле?

Киеран посмотрел на меня.

– Этот разговор может подождать...

– Этот разговор может состояться сейчас. – Я скрестила на груди руки. – Аластир и Янсен кое-что рассказали, пока я сидела в склепе.

Я внутренне сжалась, почувствовав на коже ожог от их гнева.

– Не знаю, сколько в этом правды. Ни один, ни другой так и не объяснили, как я оказалась потомком божества...

Я резко вдохнула, подумав, кого Аластир провозгласил моим предком. Знает ли об этом Кастил?

– Я не понимаю, как это может разрушить связи, которые существовали давным-давно. Я не божество.

– Сомневаюсь, что мы точно знаем, кто ты, – заметил Кастил.

– Я не божество, – возразила я.

– То, что ты выжила и не стала вампиром, означает, что ничего нельзя исключать, – добавил Киеран. А я так хотела это исключить. – Но в любом случае ты потомок богов. Единственная из ныне живущих. В тебе...

– Если я еще раз услышу, что во мне течет кровь бога, я закричу, – предупредила я.

– Хорошо.

Киеран почесал лицо, поднялся и сел по другую сторону от меня. На его подбородке была отросшая за несколько дней щетина.

– Благодаря крови, которая в тебе течет, кийу обрели человеческий облик. Не затем, чтобы служить первичной линии, а чтобы служить детям богов. Если божества не... – Он осекся, качая головой. – Когда боги даровали кийу человеческий облик, мы связались с ними и их детьми на инстинктивном уровне, и эти инстинкты передавались из поколения в поколение. И эти инстинктивные узы узнают тебя.

Я понимала, что он говорил, но это звучало для меня полной бессмыслицей.

– Это просто... Я Поппи, с кровью богов или нет...

– Ты не просто Поппи, и это не имеет никакого отношения к тому, что ты не стала вампиром. – Кастил положил руку мне на плечо. – И я говорю серьезно, принцесса. Не могу с уверенностью сказать, что ты не являешься божеством. Я видел, что ты делала. Видел и слышал, что ты натворила. Ты не похожа ни на кого из нас, и мне до сих пор не верится, что я не смог сопоставить факты, когда впервые увидел, как ты светишься.

– А ты как мог не понять? – Я взглянула на Киерана. – Если моя кровь в самом деле такая мощная, то почему ни один вольвен не понял, кто я?

– Думаю, мы поняли, Поппи, – ответил Киеран. – Но, как и Кастил, мы не сопоставили то, что видим и чувствуем в твоём присутствии.

Я вдруг кое-что поняла.

– Так вот почему ты сказал, что я пахну как что-то мертвое...

– Я сказал, что ты пахнешь смертью, – поправил Киеран со вздохом. – А не как что-то мертвое. Смерть – это сила, очень древняя.

– Смерть – это сила? – повторила я, поначалу не уверенная, что в этом есть смысл. Но затем до меня дошло. – Смерть и жизнь – две стороны одной монеты. Никтос...

– Он бог жизни и смерти. – Киеран бросил взгляд на Кастила. – И это объясняет, почему ее кровь на вкус показалась тебе старой.

– Древней, – проговорил Кастил, и я нахмурилась. – У ее крови древний вкус.

Мне не хотелось, чтобы они продолжали обсуждать вкус моей крови.

– Делано показалось, что он услышал мой зов, когда я сидела взаперти в комнате в Новом Пристанище.

– Ради твоей же безопасности, – напомнил Кастил.

Я проигнорировала его замечание. Меня по-прежнему злило, что меня держали в той комнате.

– Меня тогда... обуревали эмоции. Именно так работает призыв? Вы реагируете на мои эмоции?

Киеран кивнул.

– Да, именно так. Это похоже на наши узы с атлантианцами. Сильные эмоции часто сигнализируют, что связанный с нами в беде. Мы можем чувствовать эти эмоции.

Я задумалась.

– А еще были статические разряды, если ко мне прикасался вольвен, – пробормотала я.

Признаки были очевидны, но, как сказала мать Кастила, с чего бы кому-то предполагать такое, если последнее божество давным-давно умерло? Похоже, это смутило даже Аластира – размах моей... силы. Но как получилось, что у меня нет других поразительных способностей, если я в самом деле потомок короля богов?

Что ж, убивать людей, обращая против них их же собственные эмоции – наверное, это считается поразительной способностью – пугающей, но почему я не могу превращаться во что-то вроде дракона?

Это было бы потрясающе.

– А я правда происхожу от Никтоса? Аластир так сказал, но, поскольку Никтос отец богов...

– Это образное выражение, – поправил Кастил. – На самом деле Никтос богам не отец. Он их король. Аластир сказал правду – по крайней мере, он верил, что говорит правду.

Лицо Кастила напряглось.

Я тяжело вздохнула.

– Почему мне вообще удалось сделать то, что я сделала в Покоях Никтоса? Что изменилось? Это из-за Отбора?

Я упомянула процесс, через который проходят атлантианцы, после чего они больше не стареют так, как смертные, органы их чувств обостряются и происходит множество физических изменений. Кастил предполагал, что Вознесшиеся именно поэтому до сих пор ждали, чтобы провести меня через Вознесение. Теперь моя кровь будет для них более полезной, с ее помощью можно создавать больше Вознесшихся.

Неужели Вознесшиеся знали, чья кровь во мне течет? И королева Илеана все это время знала? Я полагала, что Аластир общался с Вознесшимися. А будет ли моя кровь действовать теперь, когда я?..

Когда я чуть не умерла.

И, возможно, даже немного умерла. Я вспомнила, как плыла к серебристому свету, бес-телесная и не мыслящая. И знала, что если бы добралась туда, даже Кастил не смог бы до меня дотянуться.

– Думаю так, – сказал Кастил, и тепло его тела, находящегося рядом, отвлекло меня от размышлений. – Я думаю, что пребывание на атлантианской земле в сочетании с кровью, которую я тебе давал, усилило твою кровь.

– И то, что произошло в Покоях Никтоса, стало последней каплей? – Я прислонилась к нему. – Пробудило... эту штуку внутри меня?

– Это не штука, Поппи. – Кастил посмотрел на меня. – Это сила. Магия. Это итер пробудился в тебе и стал частью тебя.

– Не уверена, что мне от этого легче.

Он криво усмехнулся.

– Легче станет, если ты прекратишь думать о своем наследии как о штуке. Но, принимая во внимание все, что произошло, у тебя в самом деле не было времени, чтобы примириться с этим.

Сомневаюсь, что я смогла бы примириться, даже если бы у меня было время.

– Я не...

– Ты этого не хотела, – договорил за меня Киеран, и его льдистый взгляд встретился с моим.

– Я не хотела... – Я на мгновение закрыла глаза. – Не хотела становиться между вами, между любым вольвеном и связанным с ним атлантианцем.

Я не хотела быть монстром, которым, по мнению Аластира, стану.

– Поппи, – начал Кастил.

– Не говори мне, что разрыв связи с Киераном на тебя не повлиял, – перебила я. – В храме вы были готовы разорвать друг друга. Это неправильно. – Меня душили эмоции. – Мне это не нравится.

– Если бы ты знала нас, когда мы были моложе, наверное, решила бы, что мы друг друга ненавидим. – Кастил мягко сжал мое плечо. – У нас доходило до драки и по гораздо менее важным поводам, чем ты.

– И ты думаешь, мне от этого легче? Потому что если ты пытаешься меня успокоить, у тебя ничего не получится.

– Думаю, что нет. – Кастил коснулся моей щеки и наклонил мою голову назад, чтобы заглянуть в глаза. – Знаешь, очень странно сознавать, что уз нет. Не буду лгать. Но знать, что узы перешли на тебя, что не только Киеран, но и все вольвены будут тебя защищать, – это облегчение. Отчасти благодаря этому мы выследили тебя в склепе в горах Скотос и в Пустошах. Они чувствуют тебя. Иначе мы бы не добрались до тебя вовремя.

У меня внутри все перевернулось.

– Поэтому я не могу на это злиться. Не теперь, когда знаю, на что пойдет Киеран, чтобы обеспечить твою безопасность.

У меня задрожала нижняя губа.

– Но он же твой лучший друг. Он тебе как брат.

– И это по-прежнему так. Узы – странная вещь, Поппи. – Киеран положил руку поверх руки Кастила на мое плечо. Я вздрогнула. – Но моя верность Кастилу никогда не определялась узами, созданными, когда мы оба еще не умели ходить. И никогда не будет определяться ими. Тебе не стоит беспокоиться, когда речь идет о нас. И вряд ли стоит беспокоиться о других связанных вольвенах. Большинство из нас соединяет нерушимая дружба. Так что мы просто... нашли место для тебя.

Нашли место для меня.

– Мне... это нравится, – хрипло прошептала я.

Киеран хлопнул меня по плечу или, скорее, по руке Кастила. Может, и по плечу, и по руке.

– Как ты думаешь, можешь рассказать нам все, что помнишь? – чуть погодя спросил Кастил, и я кивнула, подтверждая, что могу. – Мне нужно точно знать, что произошло в храме. О чем ты и этот сукин сын Янсен могли говорить, когда он выдавал себя за Беккета. Как он действовал. Я хочу точно знать, что тебе сказали те люди. – Он поймал мой взгляд. – Знаю, это будет нелегко, но мне нужно знать все, что ты вспомнишь.

Я кивнула и рассказала все. Это оказалось легче, чем думала. От воспоминаний о случившемся ныло сердце, но я не позволяла этому ощущению разрастись или помешать говорить. Кастил бы не позволил. Я практически ничего от него не чувствовала, пока рассказывала. Теперь было не время для эмоций. Требовались только факты.

– Что это за пророчество, о котором он говорил? – спросила я, переводя взгляд с одного на другого. – Кто-нибудь из вас слышал об этом?

– Нет, – покачал головой Кастил. – Звучит как полная ерунда, особенно насчет богини Пенеллаф. Оскорбительно приписывать такую чепуху богине мудрости.

Я не могла с ним не согласиться.

– Но может, вы его не слышали?

– Нет. У нас нет пророчеств, – подтвердил Киеран. – Мы в них не верим. Это больше для смертных.

– В Солисе не очень верят пророчествам, но они существуют, – сказала я. – Я в них тоже не верю. Все это звучит слишком удобно и конкретно, но я многого не знаю или не верю.

– Ну, это как раз то, о чем тебе не следует волноваться, – заметил Кастил.

Я кивнула, и мои мысли перекинулись на другое.

– Когда с неба пошел кровавый дождь, они сказали, что это слезы богов. Они приняли это как знак, что поступают правильно.

– Они ошибались.

– Знаю, – ответила я.

– Ты знаешь, как смогла остановить их? – спросил Киеран. – Как использовала свои способности?

– Сложный вопрос. Я... не знаю, как объяснить иначе. Я будто знала, что делать. – Я сдвинула брови и прижала ладонь к середине груди. – Или это был инстинкт, о котором я даже не подозревала. Я просто знала, что делать.

– Итер, – негромко поправил Кастил.

– Итер, – повторила я. – Я... как будто видела это мысленно, и потом это происходило. Знаю, звучит невероятно...

– Вовсе нет. – Он встал передо мной. – Когда я применяю принуждение, это благодаря итеру. Я мысленно вижу, чего хочу от человека, когда говорю с ним.

– О. Так ты... вроде как проецируешь свои мысли?

Он кивнул.

– Похоже, ты делаешь то же самое. Именно так мы можем определить, имеем ли дело с первичным или с другой кровной линией – по количеству итера, который чувствуем.

– Есть записи, что боги тоже могли чувствовать итер, если его применяют, – сказал Киеран. – Для них это ощущалось как землетрясение.

Я обдумала все, что они сказали.

– Однако это странно. Когда я облегчаю кому-то боль, я вспоминаю что-нибудь радостное, хорошее. И потом... – Я вздохнула и закатила глаза. – Потом я проецирую эти ощущения на человека.

Кастил ухмыльнулся.

– Наверное, нет большой разницы.

Он покачал головой.

– Как ты думаешь, можешь это повторить?

У меня слегка сжалось сердце.

– Не знаю. Не знаю, захочу ли я...

– Ты должна. – Кастил стиснул челюсти, удерживая мой взгляд. – Если ты когда-нибудь попадешь в подобную ситуацию, любую ситуацию, когда не сможешь защищаться физически, делай так, не задумываясь. Прислушайся к этому инстинкту. Позволь ему вести тебя. Это не будет неправильно, Поппи. И сохранит тебе жизнь, а это все, что имеет значение.

– Я согласен со всем, что сейчас сказал Кастил, – добавил Киеран. – Но знаю, что ты можешь использовать эти способности. И знаешь как. Ты собиралась применить их тогда в руинах перед тем, как увидела Янсена, но остановилась. – Он поймал мой взгляд. – Ты остановилась и сказала, что ты не монстр.

Я ощутила со стороны Кастила неестественную неподвижность.

– Почему? – настойчиво спросил он. – Почему ты это сказала?

Киеран был прав. Я знала, как пользоваться итером. Нужно всего лишь представить то, что нужно. Это знание походило на древний инстинкт.

– Поппи, – произнес Кастил мягче. – Скажи мне. Скажи нам.

– Я... – Я не знала, как начать. Мысли по-прежнему разбегались. Я перевела взгляд с одного на другого. – Вы заходили в склеп?

– Да, – ответил Кастил. – Ненадолго.

– Тогда вы видели божеств в цепях, оставленных умирать? – Мне по-прежнему становилось дурно, когда я представляла их участь. – Меня держали с ними. Не знаю, как долго. Пару дней? Аластир и Янсен сказали, что божества стали опасными.

Я поведала всю историю, повторив то, что Аластир и Янсен рассказали о детях богов.

– Они говорили, что я тоже стану опасной. Что представляю угрозу Атлантии, и именно поэтому они... делают то, что делали. Божества на самом деле были такими неуправляемыми?

Киеран переглянулся с Кастилом и сказал:

– Божества исчезли еще до нашего рождения.

– Но? – настаивала я.

– Но я слышал, что они имели склонность действовать в гневе и проявлять жестокость. Они могли быть непредсказуемыми, – осторожно сообщил Кастил, и я напряглась. – Хотя они были таким не всегда. И не все. Но это не имеет никакого отношения к их крови. Это из-за возраста.

Я нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Кастил тяжело вздохнул.

– Ты считаешь продолжительность жизни атлантийцев невыносимой, но божества подобны богам. Они бессмертны. Они жили не по две-три тысячи лет, а вдвое и втрое дольше. – От этих слов мое сердце замерло. – Такая долгая жизнь кого угодно сделает апатичным и скупящимся, нетерпеливым и нетерпимым. Они... старели и становились холодными.

– Холодными? Как Вознесшиеся?

– Да, в каком-то роде. Вот почему боги впали в спячку. Это был единственный способ сохранить хоть немного сострадания и отзывчивости.

– Но даже если такое случится с тобой, – начал Киеран, привлекая мое внимание, – пройдут тысячи лет прежде, чем тебе придет время уснуть долгим и спокойным сном.

Я нахмурилась, но вдруг слова Киерана настигли меня со скоростью неуправляемого экипажа. У меня заколотилось сердце, и я посмотрела сначала на него, а потом на Кастила. По коже пробежало покалывание, и я с трудом выдавила:

– Я... теперь бессмертная?

Глава 11

Грудь Кастила поднялась в глубоком вдохе.

– Я знаю лишь то, что забрал остатки крови из твоего тела. И когда твое сердце остановилось, – он прочистил горло, – дал тебе свою. Это моя кровь вновь запустила твое сердце и поддерживает его биение, и это моя кровь питает твое тело. В тебе нет ни капли смертной крови.

Я приоткрыла рот, пытаясь осмыслить то, что он говорит – и что это означает.

– И это еще не все, – продолжал он, и по моему телу пробежала дрожь. – Ты... я не чувствую тебя смертной.

– И я тоже, – добавил Киеран. – Ты больше не пахнешь как смертная.

– А кем вы меня чувствуете? Как я пахну? – спросила я. У Киерана был такой вид, словно он не хочет отвечать на этот вопрос. – Я еще больше пахну смертью?

Он медленно заморгал.

– Зря я тогда это сказал.

– Так как? – требовала я.

Киеран вздохнул.

– Ты больше пахнешь силой. Абсолютной. Окончательной. Я никогда не чувствовал такого запаха.

– И я не чувствую тебя атлантианкой или Вознесшейся. – Кастил взял меня за подбородок и приподнял, чтобы заглянуть мне в глаза. – Прежде я никогда такого не чувствовал. Не знаю, значит ли это, что ты ощущаешься как божество. Мои родители могут знать. Может, даже Джаспер, но он был слишком юным, когда божества еще жили, так что насчет него я не уверен.

Не успела я потребовать, чтобы немедленно разыскали Джаспера, как он продолжил:

– И я даже не знаю, будет ли тебе и дальше требоваться кровь.

О боги.

– Я об этом даже не думала.

Мое заново запущенное сердце чуть было не отказало. Вампирам нужна кровь – смертных или атлантианцев – почти каждый день, а то время как атлантианцы могут не кормиться неделями. Насчет божеств и богов я не знала, даже не была уверена, нужна ли им кровь вообще. Об этом никто не упоминал, и я о таком даже не думала.

– А божествам и богам нужна кровь?

– Не думаю, – ответил Кастил. – Но божества строго охраняли все, что касалось их слабостей и потребностей. А боги – еще строже. Поэтому такое возможно.

Была готова поспорить, что его мать знает. Но даже если им требовалась кровь, это не имело значения. Я не богиня и не божество.

– Даже не знаю, могу ли думать об этом прямо сейчас. Не потому что это кажется мне отвратительным или чем-то...

– Знаю. Это просто другое, и тоже накладывается на все остальное. Но мы будем вместе разбираться. – Он убрал с моего лица прядь волос. – Итак, Поппи, я не знаю, бессмертная ты или нет. Нам придется решать этот вопрос день за днем.

Бессмертная.

Жить тысячи и тысячи лет? Я не могла это осмыслить. Не могла постичь это, когда была Девой и считала, что мне предстоит пройти через Вознесение. Тогда меня пугала мысль о том, чтобы жить сотни лет. Во многом потому, насколько холодны и недостижимы Вознесшиеся. Конечно, атлантианцы и вольвены не такие, но все равно мне столько всего требовалось осознать.

И если окажется, что я бессмертная, то Кастил – не бессмертный, хотя и может прожить в сотню раз больше, чем смертный, прежде чем начнет стареть. Но все же начнет. В конце концов он умрет. А если я... что-то другое, я не умру.

Я прервала неуместную панику – буду ужасаться в другой день, когда точно узнаю, что бессмертная.

Я кивнула, чувствуя, что во мне возобладала логика.

– Ладно. – Я сделала медленный и приятно глубокий вдох. – Будем решать день за днем.

Вдруг мне кое-что пришло в голову, и я перевела взгляд на Киерана.

– А вот сейчас ты обрадуешься. У меня есть вопрос.

– Я просто в восторге.

Только свет в его глазах сказал мне, как он рад тому, что я жива и способна задавать вопросы.

– Если вольвены были связаны с божествами, то почему они их не защищали во время войны? – спросила я.

– Многие защищали, и многие при этом погибли, – ответил Киеран, и мои плечи напряглись. – Однако не все божества погибли. Несколько остались после войны – те, кого власть не интересовала. Вольвены защищали их очень рьяно, но после войны был тяжелый период, когда между вольвенами и атлантианцами возникла напряженность. Согласно нашей истории, с этим разбирался предок твоего мужа.

– Что? – Я посмотрела на Кастила.

– Да. Это был Элиан Да'Нир. Он призвал бога, чтобы помочь уладить проблемы.

– И бог ответил?

– Это был сам Никтос вместе с Теоном и Лейлой, богом согласия и войны и богиней мира и возмездия.

Я понимала, что вытаращила глаза после этих слов.

– Они говорили с вольвенами. Понятия не имею, о чем, и даже не знаю, известно ли это ныне живущим вольвенам, но после этой встречи возникла первая связь между вольвеном и атлантианцем – и все уладилось.

– И первым связался твой предок?

Кастил с ухмылкой кивнул.

– Да, он.

– Ого. – Я заморгала. – Хотелось бы мне знать, о чем они говорили.

– Мне тоже. – Он поймал мой взгляд и, пристально глядя на меня, снова улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. – Поппи.

– Что?

Неужели я начала светиться? Я посмотрела на свою кожу – она выглядела нормальной.

– Ты не монстр, – сказал он, и приятный, глубокий вдох застрял в моем горле. – Не сегодня. Не завтра. И даже не через вечность, если дело в этом.

Я улыбнулась его словам, и на сердце потеплело. Знала, что он в это верит. Чувствовала его искренность, но также понимала, что Аластир не лгал, когда рассказывал о божествах. Он говорил правду – неважно, поведал ли он реальную историю или лишь ту, в которую верил. Тем не менее среди ныне живущих были и другие, кто видел божеств собственными глазами и кто мог знать, на самом ли деле божества стали слишком старыми и ожесточенными, или же причина их дурного характера кроется в чем-то другом.

Родители Кастила должны знать.

– Понимаю, что сменить эту тему будет трудно, – начал Киеран, и мне почему-то захотелось рассмеяться от сухости его тона.

– Нет, я хочу ее сменить, – сказала я, убирая назад волосы, опять упавшие на лицо. – Мне это необходимо, иначе моя голова взорвется.

На лице Киерана появилась кривая усмешка.

– Мы бы этого не хотели. Будет слишком грязно, а у нас закончились чистые полотенца. Я беспечно рассмеялась. Его светлые глаза потеплели.

– Янсен упоминал еще сообщников? – спросил он. – Кас принуждением заставил Аластора рассказать все, что ему известно, но либо он в самом деле не знает, кто еще причастен, либо его сообщники слишком умны и позаботились, чтобы остаться неизвестными.

– Словно предполагали, что к кому-то из них применят принуждение? – добавила я, и они кивнули. Разумно.

Поджав губы, я перебрала в памяти все разговоры с Янсенем и Аластиром.

– Нет. Они не назвали ни одного имени, но оба говорили так, словно они... состоят в какой-то организации. Не знаю. Кажется, Аластир упоминал братство, и я видела только мужчин, если не считать людей, которые встретили меня в Покоях. По крайней мере, насколько я могу судить. Не знаю, на самом ли деле они состоят в братстве или их вовлекли в это обманным путем. Но знаю, что Аластир, должно быть, сотрудничал с Вознесшимися. Он намекнул, будто они знали, на что я способна, и планировали использовать меня против Атлантии.

Я рассказывала, как, по мнению Аластора, поступили бы Вознесшиеся, а в памяти постоянно всплывала герцогиня.

– Он решил, что Вознесшиеся убьют меня, когда я на них нападу, но у него был и запасной план. Я не поняла этого, когда он сказал, что я больше никогда не буду свободна. Должно быть, он отдал приказ убить меня, если план с Вознесшимися провалится. Он сказал, что предпочтет войну среди своего народа, чем...

– Проклятый идиот! – прорычал Кастил, поднимаясь с кровати. – А я собирался в Покоях поверить Аластиру. Думал, что он не настолько глуп.

– Вряд ли кто-нибудь считал его способным на такое, – сказал Киеран. – Зайти настолько далеко, чтобы предать тебя, предать твоих родителей. Убить Беккета. Это не тот человек, которого я знал.

Кастил опять выругался, запустив руку в волосы. Мои плечи придавило печалью. Я не могла не представлять Беккета в облике вольвена – как он вилял хвостом и подпрыгивал, когда мы приехали в Предел Спессы. Гнев смешался с горем.

– Мне жаль.

Кастил повернулся ко мне.

– За что ты извиняешься?

– За то, что ты уважал и любил Аластора. Понимаю, как тебя это расстроило.

– Расстроило, но дело не в этом. – Он склонил голову набок. – Это не первое предательство со стороны тех, в ком течет его кровь.

Мою грудь пронзила боль, хотя он и закрыл свои эмоции.

– И мне жаль еще больше, потому что ты последние несколько десятков лет оберегал его от правды.

На скулах Кастила заходили желваки. Минуло томительное мгновение, прежде чем Киеран произнес:

– Полагаю, Аластир любит твою семью, но на первом месте у него стоит преданность королевству. Потом – родителям Кастила, а затем самому Кастилу и Малику. Я могу найти лишь одну причину, почему он ввязался в это, – он узнал, что ты стоишь превыше всех, и понимал, что это значит для Атлантии и короны.

Я не рассказывала им об участии Аластора в моей судьбе, и вряд ли они могли вытянуть из него это даже с помощью принуждения. У меня внутри все сжалось, а в центре груди загуло.

– Да, это потому что он знал.

Оба уставились на меня.

– Когда Жаждающие напали на постоянный двор, он был с нами. Он пришел помочь моим родителям уехать в Атлантию. – Я покачала головой. – Они доверяли ему. Рассказали, на что я способна, и он понял, что это означает. Как он сказал, мои родители знали, что творят Вознесшиеся, а моя мама была... прислужницей.

Я подняла взгляд на Кастила – он застыл.

– Я забыла про прислужниц, но когда он их упомянул, вспомнила, что часто видела рядом с королевой Илеаной этих женщин в черном. Не знаю, настоящие ли это воспоминания.

Кастил сжал губы.

– Прислужницы существуют на самом деле. Это личная гвардия и войско Кровавой королевы, – сказал он, и я вздрогнула. – Не знаю, была ли твоя мать одной из них. Не понимаю, как она могла быть прислужницей, если, как ты говорила, она не умела защитить себя. А те женщины были обучены всем известным способам нести смерть.

– Не знаю, – призналась я. – Я не видела, чтобы она сражалась, но... – Я вспомнила, что той ночью у нее было что-то в руках. – Не уверена. Однако Аластир сказал, что не убивал их. Что Жаждающих привело что-то другое. Он сказал, что это сделал Темный. Не ты, а кто-то другой.

– Это звучит как полная чепуха, – пробормотал Киеран. – А еще ему, похоже, очень повезло, что появились Жаждающие и сделали за него всю грязную работу.

Я согласилась, но на краю сознания по-прежнему что-то маячило. Неясное, как дым. Когда пыталась это схватить, оно ускользало сквозь пальцы.

Я вздохнула.

– Многое в его отношении ко мне было притворством.

Это причиняло боль, потому что Аластир... он немного напоминал мне Виктера.

– Он не раз подходил ко мне, предлагая помощь в побеге. Говорил, что не хочет принимать участие в принуждении меня к браку. Я думала, это означает, что он хороший человек.

– Поначалу это могло предлагаться от чистого сердца, – заметил Киеран. – Кто знает.

– А потом у него появились скрытые мотивы? – Я взглянула на Кастила. – Тебе не казалось странным, что он хотел женить тебя на своей внучатой племяннице?

– Не только он, но и мой отец тоже.

– А он советник твоего отца, – напомнила я. – Мне это его желание кажется странным после того, как ты был помолвлен с его дочерью. Может, в этом нет ничего необычного, ведь прошло столько лет, но... для меня это дико.

– Это странно, но ничего из ряда вон выходящего. – Кастил задумчиво прищурился. – Могу припомнить несколько примеров, когда спустя годы вдовцы и вдовы вступали в брак с сестрами или братьями почивших супругов.

Я этого не понимала. Не потому что осуждала попавших в такую ситуацию, а потому что этих людей может задевать то, что они стали заменой.

– Он получил бы больше контроля над короной, если бы ты женился на ком-то, на кого он имеет влияние. Твоя женитьба на мне поставила его перед риском потерять влияние на Атлантию, и он знал правду о том, кто я. Я ни мгновения не думала, что его мотивы полностью связаны с защитой Атлантии. Я полагала, он хотел сохранить контроль, и ради этого устроил государственный переворот. Я сказала ему об этом.

На лицо Кастила медленно легла тень улыбки.

– В самом деле?

– Да. – Я слегка усмехнулась. – Он принял это не слишком радостно и очень возражал.

– Слишком возражал? – уточнил Киеран.

Я кивнула.

– Думаю, он верил, что поступает правильно, но я считаю, он хотел сохранить влияние и хотел мести.

– Это имеет смысл, – сказал Кастил. – Мой отец хочет возмездия, как и Аластир. Малик был бы против войны, и я тоже против, как ему известно. И моего отца, и Аластира впечатлило то, что сделано в Пределе Спессы.

– Но Аластир считает, что этого недостаточно, – заметила я, вспомнив его ответ. – Он сказал, что и для твоего отца этого недостаточно.

– Было недостаточно, – признал Кастил. – И Аластир не поддерживал мой план торговаться. Он хочет от Солиса крови. И мой отец тоже. Аластир считает, что мой брат окончательно потерял.

Он сложил руки на груди, и я ощутила острый укол страдания. Я потянулась к нему, чтобы убрать боль, но заставила себя остановиться. Он однажды просил меня так не делать. Я сцепила руки в замок, а Кастил продолжил:

– И, возможно, он думал, что если Джианна станет моей невестой, он сможет удержать влияние.

Джианна.

Я не знала, что думать о вольвенке, которую никогда не встречала и не видела, насколько мне известно. Кастил никогда не собирался на ней жениться, и, по его словам, она тоже не проявляла к нему никакого интереса. Нельзя винить ее в том, чего хотели отец Кастила и Аластир, твердила я себе. Аластир вообще о ней не говорил.

– Какими бы ни были его мотивы, – произнес Киеран, – сейчас они не имеют никакого значения.

И я так думала. Потому что Кастил нашел его, а это значило, что вольвена больше нет в живых.

Кастил вышел вперед и опустился передо мной на колени. Он взял меня за руки, и я уставилась на него, чувствуя его гнев на самого себя и свою семью. Но этот гнев пересиливали негодование на то, что сделали со мной, и его беспокойство.

– Мне так жаль, что тебе пришлось узнать правду таким способом. – Он взял мои руки в свои. – Представить не могу, что ты должна чувствовать.

– Я хотела его убить, – призналась я.

Он опустил голову и поцеловал мои руки.

– Что ж, принцесса, помнишь, я сказал, что дам тебе все, что пожелаешь?

– Да?

Он опять улыбнулся, на этот раз его улыбка обещала кровь.

– Аластир еще жив.

– Что? – прошептала я.

– Мы посадили его под замок перед тем, как отправились в Пустоши, – сказал Киеран. – Мы решили, что лучше держать его живым на случай, если не успеем к тебе вовремя.

Кастил встретил мой взгляд.

– Он твой, Поппи.

* * *

Я узнала, что мы поедем через Скотос без остановок. Как сказал Киеран, мы перевалим через горы до наступления ночи, потому что уже находимся недалеко от них. Я была рада это услышать, потому что не горела желанием провести еще одну ночь в горах в тумане. Меня все еще преследовало воспоминание, как я в прошлый раз чуть не шагнула в пропасть, и сейчас очень не хотелось это повторять.

Киеран ушел, чтобы подготовить к отъезду вольвенов и атлантианцев, которые остались. В моих мыслях по-прежнему царила полная неразбериха, я пыталась осмыслить все, что

узнала. Однако о трех вещах старалась не думать, пока ходила в небольшую уборную, а затем возвращалась в скудно обставленную комнату.

Бессмертие и все с ним связанное. Как ни удивительно, не думать о нем было нетрудно, потому что я чувствовала себя так же, как и до того, как мне в грудь попал болт. И вряд ли изменилась внешне. В уборной не было зеркала, но Кастил ничего не сказал по поводу моей внешности. Я чувствовала себя собой.

Я не позволила себе думать о том, что могу быть королевой. Хвала богам, ни Киеран, ни Кастил об этом не говорили. Иначе я бы, наверное, забилась в угол.

И, наконец, была третья тема, не думать о которой у меня не получалось. В голове каждую пару секунд всплывало напоминание о том, кто, по утверждению Аластира, приходится мне родней. Я наблюдала, как Кастил натягивает плотную тунику. Знал ли он? Рассказал ли ему об этом Аластир, попав в плен? Может, и нет. Мне не нужно было ничего говорить. Если Кастил не знал, то, возможно, это к лучшему. Что он почувствует, узнав, что женился на потомке короля, который чуть не уничтожил Атлантию? А его мать? У меня забурило в животе. Что подумает она?

Или она уже знала? Не потому ли спрашивала Кастила, кого он привез домой? Король Валин сражался рядом с ним, но это не значит, что он не знал. Аластир прибыл до нас, и даже если родители Кастила ни к чему не причастны, они все равно могли знать, чья я родственница.

И его отец... Я вспомнила, как он кричал Кастилу остановиться, не давать мне кровь. Его отец знал, что собирается сделать Кастил, и, боги, Малек сделал то же самое сотни лет назад, в отчаянии превратив свою любовницу Избет в первого вампира.

История трагически повторилась, за исключением того, что я вампиром не стала.

Но король Валин этого не знал.

– Где твой отец? – спросила я, беря сапог из найденной Джаспером пары.

– Эмиль и еще несколько моих людей проводили его обратно в Атлантию. Сейчас его держат под присмотром.

Я подняла голову от сапога.

– Думаешь, это необходимо? Держать его под присмотром?

Кастил кивнул, вставляя в ножны меч.

– Скорее всего он считает, что я обратил тебя в вампира, – повторил он мои недавние мысли. – Если мы просто отправим его в Атлантию, он немедленно вернется сюда.

– Зачем?

Я натянула мягкий кожаный сапог. Туговато в голени, но сойдет.

– Отрезать мне голову? – спросила я полушутя.

– Если он попробует, то умрет, – заявил Кастил.

Я застыла.

– Кастил...

– Знаю, это звучит сурово. – Он поднял с пола второй сапог и принес мне. Я сидела на краешке деревянного кресла. – Но даже если бы ты стала охваченной жадой крови Вознесшейся и пыталась разорвать горло каждому поблизости, я бы все равно уничтожил любого, кто замыслил причинить тебе вред.

Я уставилась на него. Мое сердце на миг остановилось и потом тяжело забилося.

– Не знаю, стоит ли мне волноваться или чувствовать себя польщенной.

– Чувствуй себя польщенной. – Он опустился на колени с сапогом в руках. – И скажи спасибо, что до этого не дойдет. Когда он увидит тебя, то поймет, что ты не вознеслась – по крайней мере не в вампира.

А во что? Я надеялась, что он или еще кто-нибудь сможет ответить.

– Я сама могу обуться.

– Знаю. Но тогда я буду чувствовать себя бесполезным. Пожалуйста, позволь мне быть полезным.

– Только потому что ты сказал «пожалуйста», – проговорила я, поднимая ногу.

Он быстро усмехнулся.

– Как ты себя чувствуешь? Честно? Я имею в виду не только физически.

Я замерла, пока он просовывал мою ногу в голенище.

– Я... в порядке, – сказала я, глядя на темные локоны его склоненной головы. – Мне только немного странно, потому что... чувствую себя такой же. Не ощущаю никаких перемен. Хочу сказать, может, и правда ничего не изменилось? Может, ты исцелил меня...

– Я не просто исцелил тебя, Поппи. – Он посмотрел на меня, натягивая сапог. – Твое сердце остановилось. Если бы я промешкал секунду или две, ты бы ушла.

Он удерживал мой взгляд, и у меня оборвалось сердце.

– Ты не ощущаешься такой же, как раньше.

Я схватилась за край сидения.

– Я на самом деле не понимаю, что это значит. Чувствую себя той же самой.

– Трудно объяснить, это как сочетание запаха и инстинкта. – Он положил руки на мои колени. – Когда я прикасаюсь к тебе, я узнаю ощущение твоей кожи. Ты по-прежнему Поппи, но не чувствую в твоих венах смертной крови, и ты больше не ощущаешься прежней на инстинктивном уровне.

– О, – прошептала я.

Мгновение он пристально смотрел на меня.

– Это все, что ты можешь сказать в ответ?

– Это все, что я сейчас могу придумать.

Он заглянул мне в глаза и кивнул.

– Я даже представить не могу все, что, должно быть, пронесется сейчас в твоем уме.

Я издала сухой смешок.

– Очень многое. Кое-что из этого я могу отложить на будущее, чтобы пугаться потом. Но...

– Что? – негромко подбодрил Кастил.

Я открыла рот и закрыла. Потом попыталась еще раз. В душе я хотела по-прежнему умалчивать, не говорить о короле Малеке, но я... не желала, чтобы между нами оставались недосказанности. Не после того, что произошло. Не после того, как он рисковал ради меня. И мы так близко подошли к тому, чтобы потерять друг друга.

И даже если то, что скажу, его шокирует, я не думала, что это вобьет между нами клин. Мы... вместе. Мы для этого слишком сильны.

Я крепче вцепилась в край кресла.

– Когда ты беседовал с Аластиром, он тебе что-нибудь говорил обо мне? Кроме того, что я представляю опасность для Атлантии – это, я уверена, он не забыл упомянуть.

– Кое-что сказал. Но у нас было мало времени, а я был не в том настроении, чтобы выслушивать что-то кроме того, где тебя найти. – Он сжал мои колени. – И что же?

Я тяжело сглотнула.

– Он сказал, что я происхожу от Никтоса, и... и что я также происхожу от короля Малека. Кастил смотрел на меня, но никакой волны потрясения и ужаса от него не последовало.

– Он и мне это сказал.

– Сказал?

Кастил кивнул, и я спросила:

– И это тебя не беспокоит?

Он сдвинул брови.

– А почему это должно меня беспокоить?

– Почему? – несколько озадаченно повторила я. – Он же создал первого вампира. Он изменял твоей матери...

– Да, он все это сделал. Но не ты. – Он отпустил мои колени и, накрыв мои руки ладонями, медленно расцепил мои пальцы. – Мы даже не знаем, правда ли это.

– Он сказал, что способности Малека были очень похожи на мои – что он мог исцелять прикосновением и причинять вред людям, даже до них не дотрагиваясь.

– Я никогда об этом не слышал. – Кастил переплел пальцы с моими.

– Аластир сказал, что лишь немногие знали, на что он способен. Что твои родители знали.

– Тогда нам нужно, чтобы они это подтвердили.

Я напряглась.

– Твоя мать...

– Моя мать не будет держать на тебя зла за то, кто был твоим предком, – перебил он. – Может, ее это шокирует. Может, даже заставит думать о вещах, которые она старалась забыть, но она не станет возлагать на тебя ответственность за то, что натворил твой дальний родственник.

Я так сильно хотела в это верить. Наверное, он прав. Он знает свою мать, но в моей голове вертелось воспоминание о том, как она уставилась на меня, впервые увидев, и что сказала. Это был не просто шок.

– Почему ты ничего об этом не говорил?

– Потому что я честно не думал, что это имеет значение.

Искренность его слов была на вкус как ваниль.

– Я понятия не имел, говорил ли он об этом тебе, и правда ли это. Если честно, для меня это не имеет смысла. Насколько я могу судить, это не объясняет твои способности и их силу. Одно то, что у вас схожий дар, не означает, что ты производишь от Малека.

Он поднялся, снял меня с кресла и заключил в кольцо объятий.

– Но даже если ты производишь из его рода, это не имеет значения. Это не меняет тебя. – Он смотрел на меня, и его глаза горели как янтарь. – Ты в самом деле думаешь, что это может меня беспокоить?

– Я не думала, что это встанет между нами, – призналась я. – Просто... Не хочу быть его родственницей. Не хочу доставлять твоей матери еще больше неудобств, чем уже доставила и доставлю.

– Я могу это понять, но знаешь что? – Он прижался лбом к моему лбу. – Меня не волнует, что она почувствует. Я беспокоюсь о тебе – обо всем, что случилось с тобой. Ты проявила столько силы. На тебя напали, тебя взяли в плен, а потом ты чуть не рассталась с жизнью.

Он приложил ладонь к моей щеке.

– Я понятия не имею, почему ты не вознеслась, или же вознеслась, а мы просто еще не знаем, во что. И, вдобавок ко всему, на тебя обрушивается одно потрясение за другим: сначала правда о Вознесшихся, страх за брата и Тони, а теперь открытие, что в тебе течет кровь бога.

– Что ж, после того, как ты все это перечислил, мне нужно сесть.

Он поцеловал меня в нос.

– Не нужно. Ты стоишь. Ты с этим справляешься, и будь я проклят, если сейчас тобой не восхищаюсь. Но также знаю, что ничего из этого тебя не ошеломило, и это меня беспокоит. Ты твердишь, что с тобой все в порядке, каждый раз, когда спрашиваю, а я знаю, что это не может быть правдой.

– Со мной все в порядке.

В общем. Я прижалась щекой к его груди. Мне нужно быть в порядке, потому что ничего из случившегося с того момента, как я ступила в Покои Никтоса, не отменяет того, что нам нужно найти брата Кастила и моего...

Йена.

Я дернулась назад.

– О боги. Я об этом даже не подумала.

Во мне вспыхнула надежда, расслабив напряженные мышцы.

– Если я не стала вампиром, это означает, что и Йен мог не стать. Может, он как и я. Стал тем, что и я. Может, он не такой, как они.

Настороженность эхом отозвалась в Кастиле.

– Это возможно, Поппи, – начал он нерешительно. – Но его видят только по ночам. И он женат на Вознесшейся.

То, что он не договорил, повисло в пыльном воздухе охотничьей хижины. Либо Йен мне не родной брат, либо наш общий родитель не тот, кровь которого несет итер. Я не знала. Но одно то, что Кастил не видел Йена днем, или то, что Йен женат на Вознесшейся, не означало, что он тоже вознесся. Надежда, которую я теперь питала, была не такой хрупкой и наивной, как неделю назад, и за нее можно ухватиться.

И я ухватилась.

* * *

Когда мы вышли на крыльцо, Кастил позаботился, чтобы я не выскочила на солнце позднего утра. Киеран ждал нас, стоя между массивным вороным конем – Сетти – и коричневым. Сетти негромко заржал и тряхнул блестящей черной гривой. Кастил заставил меня замедлить шаг и выйти на солнце постепенно.

Ничего не случилось, кроме приятного ощущения тепла на лице.

Я приласкала Сетти. Почесывая его за ухом, я осматривала деревья вокруг хижины. Среди низко опущенных сучковатых ветвей время от времени мелькало что-то серебристое, белое или черное. Землю усеивали коричневые скрученные листья и более яркие зеленые. Как будто листву стряхнуло резкое похолодание. Но мы же в предгорьях Скотос, я видела окутанные туманом пики. Разве местные растения не привыкли к холоду?

Пока Кастил заканчивал привязывать седельные сумки, я взялась за седло и вскочила на Сетти. Усевшись, увидела, что на меня пялятся не только Киеран с Кастилом, но и темнокожий атлантианец. Нейлл вышел из-за хижины. Все трое уставились на меня так, будто я сделала обратное сальто на лошадиной спине.

– Что такое? – спросила я, трогая спутанные волосы.

В хижине не оказалось расчески, и, наверное, вид у меня был такой, словно я побывала под мощным вентилятором.

Нейлл вскинул брови и медленно заморгал.

– Это было... впечатляюще.

Я нахмурилась.

– А что было?

– Ты только что вскочила на Сетти, – сказал Кастил.

– И что? – Уголки моих губ опустились.

– Ты не воспользовалась стременами, – пояснил Киеран, а Нейлл тем временем взобрался на стоящего рядом с ним коня.

– Что? – Я нахмурилась сильнее. – Ты уверен?

Я должна была это сделать. Мне никак не залезть на Сетти без посторонней помощи или без того, чтобы поставить ногу в стремя. Конь был слишком высок, а я не достаточно сильной, чтобы совершить такой трюк без хорошего разбега.

И даже с разбегом меня ждал бы грандиозный провал.

– Точно не воспользовалась, – подтвердил Нейлл.

Он смотрел на меня с легким удивлением, которое, как я решила, больше относилось к тому, что я не стала вампиром.

– Давай. – Кастил поднял руки и пошевелил пальцами. – Слезь на минутку.

– Я только что залезла.

– Знаю, но это всего на минуту. – Он опять покрутил пальцами. – Я хочу кое-что проверить.

Я со вздохом взяла его за руки и позволила снять меня с Сетти, который наблюдал с любопытством. Я надеялась, что они не ждут, чтобы я снова вскакивала на коня под их внимательными взглядами.

– Что?

Кастил выпустил мои руки и шагнул назад.

– Ударь меня. Сильно. Как будто всерьез.

Я наморщила лоб.

– С чего бы мне тебя бить?

Нейлл скрестил руки на луке седла.

– Хороший вопрос.

– Ударь меня, – настаивал Кастил.

– Я не хочу тебя бить.

– Это впервые, – ответил он, и его глаза сверкнули в солнечном свете.

– Прямо сейчас я не хочу тебя бить, – уточнила я.

Мгновение Кастил молчал, затем повернулся к Киерану с Нейллом.

– Я вам когда-нибудь рассказывал, как обнаружил Поппи, когда она стояла на карнизе за окном, прижимая к груди книгу?

Я сощурилась, а Нейлл сказал:

– Нет, но у меня куча вопросов.

– Кас, – начала я.

Он изобразил на лице предупреждающую улыбку.

– Она держала эту книгу – свою любимую. Она даже взяла ее с собой, когда мы покидали Масадонию.

– Я не брала, – заявила я.

– Она смутилась, – продолжал он, – потому что это книга о сексе. И не просто о сексе.

В ней полно всяких непристойных и неслыханных...

Я бросилась вперед и двинула ему в живот.

– Проклятье. – Кастил со стоном согнулся, а Нейлл присвистнул. – Боги.

Я скрестила на груди руки.

– Теперь доволен?

– Ага, – судорожно вдохнул он. – Буду, когда восстановлю дыхание.

Я закатила глаза.

– Проклятье. – Кастил посмотрел на меня, слегка округлив глаза. – Ты... сильная.

– Я же тебе говорил, – заметил Киеран. – Говорил, что она сильная.

Я вспомнила, как Киеран сказал об этом Кастилу после того, как я попыталась его съесть.

У меня внутри все упало. Я уронила руки, и они повисли по бокам.

– Ты думаешь, я стала сильнее?

– Думаю? – рассмеялся Кастил. – Знаю. У тебя всегда была тяжелая рука, но сейчас дело не в этом.

– На самом деле я ударила тебя не со всей силы, – сказала я.

Он воззрился на меня.

– Ну надо же.

– Не проси бить тебя еще раз. Я не буду.

На его лице медленно расплылась улыбка, и я ощутила на языке... вкус пряных специй.
– С тобой что-то неладно, – пробормотала я.

На его правой щеке появилась ямочка, и я отвернулась от него. Через секунду он очутился возле меня, целуя уголок моих губ.

– Мне это нравится, – сказал он, кладя руки мне на бедра. – Сильно.

Я покраснела до корней волос и, ничего не ответив, схватилась за седло. На этот раз Кастил поднял меня сам, в чем я, наверное, не нуждалась. Он уселся за моей спиной и взял поводья. Я не знала, что думать о том, будто стала сильнее. В голове больше не осталось места. Поэтому я добавила это в список того, о чем подумаю потом, и повернулась к Нейллу.

– Спасибо.

Он смотрел на меня, наморщив лоб.

– За что?

– За то, что помог Кастилу в Айрелоне. За помощь мне.

Он с ухмылкой перевел взгляд с Кастила на меня и покачал головой.

– Не за что, Пенеллаф.

– Можешь звать меня Поппи.

Я подумала, что могу считать друзьями всех, кто нам помогал. И не важно, делали ли они это из преданности Кастилу. Для меня это не имело значения.

Его ухмылка превратилась в потрясающую улыбку.

– Не за что, Поппи.

Кастил направил Сетти в лес.

Чувствуя, что мои щеки опять вспыхнули, я огляделась.

– А где Делано и Джаспер? И остальные?

– Они вокруг нас, – ответил Кастил, подгоняя Сетти.

– У них нет лошадей? – Нахмурившись, я взглянула на Киерана. – А где твоя лошадь?

Он покачал головой.

– Путешествие через Скотос будет быстрым и изнурительным. В облике вольвенов мы потратим меньше энергии. Кроме того, так мы покрываем большее расстояние.

Что? Я этого не знала. Киеран прошел вперед. Добравшись до деревьев, он схватился за подол туники. Я обнаружила, что он уже босиком. Он стянул тунику через голову и отшвырнул. При этом на спине обозначились выпуклые мышцы, а руки напряглись.

– Что за расточительство, – пробормотала я, наблюдая за тем, как черная туника пролетела по воздуху и медленно упала на землю. Через несколько секунд к ней присоединились и штаны.

Нейлл вздохнул и пустил лошадь вперед. Наклонившись набок в седле, он вытянул руку и подобрал брошенную одежду.

– Надо было просто оставить это здесь, чтобы ты вернулся в королевство с голой задницей.

Я заметила, как Киеран поднял руку и отставил средний палец. Я велела себе не смотреть, но знала, что сейчас он начнет превращаться, а это совершенно завораживающий процесс. Я не смогла удержаться и взглянула, стараясь держать взгляд повыше.

Не помогло.

Киеран наклонился вперед, и на мгновение я увидела больше, чем следовало. Затем он изменился. Кожа истончилась и потемнела, кости затрещали и вытянулись, а затем снова срослись. На спине пробился палевого цвета мех, покрывший мускулы, которые стали толще и крупнее. Лапы упали на землю, потревожив листву и грязь. Секунды. Всего несколько секунд – и Киеран бежал впереди нас в облике вольвена.

– Не думаю, что когда-нибудь привыкну к такому зрелищу, – прошептала я.

– К чему именно? – спросил Кастил. – К тому, как Киеран обращается, или как раздевается?

Нейлл фыркнул, выпрямляясь в седле, и засунул одежду Киерана в сумку.

– И к тому, и к другому, – призналась я.

Мы вступили в лес, и я подняла взгляд на деревья. Их вершины были деформированы, ветви загнуты вниз, словно по деревьям прошла гигантская рука, пытающаяся придавить их к земле.

– Эти деревья всегда такие?

– Были такими, когда мы приехали в хижину, – ответил Кастил, обвивая рукой мою талию. Под копытами Сетти хрустели листья и тонкие веточки. – Но раньше они никогда такими не были.

– Что с ними случилось?

– Должно быть, тут прошла сильная буря.

Я глянула на Нейлла – он тоже смотрел вверх. Насколько мы могли видеть, деревья повсюду были согнуты и искорежены.

Какая буря могла такое сотворить? Сбитая с толку, я ехала молча. Вскоре мы добрались до тумана, скрывающего горы. Он был густым и белым, как молоко. Хотя знала, что он мне не навредит, все равно напряглась, когда Киеран прыгнул в него. Тут я заметила других вольвенов. Они мелькали в жутком лесу вокруг нас и нерешительно входили в туман. Я разглядела Джаспера и Делано – они приблизились к нам и нашим лошадям. Ключья тумана клубились вокруг их лап и тел.

Делано поднял голову, пробираясь между лошадьей Нейлла и Сетти, и посмотрел на меня. Я неуклюже помахала ему, вспоминая, как исчезал в тумане Беккет, когда я впервые переходила Скотос.

Но то был не Беккет.

С тяжелым сердцем повернулась вперед, приготовившись войти в непроницаемую пустоту. Прищурилась. Туман казался не таким густым, как я помнила. Или это потому, что он двигался, клубился и рассеивался.

– Что-то изменилось, – заметил Кастил, крепче сжав руку на моей талии.

Когда мы вступили в туман, он разошелся и открыл для нас чистую дорогу. Я развернулась и посмотрела назад. Там туман сошелся снова, уплотнившись в густую, непроницаемую массу. Оглядевшись, заметила впереди нескольких вольвенов, их мех блестел на солнце.

Предвкушая потрясающее зрелище золотых деревьев Эйос, я подняла голову, как только туман рассеялся.

– Боги мои, – прошептал Нейлл.

Кастил застыл за моей спиной, а Сетти замедлил шаг и нервно замотал головой. Вольвены впереди нас тоже остановились и задрали головы. Их тела напряглись. По моей коже пробежали мурашки. Я разомкнула губы.

Красное.

Алая листва блестела в солнечном свете как миллионы озер крови.

Все золотые деревья Эйос стали кровавыми деревьями.

Глава 12

Под пологом блестящей рубиновой, а не золотой листвы мы взбирались на горы Скотос в ускоренном темпе, дающем мало возможностей обсудить, что случилось с деревьями Эйос. Ответа не было ни у Кастила, ни у Нейлла. Я чувствовала их потрясение и тревогу, почти такие же сильные, как и те, что исходили от вольвенов, когда эти великолепные раскидистые деревья предстали перед нами одетыми в красное, а не в золотое.

Как и раньше, мы разбились на группы, хотя лишь слабые ключья тумана просачивались через колючий кустарник и клубились над толстой моховой подстилкой, укрывающей землю под деревьями. С нами остались Киеран и Делано, и мы продолжили равномерный подъем. Не было слышно ни пения птиц, ни криков животных, и хотя тяжелые ветви, усеянные блестящими алыми листьями, качались над нашими головами, мы не слышали и шума ветра. Ехали молча, разве что Кастил иногда спрашивал, не хочу ли я есть, а Нейлл предлагал свою фляжку, уверяя, что виски поможет согреться, когда мы проедем дальше. Спустя несколько часов мы остановились, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. Кастил и Нейлл надели плащи, а меня закутали в одеяло, которое Кастил прихватил из хижины, после чего мы продолжили путь. Горы были красивы тихой красотой, от которой становилось не по себе. Я не могла отвести глаз от темно-красной листвы над головой и под ногами, от листьев, торчащих из-за камней и в кустах. словно бы вся гора превратилась в огромный Кровавый лес, только без Жажущих.

Что изменило золотые деревья, выросшие на горном хребте, начиная от самого подножия, после того, как богиня Эйос уснула в горах? Этот вопрос преследовал меня час за часом. Может, мне и нравилось это отрицать, но не могли оказаться случайным совпадением эти перемены и то, что произошло со мной. Уже трижды на том месте, куда падала моя кровь, стремительно вырастало кровавое дерево, а на руинах замка Бауэр корни дерева обвилились вокруг меня – вокруг нас с Кастилом – как будто дерево пыталось затянуть нас в землю или укрыть. Я отчетливо помнила, как Киеран продирался через гладкие темно-серые корни.

Такие же корни, как и те, что были вплетены в костяные цепи.

Неужели моя почти-смерть сотворила такое с этими деревьями? А лес вокруг охотничьей хижины, по которому словно прошла буря? Неужели возможная утрата моей смертности была той бурей, что пронеслась над лесом и превратила деревья Эйос в кровавые? Но как? И почему? Подействовало ли это на богиню, которая спит здесь? Богиню, которая, по убеждениям Кастила и Киераном, пробудилась, чтобы удержать меня от смертельного падения?

Я надеялась, что нет.

Несмотря на тревожную красоту гор и неумолимый темп путешествия, меня начала одолевать сонливость, и я все больше обмякала в объятиях Кастила. Каждый раз, когда моргала, становилось все труднее снова открыть глаза навстречу солнечным лучам, пробивающимся сквозь листву.

Я некрепко обхватила руку Кастила под одеялом и перевела взгляд на Киерана с Делано, бежавших бок о бок впереди нас. Мысли уплывали, а глаза начали закрываться. Не знаю, сколько я спала после того, как Кастил дал мне кровь и мы приехали в хижину. Я не подумала спросить, но казалось, сон длился какое-то время, хотя был не слишком глубоким. Совсем не глубоким, потому что видела сны. Теперь я их вспомнила. Мне снилась ночь, когда погибли родители, и этот сон отличался от тех, что видела раньше. Мама вытащила что-то из сапога – что-то длинное, тонкое и черное. И там был еще кто-то. Я не могла увидеть этого человека, как бы ни старалась вспомнить, но мама говорила с кем-то. Его голос не походил на тот, что я слышала раньше, – на голос человека, говорившего с отцом, – голос Аластира, как я теперь знала. Собеседником мамы была фигура в черном. Я знала, что мне снилось что-то еще, но это все время ускользало из моего утомленного разума. Был ли этот сон старым воспоминанием,

которое наконец пробилось? Или он был рожден игрой моего воображения, которое отвечало на слова Аластира о Темном?

Но что не походило на сон, что казалось реальным, – так это женщина, которую я увидела. Женщина с длинными серебристыми волосами, которая возникла перед моим внутренним взором, когда я стояла в Покоях Никтоса. Она же появилась, когда я была бестелесной и парила в пустоте. Она немного походила на меня, но у нее было больше веснушек, другие волосы, а глаза казались странными – зелень, разбитая серебряными трещинами. Так же выглядели глаза вольвенов, когда они окружили меня в Покоях.

По ее щеке скатилась кровавая слезинка. Значит, она должна быть богиней, но я не знала ни одной богини с такими волосами и чертами. Я устало скривила губы, пытаюсь сесть прямо. Она что-то сказала мне – что-то, что меня потрясло. Я практически слышала в голове ее голос, но, как и сны о постоялом дворе, к моему разочарованию, смысл слов скользил по краю сознания.

Кастил переместил меня так, чтобы моя голова приникла к его груди.

– Отдохни, – мягко произнес он. – Я с тобой. Отдохни.

Казалось неправильным отдыхать, когда все остальные не могут себе этого позволить, но я не устояла перед соблазном. Сон был неглубоким. Меня преследовали события, которые хотела забыть. Я опять очутилась в склепе, прикованная к стене. Повернула голову в сторону, и в горле поднялась желчь.

О боги.

Я оказалась лицом к лицу с трупом. Его пустые глазницы вели в никуда. Он содрогнулся.

Челюсть приоткрылась, с нее посыпалась пыль, и из безгубого рта прозвучал хриплый, сухой голос:

– Ты такая же, как мы. – С челюсти начали падать и крошиться зубы. – Ты закончишь так же, как и мы.

Я отодвинулась назад, насколько могла, чувствуя, как натянулись путы на руках и ногах.

– Это не правда...

– Ты такая же, как мы, – вторил другой труп, повернув ко мне голову. – Ты закончишь так же, как и мы.

– Нет. Нет. – Я дергалась в оковах, чувствуя, как кости врезаются в кожу. – Я не монстр. Нет.

– Ты не монстр, – вмешался мягкий голос, исходящий отовсюду и ниоткуда.

Трупы вдоль стен продолжали дергаться и шевелиться, их кости терлись друг о друга и скрежетали. Голос звучал как голос... Делано?

– Ты мейя льесса. Проснись.

Труп рядом со мной разинул рот и издал крик, который начался беззвучно, а затем перешел в долгий пронзительный вой...

– Проснись, Поппи. Просыпайся. Я с тобой.

Кастил. Он обнял меня крепче, прижимая к груди. Под нами двигались мощные мускулы Сетти.

– Ты в безопасности. Никто тебе не навредит. – Он прижал губы к моему виску – теплые и приятные. – Больше никогда.

Сердце бешено колотилось, я тяжело дышала. Я кричала? Быстро заморгала, пытаюсь высвободиться из объятий Кастила. Мне удалось вытащить одну руку из-под одеяла, и я торопливо вытерла холодные щеки, пока глаза привыкали к слабому солнечному свету. С усилием сглотнув, я посмотрела на Нейлла, который ехал, глядя прямо перед собой, а потом перевела взгляд дальше. Белый вольвен, бегущий рядом с палевым, повернул к нам голову и наострил уши. На долю секунды наши взгляды встретились, и я почувствовала его беспокойство. У меня в груди загудело, и открылась особая дорожка для связи с эмоциями вольвена, более отчетли-

вая нить, которая несла не чувства, а нечто иное – свежее, как родник, легкое, как перышко, ощущение, не имеющее никакого отношения к облегчению. Это было почти как клеймо – отпечаток Делано, того, что он есть в самой своей сути, уникальное и присущее только ему.

Вольвен разорвал зрительный контакт и перепрыгнул через валун, обгоняя Киерана. Я испустила неровный вздох.

– Поппи?

Пальцы Кастила скользнули по моему подбородку, а потом по шее.

– Ты в порядке? – негромко спросил он.

Оторвав взгляд от Делано, я кивнула.

– Со мной все хорошо.

Его пальцы застыли, а потом он опустил руку и подобрал мои волосы.

– Что тебе снилось?

– Склеп, – призналась я, прочистив горло. – Я... кричала? Или говорила?

– Нет.

Я молча поблагодарила богов.

– Ты немного извивалась. Дергалась. – Он помолчал. – Хочешь об этом поговорить?

Я покачала головой.

После некоторого молчания он сказал:

– Они чувствовали тебя. Чувствовали, что тебе снилось. И Киеран, и Делано. Они все время оглядывались.

Я опять перевела взгляд на вольвенков. На земле под их лапами уже не было столько мха.

– Делано завыл, – продолжил Кастил. – Тогда я тебя разбудил.

– Я... думаешь, это та первозданная штука? – спросила я, думая, правда ли слышала голос Делано. Какая-то бессмыслица, потому что он ответил на то, что я произнесла во сне.

– Первозданный нотам? Думаю, да.

Прислонившись к Кастилу, я посмотрела вверх. Деревья стали реже, и я разглядела участки неба, теперь окрашенные в глубокие оттенки малинового и синего.

– Мы уже перевалили через Скотос?

– Да, – подтвердил он.

Воздух был не таким холодным, как раньше, когда я засыпала.

Мы ехали дальше, небо темнело, а земля становилась более ровной и пологой. Когда мы миновали последние деревья, Кастил снял с меня одеяло. С обеих сторон к нам выскочили остальные вольвены. Я повернулась и заглянула за спину Кастила, но было слишком темно, чтобы рассмотреть деревья Эйос.

Даже думать не хотелось, что почувствовали жители Атлантии, увидев измененные деревья. Мое сердце забилося быстрее, и я посмотрела вперед, разглядывая неровный каменистый пейзаж. Я не узнала местность, хотя воздух с каждым шагом становился все теплее.

– Где мы? – спросила я, заметив впереди большого серебристого вольвена.

Джаспер с легкостью ориентировался между валунов, перескакивая с одного на другой. Остальные вольвены следовали за ним.

– Мы выехали чуть южнее Бухты Сэйона, – объяснил Кастил. – Ближе к морю, у Утесов Ионы. Здесь стоит старый храм.

– Утесы можно увидеть из Покоев Никтоса, – сказал Нейлл, пуская лошадь медленнее, потому что местность стала неровной. – Но храм, наверное, нельзя.

– Здесь ждет мой отец, и здесь же держат Аластира, – сообщил Кастил.

Я села ровнее, подхватив одеяло прежде, чем оно упало и запуталось в ногах Сетти. Появились высокие кипарисы, в отдалении они соединялись в рощицы. Воздух пах солью.

– Можем остановиться здесь или отправиться в Бухту Сэйона, – сказал Кастил. – Разобраться с Аластиром сейчас или оставить это на потом. Как ты решишь.

Я не колебалась, хотя разобраться с Аластиром означало встретиться с отцом Кастила.

– Покончим с этим сейчас.

– Уверена?

– Да.

От Кастила долетело что-то вроде гордости, и его губы коснулись моей щеки.

– Такая сильная.

Слева от нас журчала вода. При лунном свете я увидела, как она блестит на склоне гор Скотос и бежит через равнину. Вода стремилась к утесам и падала с них на скалы вниз.

На небе сияли звезды, а сквозь огромные деревья пробивался неровный свет множества факелов, бросая оранжевые отсветы на колонны – почти такие же высокие, как и окружающие их кипарисы.

Киеран присоединился к своему отцу, и они побежали между деревьев к широким ступеням, окружающим храм. На колоннаде стояли люди в черном, и я, не спрашивая, знала, что это люди Кастила и Хранительницы Атлантии. Те, кому он доверял.

Когда несколько вольвенов взбежали по ступеням, Кастил замедлил шаг Сетти.

– Скорее всего, сначала мы встретимся с моим отцом. Он должен увидеть, что ты не вознеслась.

Я кивнула. Во мне бурлила нервная энергия и что-то более необузданное.

– Потом разберемся с Аластиром, – продолжал Кастил, убирая руку с моей талии. Его ладонь скользнула по моему животу, вызывая трепет. – Я вытянул из Аластира все, что может нам пригодиться, поэтому ты знаешь, чем сегодня все закончится.

Моя нервозность сменилась решительностью. Я знала, чем сегодня все закончится. Уверенность проникла до самых костей и заполнила центр груди. Я вскинула подбородок.

– Смертью.

– От твоей руки или от моей? – спросил он, проводя губами по изгибу моего подбородка.

– От моей.

* * *

Взявшись за руки, мы с Кастилом поднялись по ступеням храма Сэйона. По колоннаде рыскали около двух дюжин вольвенов, а Джаспер с Киераном стояли перед дверью, такой же черной, как небо, и почти такой же высокой, как сам храм.

Когда ожидающие между колоннами заметили Кастила, а затем меня, воздух наполнился терпкостью неуверенности и более свежим лимонным вкусом любопытства. Перемены, которые почувствовал во мне Кастил, ощутили и они. Я видела это по тому, как замерли Хранительницы. Их руки потянулись к ножнам и остановились. Склонив головы набок, они пытались понять, что чувствуют. Ни от кого не исходило страха – ни от Хранительниц, ни от остальных. Мне захотелось спросить кого-нибудь из них, что они почувствовали при виде меня, что заставило их сначала потянуться к мечам, а затем замереть. Но Кастил крепче сжал мою руку, не давая мне подойти к ним, что я, видимо, порывалась сделать.

Только боги знали, как я сейчас выглядела с растрепанными волосами, в тесных штанах, сапогах и в плаще Кастила поверх не по размеру большой чужой туники. Вполне возможно, что меня приняли за Жаждущую.

Когда мы добрались до верхней ступени, один из атлантианцев вышел вперед. Это был Эмиль, его рыжевато-каштановые волосы в свете факелов казались почти красными. Он перевел взгляд с Кастила на меня, его ноздри раздулись, а горло дернулось – он сглотнул. Красивое лицо чуть побледнело, он взялся за рукоять меча и слегка поклонился.

– Рад видеть вас здесь, ваше высочество.

Я слегка дернула головой. Это обращение застало меня врасплах, и я не сразу вспомнила, что ношу этот титул как жена Кастила.

– Я тоже, – сказала я с улыбкой.

От Эмиля прокатилась волна потрясения. Он смотрел на меня, словно не вполне веря тому, что я здесь стою. Учítывая, в каком состоянии я была, когда он видел меня в последний раз, я не могла его винить.

– Спасибо за помощь, – добавила я.

На лице атлантианца появилось то же выражение, что и у Нейлла, когда я поблагодарила его. Однако Эмиль склонил голову и повернулся к Кастилу.

– Твой отец в храме и далеко не в радужном настроении.

– Готов поспорить, что не в радужном, – буркнул Кастил.

К нам подошел Нейлл. Эмиль криво усмехнулся.

– Как и горстка атлантианцев и смертных, которые пробрались сюда и совершили попытку освободить Аластира.

– И к чему привела эта попытка? – спросил Кастил.

– Не обошлось без крови. – Эмиль смотрел на принца, и его глаза блестели в свете факелов. – Тех, что остались живы, держат с Аластиром, и они... в вашем распоряжении.

Кастил откинул голову назад, и на его губах появилась натянутая мрачная улыбка.

– Кто-нибудь еще знает, что моего отца держат здесь?

– Нет, – ответил Эмиль. – Твоя мать и стража короны считают, что он все еще с тобой.

– Прекрасно. – Кастил окинул меня взглядом. – Готова?

Я кивнула.

Эмиль начал отходить назад, но остановился.

– Чуть не забыл.

Он полез под тунику. Джаспер с низким рычанием шагнул вперед, нагнув голову. Я замерла. Кастил рядом со мной слегка переместился, его тело напряглось. Атлантианец нервно оглянулся на огромного вольвена.

– Это принадлежит ей, – сказал он. – Я просто возвращаю.

Я опустила взгляд – он достал черный клинок, отливающий красным в огне факелов. У меня перехватило дыхание. Эмиль подбросил клинок и подал мне костяной рукояткой вперед. Это был мой кинжал из кровокамня. Тот, что Виктор подарил мне на шестнадцатилетие. Это было не просто воспоминанием о человеке, который рискнул карьерой и, вероятно, жизнью, чтобы я научилась себя защищать, но и единственной вещью, которая от него осталась.

– Как?.. – Я откашлялась и сомкнула пальцы на холодной кости вольвена. – Как ты его нашел?

– Повезло. – Он быстро отступил, чуть не наткнувшись на Делано, который неслышно подкрался к нему сзади. – Когда я с несколькими ребятами вернулся осмотреть место происшествия, кинжал лежал под кровавым деревом.

Я сглотнула ком в горле.

– Спасибо.

Эмиль кивнул, а Кастил хлопнул его по плечу. Я убрала руку с кинжалом под плащ, и мы пошли дальше через широкую колоннаду. У стены стоял худенький юноша. Я с трудом узнала угрюмое лицо с мягкими, почти хрупкими чертами. Квентин Да'Лар. Он не улыбался, не болтал без умолку, его не переполняла энергия, как это бывало обычно. Он нерешительно вышел к нам. В момент, когда мое чутье соединилось с его эмоциями, у меня перехватило дыхание от его страданий. В нем сквозила неуверенность и кислый вкус вины, но под ними клубилось что-то еще... более горькое. Страх. У меня сжалось сердце, а чутье быстро попыталось распознать, направлен ли его страх на меня или... Я вспомнила, что он был близок с Беккетом. Они дружили. Знал ли он, что случилось с его другом? Или по-прежнему считал, что Беккет принимал

участие в нападении? Хотя я точно не знала, но мне не верилось, что Квентин был замешан в заговоре. В таком случае он бы здесь не стоял.

Кастил перевел на юного атлантианца холодный янтарный взгляд, но прежде чем он заговорил, Квентин упал на одно колено и склонил перед нами золотую голову.

– Простите, – произнес он слегка дрожащим голосом. – Я не знал, что собирался сделать Беккет. Если бы знал, я бы помешал...

– Тебе не за что извиняться, – сказала я, не в силах позволить юному атлантианцу нести ложную вину. Я вдруг поняла, что остальные, должно быть, еще не знают, что на самом деле произошло. – Беккет был ни в чем не виноват.

– Но он... – Квентин поднял голову. Его золотистые глаза были наполнены слезами. – Он ведь привел тебя в Покои и...

– Это был не он, – объяснил Кастил. – Беккет не совершал никаких преступлений против Пенеллаф или меня.

– Я не понимаю. – Атлантианец неуверенно поднялся на ноги, его охватили озадаченность и облегчение. – Тогда где же он был, ваше высочество... то есть Кастил? Он с вами?

Я сжала руку Кастила, а на его челюсти задержалась мышца.

– Беккет не покидал Предела Спессы. Он был убит теми, кто состоял в заговоре с его дядей.

Я не знала, отреагировали ли другие на смерть юного вольвена. Все, что я чувствовала, – это стремительно захлестнувшее атлантианца горе, последовавшее за жестоким ударом отрицания. Его боль была такой свежей и мощной, что взорвалась в соленом воздухе вокруг нас и сгустилась на моей коже. Я слышала, как Кастил выражает сожаления, и видела, как Квентин качает головой. Его боль... она была абсолютной, и я подумала, что в его жизни это, наверное, первая настоящая утрата. Он был старше меня, хотя и выглядел моложе. Но по атлантианским меркам он все еще считался очень юным. Он пытался не показывать боль, сжимая губы; его спина одеревенела. Он старался держаться, ведь с ним говорил принц, его окружали вольвены, атлантианцы и Хранительницы. Как ни печально, он проигрывал эту битву: страдание пульсировало в нем волнами. Если бы он проиграл, Кастил не осудил бы его, но я чувствовала, что Квентин хочет казаться смелым и сильным. Мне было сложно наблюдать за этим. Я ненавидела тех, кто оказался в ответе за боль, причиненную другим, и за отнятые жизни.

Я отреагировала не раздумывая, повинувшись инстинкту. Я оставила сомнения, что все могло пойти не так, ведь я теперь понятия не имела, на что способно мое прикосновение. Высвободила руку из руки Кастила и прижала к предплечью атлантианца. Взгляд его широко раскрытых глаз метнулся ко мне. На ресницах повисли слезы.

– Мне жаль, – прошептала я, желая найти слова лучше, более действенные, более вдохновляющие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.